

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№ 1 · 2010

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

1-2010

Издается с марта 1999 г.
Периодичность — 4 номера в год.
Свидетельство о регистрации
№Р2829 от 16 марта 1999 г.
выдано Северо-Кавказским
региональным управлением по СМИ.
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс по каталогу
«Роспечать» 46483.

Решением Президиума Высшей
аттестационной комиссии Минобрнауки
России от 19 февраля 2010 года №6/6)
журнал «Человек. Сообщество.
Управление», издающийся на факультете
управления и психологии Кубанского
государственного университета,
включен в **Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание
ученых степеней доктора
и кандидата наук.**

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская,
149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, 149

Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются

по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Дизайн обложки:

С. Г. Ажгихин, М. Н. Марченко

Оригинал-макет: Д. А. Хрипков

Отпечатано в типографии

Издательско-полиграфического
центра Кубанского государственного
университета. Адрес: Краснодар,
ул. Ставропольская, 149

Подписано в печать 29.03.2010

Уч.-изд. л. 11,53. Усл. печ. л. 10,41

Тираж 1000 экз. Заказ №

Главный редактор:

Е. В. Морозова, д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет:

Алексеева Т. А., д-р филос. н., проф. (МГИМО (У));
Арутюнян Л. А., д-р филос. н., проф. (Ереванский
ГУ); **Бабешко В. А.**, д-р физ.-мат. н., проф., академик
РАН (Кубанский ГУ); **Бедерханова В. П.**, д-р
пед. н., проф. (Кубанский ГУ); **Бодалев А. А.**, д-р
психол. н., проф., академик РАО; **Деллер С.**, PhD,
проф. (университет Висконсин-Мэдисон, США);
Жаде З. А., д-р полит. н., проф. (Адыгейский ГУ);
Зинченко Ю. П., д-р психол. н., проф. (МГУ им.
М. В. Ломоносова); **Знаков В. В.**, д-р психол. н., проф.
(Институт психологии РАН); **Иванов А. Г.**, д-р ист. н.,
проф. (Кубанский ГУ); **Кузьмина Н. В.**, д-р психол. н.,
проф. (РАО); **Латфуллин Г. Р.**, д-р экон. н., проф. (Гос.
ун-т управления); **Марьян М. И.**, д-р психол. н., проф.
(МВД РФ); **Никовская Л. И.**, д-р социол. н., проф.
(Институт социологии РАН); **Романова А. П.**, д-р
филос. н., проф. (Астраханский ГУ); **Рябикина З. И.**,
д-р психол. н., проф. (Кубанский ГУ); **Сморгунов Л. В.**,
д-р филос. н., проф. (СПбГУ); **Фадеева Л. А.**, д-р ист. н.,
проф. (Пермский ГУ); **Шабров О. Ф.**, д-р полит. н.,
проф. (РАГС); **Шпак В. Ю.**, д-р филос. н., проф.
(Южный федеральный ун-т)

Редакционная коллегия:

Авдеева Т. Т., д-р эконом. н., проф. (зам гл.
редактора); **Белоконь Т. М.**, канд. филол. наук, доц.;
Дёмин А. Н., д-р психол. н., проф. (зам гл. редактора);
Ермоленко В. В., канд. тех. н., доц.; **Ждановский А. М.**,
канд. ист. н., проф.; **Кимберг А. Н.**, канд. психол.
н., доц.; **Кольба А. И.**, канд. полит. н., доц. (зам.
гл. редактора); **Курбатова Г. С.**, отв. секретарь;
Лаврова Т. Г., канд. эконом. н., доц.; **Лузаков А. А.**,
д-р психол. н., доц.; **Малиночка Э. Г.**, д-р пед. наук,
проф.; **Мясникова Т. А.**, канд. эконом. н., доц.;
Оберемко О. А., канд. социол. н., доц.; **Ожигова Л. Н.**,
д-р психол. н., проф.; **Остапенко А. Н.**, д-р пед. н., проф.;
Савва Е. В., канд. филос. н., доц.; **Филиппов Ю. В.**,
канд. эконом. н., проф.; **Фоменко Г. Ю.**, д-р психол. н.,
проф.; **Юрченко В. М.**, д-р филос. н., проф. (зам. гл.
редактора)

1-2010

Содержание

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

- Исаев Б. А.* Структура и характерные режимы функционирования партийно-политической системы Германии 4
- Токарева Е. В.* Координация взаимодействия органов политического управления в ЕС в условиях неравномерного распределения компетенции. 18

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Гришин Н. В.* Модели и факторы изменчивости электоральных ориентаций 28
- Урчукова С. Р.* Политическая элита как объект научного анализа 36

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

- Ермоленко В. В.* Интеллектуальный сервис суперстратегических решений в корпорации в экономике знаний. 46

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

- Фокина О. А.* Изменение потребления россиян под влиянием трансформационных процессов в постсоветскую эпоху 63

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

- Кимберг А. Н.* Психология безопасности личности: предмет и проблемы в перспективе субъектного подхода 72
- Фоменко Г. Ю.* Психология безопасности личности: теоретико-методологические основания институционализации 83

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Шиповская В. В.* Особенности проявления личностной беспомощности в ситуации осложненной беременности 100
- Петрова И. А.* Отношение личности к времени жизни в условиях организационной неопределённости 114

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 124

ПОРЯДОК ПРИЁМА И РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ 125

СТРУКТУРА И ХАРАКТЕРНЫЕ РЕЖИМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГЕРМАНИИ

.....

Б. А. Исаев¹

В статье анализируется исторический путь, структура партийно-политической системы Германии, состав и функции ее ведущих политических институтов. Главное внимание уделено партийному влиянию в политических институтах современной Германии, эволюции ее партийной системы и связям партийной и политической систем.

Ключевые слова: партийно-политическая система, избирательная система, политический режим, структура и функции бундестага.

This article analyzes the historical way, the structure of party political system of Germany, the composition and functions of its major political institutions. It focuses on the party's influence in the political institutions of modern Germany, the evolution of its party system and the relations of party and political systems.

Key words: party political system, electoral system, political regime, the structure and function of the Bundestag.

За свою не очень длинную историю, начавшуюся в конце XIX в., партийно-политическая система объединенной Германии пережила следующие *режимы и трансформации*:

- 1) конституционно-монархический режим Германской империи 1871–1918 гг., с сильным кайзером, слабым рейхстагом, с политической системой канцлерского правления и многопартийной партией;
- 2) демократический режим Веймарской республики 1919–1933 гг. с политической системой канцлерского правления при определенной роли президента, избираемого прямым всенародным голосованием, и многопартийной партией;
- 3) тоталитарный национал-социалистический режим Третьего рейха 1933–1945 гг. с фюрерским правлением и однопартийной партией;

---

¹ Исаев Борис Акимович — доктор социологических наук, профессор, заведующий отделением и кафедрой политологии Балтийского государственного технического университета («Военмех») им. Д. Ф. Устинова. Эл. почта: IsaevBoris@yandex.ru

4) демократический режим Федеративной Республики Германии с 1949 г. и до настоящего времени с канцлерским правлением и многопартийной партией, которая пережила трансформацию в связи с объединением ФРГ и ГДР, точнее, поглощением Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германии в 1990 г.

В современной Германии действует *пропорциональная избирательная формула*, которая имеет черты, объединяющие ее со смешанной пропорционально-мажоритарной, т.е. партийно-индивидуальной избирательной системой. Избирательное право граждан Федеративной Республики Германия исходит из наличия у каждого избирателя двух голосов для голосования:

- 1) за кандидата по земельным спискам партий;
- 2) за кандидата от своего одномандатного избирательного округа (всего округов — 328) по федеральным спискам партий.

В первом случае избиратель голосует за партию. Таким образом между партийными фракциями распределяется 328 мест в бундестаге. С 1952 г. для партий ФРГ введен 5% парламентский барьер. Во втором случае избиратель выбирает личность.

В результате голосования половина депутатов избирается по партийным спискам, а другая половина — в избирательных округах прямым образом. Итог выборов зависит от полученной каждой прошедшей в парламент партией доли голосов по партийным спискам, на основании которой и формируется фракция бундестага.

Дополнительные выборы в бундестаг не проводятся. При выбытии какого-либо депутата его место занимает следующий в списке кандидат победившей партии.

Президент избирается не всенародным голосованием, а на специальном заседании Федерального собрания, состоящего из общенациональной палаты — бундестага и палаты представителей земель — бундесрата.

В зависимости от того, с какой точки зрения рассматривать парламент, утверждает К. Зонтхаймер, германский бундестаг представляется слабым или относительно слабым. Он слаб, если исходить из его положения как высшего представительного органа немецкого народа, который должен быть политически доминирующей силой формирования государственной воли, т.е. обязан выполнять правительственные функции. Он силен, если считать его (скажем, в сравнении с британской палатой общин) парламентом, который призван сохранять известную автономию по отношению к правительству и осуществлять свою главную законодательную функцию более или менее независимо от исполнительной власти.

В современной Германии господствует версия о слабом парламенте. Она вытекает из теории парламентского абсолютизма, согласно которой народное

представительство должно иметь все решающие политические полномочия в государстве. Если сопоставить эту теорию с реальностью, то положение бундестага в партийно-политической системе выглядит относительно слабым. Если рассматривать бундестаг с точки зрения теории «мажоритаризма — консенсуализма», то следует признать его относительную слабость следствием консенсуса, к которому вынуждена стремиться многопартийная система.

Но и парламенты других партийно-политических систем, существовавших в Германии, не отличались особой политической силой по отношению к другим властным структурам. Так, парламент Германской империи строго ограничивался законодательством и одобрением бюджета, не оказывая решающего воздействия на формирование правительства, тем более — на его политику. Парламент Веймарской республики, хотя и функционировал в рамках вполне развитой парламентской системы, когда правительство является как бы продолжением парламента, формируется им и зависит от него, испытывал затруднения из-за неспособности партий (а фактически из-за крайней поляризации и даже раскола общества) создать устойчивые правительственные коалиции. Поэтому веймарский парламент позволил рейхспрезиденту править с помощью «чрезвычайных указов» и не смог оказать сопротивления тоталитарной фашистской партии в ее стремлении к власти и уничтожению веймарской системы. Веймарский парламент был, правда, «силен» по отношению своих правительств, но сила эта была негативной, ослабляющей партийно-политическую систему в целом.

Поэтому создатели конституции 1949 г. из исторического опыта германского парламентаризма сделали вывод о необходимости усиления парламента. Они создали партийно-политическую систему, при которой правительство хоть и является продолжением парламента, выходит из него, но обладает по отношению к нему большей независимостью, чем в веймарской республике. С одной стороны, они усилили парламент, вынуждая его уже при избрании канцлера и формировании правительства создавать дееспособное парламентское большинство, с другой — ослабили его тем, что дали правительству большую самостоятельность, чем в веймарской системе. Партийно-политическая система современной Германии представляет собой довольно устойчивую конструкцию, состоящую из достаточно сильного бундестага, сильного правительства во главе с правящим канцлером, откровенно слабого президента и стабильной партийной системы, уравновешивающей всю политическую систему. По сравнению с парламентами США и Великобритании, бундестаг не является независимым от главы правительства, не служит противовесом президенту, как американский конгресс, и не сильно подчинен правительству вплоть до контроля над ним (бундестагом), как британская палата общин. Если в американском конгрессе видят парламент, который благодаря собственной активности решающим образом участвует в формировании политики и законодательства

страны (работающий парламент), а в британской палате общин, напротив, инструмент в руках правительства, форум для дебатов с оппозицией (ораторский парламент), то германский бундестаг занимает промежуточную позицию, является смесью работающего и ораторского парламентов. В партийно-политической системе ФРГ бундестаг выполняет *три основные функции*:

- является решающим органом формирования правительства;
- служит центром законодательного процесса;
- выступает органом представительства всего немецкого народа.

По мнению Зонтхаймера, первые две функции он выполняет хорошо, третью — менее хорошо [2, с. 209–219].

Итак, историческое сравнение германских парламентов, которые никогда не выглядели как доминирующие институты в системе власти, дает нам право считать *недостаточно сильной, но конструктивной и эффективной роль* современного бундестага в партийно-политической системе ФРГ, особенно это касается выполнения им функций формирования правительства и законотворчества.

Работой немецкого парламента руководит президент бундестага. Президент бундестага, а также его заместители и секретари избираются бундестагом. Президент бундестага созывает заседание после избрания депутатов, открывает и ведет эти заседания. Президент бундестага осуществляет право хозяина здания бундестага и обладает в нем полицейской властью. Без его разрешения в помещениях бундестага не могут проводиться ни обыск, ни выемка [3, с. 157].

Основная работа бундестага, и в этом смысле он не представляется исключением среди других парламентов, заключается в активности комитетов. *Комитетская структура бундестага* дает возможность для выражения интересов и проведения своих программных положений как правящим, так и оппозиционным партиям. Количество, состав и структура комитетов бундестага не является постоянной величиной. Временами их число доходило до тридцати, затем, чтобы избежать дублирования работы и перегрузки депутатов, их количество и состав сокращались. Начиная с шестой легислатуры (1969–1972 гг.) стал осуществляться принцип придания каждому из 15 министерств соответствующего комитета бундестага, в каждый из которых записываются по 17–33 депутата, исходя из их компетентности в тех или иных вопросах. Наряду с этими пятнадцатью комитетами действует еще упомянутый в конституции *комитет по петициям*. В исключительных случаях может быть образован *следственный комитет*, которому бундестаг поручает сбор доказательств для публичного обсуждения.

Повседневная деятельность комитета, порядок и скорость продвижения дел во многом зависят от его председателя. Поэтому посты председателей комитетов распределяются пропорционально силе и влиянию фракций в бунде-

стаге. Пост председателя комитета бундестага считается весьма релевантным и часто служит трамплином к министерской карьере. В отличие от пленарных заседаний бундестага работа комитетов проходит в закрытом от журналистов и публике режиме. Это объясняется необходимостью непринужденной совместной работы представителей разных политических сил, часто сопровождающейся торгом и сделками. В последние годы при решении «политически взрывных дел», заведомо спорных вопросов применяется заимствованная из работы комитетов американского конгресса практика *публичных слушаний* в комитетах с приглашением экспертов и представителей интересов.

При всей важности для подготовительной работы бундестага его комитетской структуры главной и определяющей все взаимоотношения в немецком парламенте, как и во всех других парламентах, является его *фракционная, партийная структура*. В политической практике ФРГ действует *модель независимости парламентских фракций от решений центральных партийных органов*, хотя попытки навязать позицию руководства партии своей парламентской фракции неоднократно предпринимались, особенно со стороны левых партий. В то же время парламентская деятельность депутата на пленарном заседании, в комитете и его позиция при голосованиях целиком определяются руководством фракции.

Деятельность фракций проходит под руководством штабов фракций. Штабы крупнейших фракций (ХДС/ХСС и СДПГ), насчитывающих более 200 депутатов, обладающих значительным политическим влиянием и финансовыми средствами, практически определяют основную деятельность бундестага. Деятельность внутри фракций осуществляется в форме *общих собраний и рабочих кружков*. На собраниях фракций предлагается и обсуждается намеченная парламентская политика партии. Дается информация депутатам о подготовке и прохождении того или иного вопроса через комитет. Здесь также могут предлагаться альтернативные решения и звучать критика. В рабочих кружках обсуждаются более узкие и специальные вопросы или проблемы конкретных сфер общества. Как правило, дискуссии в рабочих кружках предшествуют обсуждению той или иной проблемы в комитете бундестага.

Поскольку ФРГ федеральное государство, в структуре немецкого парламента предусмотрен орган участия земель в законодательстве и администрации федерации — *бундесрат*. Бундесрат состоит из назначаемых *ландтагами* (парламентами земель) членов правительств земель. Ландтаги имеют право отзыва своих депутатов бундесрата. Каждая земля располагает в бундесрате не менее чем тремя депутатскими местами; земли с населением более 2 млн жителей имеют четыре места, а земли с населением свыше 6 млн жителей — пять мест. Бундесрат на каждый год избирает своего президента. Как и бундестаг, бундесрат имеет комитетскую и фракционную структуру. Основным законом допускает создание совместных комитетов и комиссий бундестага и бундесрата.

Члены правительства имеют право, а по требованию депутатов бундестага и бундесрата обязаны присутствовать на заседаниях палат немецкого парламента.

Для характеристики особенностей немецкой демократии политологами ФРГ сформулировано понятие «*канцлерская демократия*», означающее, что центром партийно-политической системы является глава правительства — федеральный канцлер [2, с. 240]. *Принцип канцлерства* соответствует исторической традиции и политической практике всех режимов объединенной в 1871 г. Германии. При этом канцлер отнюдь не является только «первым среди равных» (министров), а имеет все prerogatives *руководителя исполнительной власти*. Он избирается бундестагом без прений по предложению федерального президента [3, с. 163] и имеет право:

- определять персональный состав правительства, который назначается и смещается по его представлению федеральным президентом;
- определять политический курс правительства, за который он и несет полную ответственность;
- просить бундестаг о вотуме доверия правительству, выступая при этом адресатом вотума доверия или недоверия.

От политической позиции, популярности, психолого-политических навыков канцлера полностью зависит весь состав правительственной команды. Канцлер является ведущей политической фигурой бундестага, фракции своей партии и фактически всей парламентской системы партий.

При этом существует ряд сдерживающих факторов, ограничивающих власть канцлера. Так, при определении состава правительства канцлер зависит от пожеланий правительственных фракций; при определении курса правительства — от программ и платформ правительственных партий; при вотировании доверия правительству — от расклада политических сил в бундестаге, от соотношения количества депутатов правительственных и оппозиционных фракций.

Наилучшей позицией для избрания на пост канцлера считается лидерство в партии или должность премьер-министра федеральной земли (см. рисунок).

В табл. 1 представлены все канцлеры послевоенной Германии. Большинство из них заняли пост в результате победы своей партии на выборах в бундестаг. Лишь в трех случаях смена канцлера произошла не по итогам всеобщих выборов, а на основании так называемого конструктивного вотума недоверия (предусмотренного ст. 67 основного закона) в результате досрочной отставки и замены действовавшего канцлера на его однопартийца: в 1963 г. Конрада Аденауэра сменил Людвиг Эрхард, в 1966 г. уже Л. Эрхард досрочно сдал пост однопартийцу Курту Кизингеру и в 1974 г. Гельмут Шмидт (СДПГ) стал канцлером, сменив на этом посту однопартийца Вилли Брандта, который стал жерт-

Партийно-политическая система ФРГ

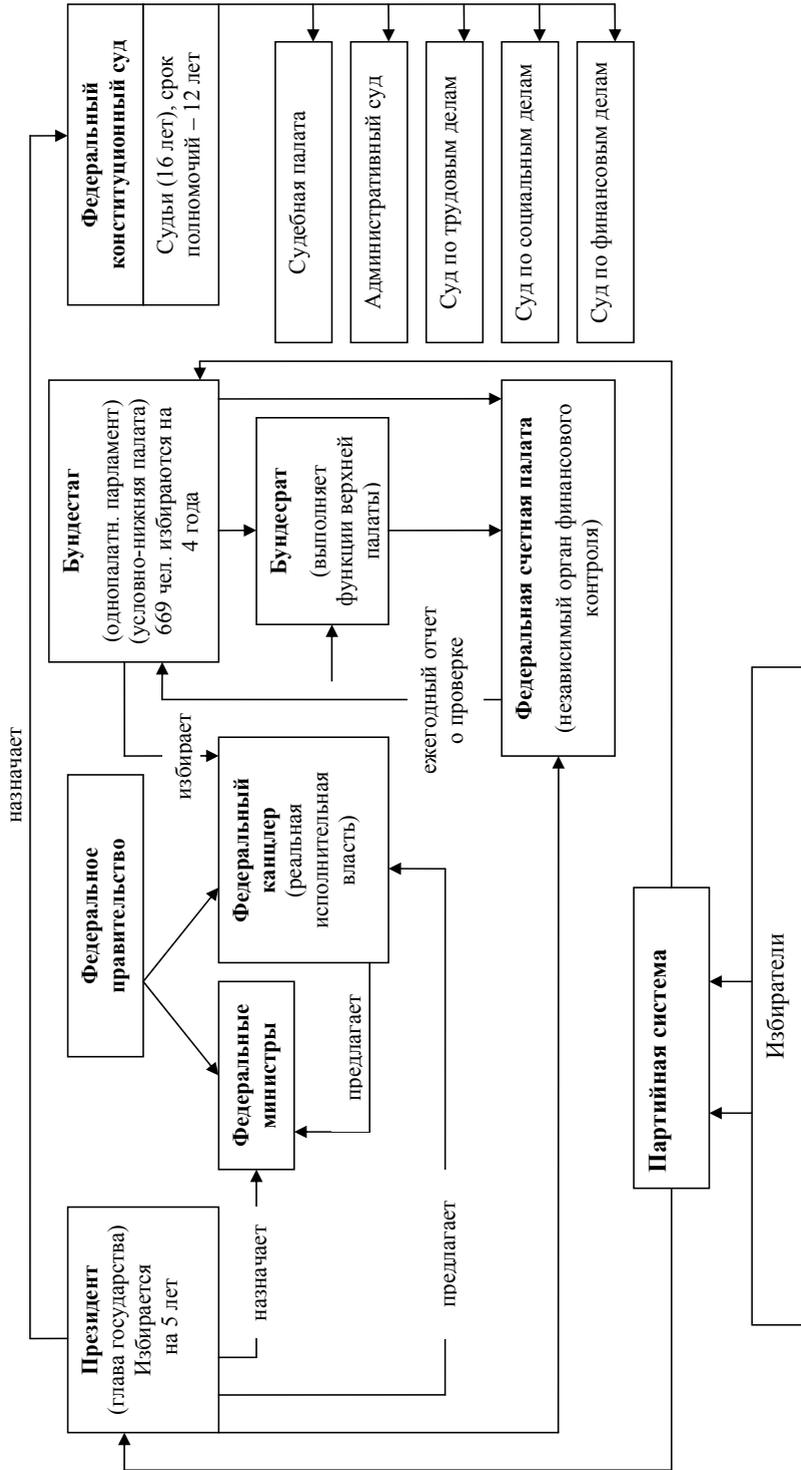

Таблица 1

Федеральные канцлеры и занимаемые ими должности на момент избрания на этот пост [1, с. 474-475] (в таблицу внесены незначительные изменения)

Год	Путь избрания на пост канцлера	Фамилия канцлера и его партийность	Совмещение должности канцлера и председателя партии, гг.	Руководитель земельного правительства, гг.	Период нахождения на посту канцлера, гг.
1949	Выборы в бундестаг	К. Аденауэр (ХДС)	1950-1966		1949-1963
1953	Выборы в бундестаг	К. Аденауэр (ХДС)			
1957	Выборы в бундестаг	К. Аденауэр (ХДС)			
1961	Выборы в бундестаг	К. Аденауэр (ХДС)			
1963	Смена канцлера	Л. Эрхард (ХДС)			
1966	Смена канцлера	К. Кизингер (ХДС)	1967-1969	1958-1966	1966-1969
1969	Выборы в бундестаг	В. Брандт (СДПГ)	1964-1987	1957-1966	1969-1974
1972	Выборы в бундестаг	В. Брандт (СДПГ)			
1974	Смена канцлера	Г. Шмидт (СДПГ)			1974-1982
1976	Выборы в бундестаг	Г. Шмидт (СДПГ)			
1980	Выборы в бундестаг	Г. Шмидт (СДПГ)			
1982	Смена коалиции	Г. Коль (ХДС)	1973-1998	1969-1976	1982-1998
1983	Выборы в бундестаг	Г. Коль (ХДС)			
1987	Выборы в бундестаг	Г. Коль (ХДС)			
1990	Выборы в бундестаг	Г. Коль (ХДС)			
1994	Выборы в бундестаг	Г. Коль (ХДС)			
1998	Выборы в бундестаг	Г. Шредер (СДПГ)	1999-2004	1990-1998	1999-2004
2002	Выборы в бундестаг	Г. Шредер (СДПГ)			
2005	Выборы в бундестаг	А. Меркель (ХДС)	1999 — по наст. вр.		2005 — по наст. вр.

вой политического скандала, когда были обнародованы его контакты с восточногерманской разведкой. В 1982 г. Гельмут Коль также получил канцлерский пост не в результате всеобщих парламентских выборов, а в ситуации, когда из правящей коалиции (СДПГ и Св. ДП) вышла Св. ДП и канцлер Г. Шмидт (СДПГ) лишился вотума доверия бундестага. К власти пришла вновь сформированная коалиция (ХДС/ХСС и Св. ДП), и бундестагом был избран новый канцлер — Г. Коль (ХДС). Итак, из девятнадцати смен канцлеров, имевших место в послевоенной партийно-политической системе Германии, лишь четыре прошли не в штатном режиме, т. е. не легитимировались всеобщими выборами. Это вполне допустимо, если учесть что все смены канцлеров были абсолютно конституционны и общая легитимность режима не пострадала. Нельзя

Таблица 2

Динамика партийной системы ФРГ (системы «двух с половиной партий»)

Партии / Дата выборов	КПГ (ГКП)		СДПГ		Св. ДП		ХДС/ХСС		НДП	
14.08.1949	5,74	15	29,22	131	11,92	52	31,01	139	—	—
06.09.1953	2,21	0	28,84	151	9,54	48	45,17	243	—	—
15.09.1957	—	—	31,75	169	7,71	41	50,19	270	—	—
17.09.1961	—	—	36,22	190	12,77	67	45,32	242	—	—
19.09.1965	—	—	39,28	202	9,49	49	47,59	245	2,04	0
28.09.1969	—	—	42,67	224	5,77	30	46,09	242	4,31	0
19.11.1972	0,30	0	45,85	230	8,36	41	44,84	225	0,55	0
30.10.1976	0,31	0	42,56	214	7,92	39	48,63	243	0,32	0
09.10.1980	0,19	0	42,86	218	10,62	53	44,54	226	0,18	0
06.03.1983	0,17	0	38,18	202	6,95	35	38,15 10,63	202 53	0,23	0
25.01.1987	—	—	37,04	193	9,09	48	34,45 9,81	185 49	0,60	0

Примечания. 1. Полу жирным шрифтом выделены партии, составляющие систему «двух с половиной партий». 2. В первой графе для каждой партии указан процент голосов избирателей, во второй — количество мест в бундестаге. 3. На выборах в бундестаг 1983 и 1987 гг. ХДС и ХСС, выступавшие до этого общим списком, выдвигали отдельные списки.

не отметить довольно длительное нахождение германских канцлеров на своем посту (табл. 2). В этом смысле германская партийно-политическая система выгодно отличается, например, от британской и итальянской.

Наряду с концепцией «канцлерской демократии» в германской практической политике имеет место концепция «партийного государства», авторы которой стараются подчеркнуть важную роль партий в политической системе Германии. Согласно этой концепции, партии после упоминания о них в конституции и принятии специальных законов, регламентирующих их деятельность, т.е. после конституционализации и институционализации, стали такими же конституционными политическими институтами, как канцлерство, правительство, бундестаг, конституционный суд. Они на равных основаниях участвуют в законотворческом процессе, принятии важнейших государственных решений, обеспечиваются государством всеми необходимыми ресурсами.

По нашему мнению, концепция «партийного государства» верна только с конституционно-правовой, но никак не с политической точки зрения, ибо партии только частично являются государственными организациями, большая их часть принадлежит гражданскому обществу. Партии были и останутся общественно-государственными структурами. Поэтому вряд ли государство,

где бы то ни было, сможет в полной мере стать «партийным», так же как партии «государственными».

В отличие от конституционно-правовой концепции «партийного государства», которую используют в первую очередь юристы, политологи ФРГ выдвигают концепцию «партийной демократии», означающую, что именно партии решают «кто под их флагом войдет в парламент, как там будут голосовать, кто с кем вступит в коалицию и т. д. Влияние партий выходит за пределы политической системы... Простое определение конституции о том, что партии «принимают участие в формировании воли народа» давно уже превратилось в конституционную реальность, причем партии, собственно говоря, являются в этом формировании определяющим фактором. И в данном случае конституционная пропись и конституционная действительность — две совершенно разные вещи» [4, с. 48].

Путь партийно-политической системы Германии к партийной демократии и плюралистической многопартийности был нелегким и проходил через разрушение и преодоление наследия нацистской монопартийной государственно-милитаристской системы, создание новых партий и новых, демократических политических институтов.

В соответствии с Потсдамским договором в послевоенной Германии был проведен процесс денацификации и демократизации, в результате которого была ликвидирована созданная нацистами политическая система, НСДАП, ее парипартийные организации типа гитлерюгенда, СС, СД, а также вооруженные силы Третьего рейха, над которыми также шефствовала НСДАП. К участию в партийно-политической деятельности допускались только лица, способствовавшие развитию партий и государственных учреждений в демократическом направлении.

Партийная система ФРГ в 1945–1990 гг. представляла собой *систему с сильным центром и слабыми флангами*, к тому же взаимоисключающими друг друга, так как коммунисты, занимавшие крайне левые позиции, и профашисты, окопавшиеся на правом фланге, — заклятые враги. Кроме того, партийная система ФРГ являла собой классический пример функционирования *системы «двух с половиной партий»*. Действительно, в послевоенной Германии сложились две многочисленные и влиятельные, так называемые народные партии: левоцентристская СДПГ (775 тыс. членов) и правоцентристский блок ХДС/ХСС (ХДС — 640 тыс. членов, ХСС — 180 тыс. членов). Позиции в центре партийной системы занимает сравнительно небольшая, точнее *средняя*, набирающая 7–12% голосов Св. ДП (70 тыс. членов).

Так как силы СДПГ и ХДС/ХСС были приблизительно равны, то от того, с кем заключит коалицию Св. ДП, зависела победа «большой, народной партии» и партийный состав правительства. Действительно, в 1949–1969 гг. свободные демократы заключали коалиционное правительственное соглашение

Таблица 3

«Четырехпартийная», двухполюсная система ФРГ

Дата выборов, полюс	Партии							
	СДПГ		ПЗ		Св. ДП		ХДС/ХСС	
06.03.1983	38,18	202	5,57	28	6,95	35	38,15 10,63	202 53
25.01.1987	37,04	193	8,26	44	9,09	48	34,45 9,81	185 49
Полюс	Левоцентристский				Правоцентристский			

с ХДС/ХСС и их председатель Х.-Д. Геншер получал престижный пост министра иностранных дел. Но в 1969 г. Св. ДП заключила коалицию с СДПГ и Геншер вошел уже в правительство социал-демократов. В 1982 г. Св. ДП разорвала коалицию с социал-демократами и у власти вновь оказались христианские демократы (табл. 2). Таким образом, при посредничестве *средней партии* — Св. ДП к власти попеременно приходила то одна (ХДС/ХСС в 1949–1969 гг. и 1982–1989 гг.), то другая *большая партия* (СДПГ в 1969–1982 гг.). В таком режиме *системы «двух с половиной партий»* партийно-политическая система ФРГ функционировала до тех пор, пока в 1983 г. не появилась новая парламентская сила — Партия зеленых (ПЗ).

Именно с этого времени классическая германская система «двух с половиной партий» трансформировалась в «четырехпартийную» систему, в которой на самом деле более четырех партий, но основные роли распределены именно между партиями СДПГ, ПЗ, Св. ДП и партийным блоком ХДС/ХСС (табл. 3).

После объединения ФРГ с ГДР (1990 г.) в землях, составлявших бывшую ГДР, начался процесс образования новых политических партий. Он шел тремя путями:

- образование партий из распадавшейся СЕПГ (*пролификация*);
- образование партий из нарождавшегося гражданского общества (*пролиферация*);
- образование на территории бывшей ГДР партийных структур действующих западногерманских партий.

Наиболее влиятельными партиями на территории бывшей ГДР, или нынешних восточногерманских земель, стали:

- пролификационная Партия демократического социализма (ПДС), образованная на базе СЕПГ и занявшая политическую позицию в партийной системе объединенной Германии левее СДПГ;
- пролиферационные партии «Новый форум» (НФ), «Демократический прорыв» (ДП), «Демократию сейчас» (ДС), «Новый форум» (НФ), «Инициатива

за мир и права человека» (ИМПЧ), «Германская партия форума» (ГПФ) и др., образовавшиеся в гражданском обществе и занявшие центристские и правоцентристские позиции;

— Социал-демократическая партия, созданная при помощи СДПГ, «Зеленая партия», созданная под патронажем западногерманских «зеленых», Немецкий социальный союз (НСС), своей организацией и программными установками весьма напоминая баварский ХСС.

Все они разделяли политические позиции соответствующих партий Западной Германии. Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ, Восточная Германия), Христианско-демократический союз (ХДС, Восточная Германия) и Св. ДП (Восточная Германия), напротив, не нашли активной поддержки у своих западногерманских единомышленников, и их члены просто влились в ряды соответствующих западногерманских партий после объединения и учредительных выборов.

Но для прохождения в бундестаг даже у самых влиятельных партий Восточной Германии не хватало ресурсов. Поэтому они пошли на заключение коалиций:

— ХДС, НСС и ДП составили коалицию «Альянс за Германию», поддержавшую программу объединения, предложенную официальными властями ФРГ;

— НФ, ДС, ИМПЧ объединились в коалицию с другими правозащитными и экологическими партиями и группировками ФРГ под общим названием «Союз-90 — Зеленые»;

— ЛДПГ, ГПФ, Св. ДП учредили коалицию «Союз свободных демократов».

Первые общегерманские выборы (02.12.1990) показали слабость новообразованных партий и коалиций. Ни одна из них не прошла в бундестаг своим списком. Мажоритарными мандатами оказались представлены лишь ПДС (17 мест) и «Союз-90 — Зеленые» (8 мест). Фактор объединения сыграл на руку правящей христианско-либеральной коалиции. Несмотря на предсказываемое поражение, партии коалиции одержали безоговорочную победу, завоевав 398 мест из 662 (ХДС — 268 мест, ХСС — 51, Св. ДП — 79). СДПГ довольствовалась лишь 239 мандатами. Партийная система ФРГ вновь стала «трехпартийной» (ведущая роль у СДПГ, Св. ДП и ХДС/ХСС) и двухполюсной.

Но уже следующие выборы (конец 1994 г.), на которых объединенная партия экологов «Союз-90 — Зеленые» (С-90 — 3) прошла парламентский барьер, набрав 7,27% голосов и получив 49 парламентских мест, вновь стала четвертой парламентской партией, а ПДС, набрав 4,39% голосов, сумела создать парламентскую фракцию за счет «мажоритарных» депутатов численностью 30 чел., изменили структуру партийной системы на многопартийную, сохранив ее прежнюю двухполюсность.

Таблица 4

Многопартийная, двухполюсная система Германии
(по результатам выборов 27.09.1998)

Показатели	Партии					
	ПДС	СДПГ	С-90 — 3	Св. ДП	ХДС	ХСС
% голосов избирателей	5,10	40,93	6,70	6,25	28,40	6,74
Количество мест в бундестаге	35	298	47	44	198	47
Полюс	Левоцентристский			Правоецентристский		

Тенденция к многопартийности и двухполюсности сохранилась и на последующих выборах (табл. 4).

За время, прошедшее после выборов 1994 г., ни христианские демократы, ни объединенная фракция ХДС/ХСС бундестага, ни христианско-либеральная коалиция практически не обновили ни программных лозунгов, ни политического курса. Лимит доверия избирателей, увеличившийся в свое время фактором объединения Германии, был исчерпан.

В то же время социал-демократы под руководством нового лидера Герхарда Шредера провели избирательную кампанию 1998 г. под лозунгом: «Мы не все будем делать по-другому, но мы будем делать лучше», означавшим, что СДПГ в духе современных тенденций старается уйти от идеологического конфликта левых и правых, найти эффективное сочетание политики модернизации и здравого смысла, новаций и опоры на традиции. Такая стратегия позволила СДПГ одержать победу на выборах 1998 г. (см. табл. 4).

Для создания парламентского большинства была создана «розово-зеленая коалиция» (СДПГ и С-90 — 3). Канцлером стал Г. Шредер, министром финансов — О. Лафонтен (затем Г. Эйшель, все — члены СДПГ), министром иностранных дел — Й. Фишер (С-90 — 3). Победившей коалиции также удалось заменить в результате президентских выборов 1999 г. ставленника ХДС Р. Херцога на Й. Рау (СДПГ).

Результаты следующих выборов 2002 г. создали пикантную ситуацию, когда правящая партия СДПГ и оппозиционный блок ХДС/ХСС набрали по 38,5% голосов. Исход этой избирательной кампании решили союзники по коалициям. Член «розово-зеленой» коалиции партия «Союз-90 — Зеленые» получила больше голосов, чем член христианско-либеральной коалиции Св. ДП. В итоге у власти осталась коалиция СДПГ и С-90 — 3.

Еще более сложная ситуация возникла на выборах в шестнадцатый бундестаг (бундестаг 16-го созыва) в 2009 г. По итогам выборов партии получили следующее количество мест: ПДС — 51; СДПГ — 222; С-90 — 3 — 55; Св. ДП — 47; ХДС/ХСС — 225.

Если не считать ПДС, которую ни одна коалиция не пригласила в свой состав, соотношение парламентских мандатов между социал-экологической и христианско-либеральной коалициями выглядело как 277: 272, но победу одержал блок ХДС/ХСС (225 мест) и его лидер — Ангела Меркель с полным правом претендовала на пост канцлера и формирование правительства. Возможность различных комбинаций коалиционного правительства вызвало в политических кругах активное обсуждение. В результате была создана «*большая коалиция*» с участием обеих народных партий ХДС/ХСС и СДПГ, а канцлером стала А. Меркель (ХДС).

Таким образом, многопартийная система ФРГ, как и итальянский и французский мультипартизм, базируется на коалиционных соглашениях, а одной из главных составляющих политики партий является заключение избирательных, парламентских и правительственных коалиций. В то же время смена партий и партийных коалиций у руля власти дает возможность на практике апробировать различные пути общественного развития, разные подходы и приемы управления государственными структурами, социально-экономическими процессами. Наконец, многообразие партий дает каждому человеку возможность реального выбора идеологии, программы и определенного политического курса.

Библиографический список

1. Бубе М. Система власти в Германии — парламентаризм как канцлерская демократия? // Парламентаризм в России и Германии: история и современность. М.: РОССПЭН, 2006.
2. Зонтхаймер К. Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы. М.: Памятники исторической мысли, 1996.
3. Основной закон Федеративной Республики Германии // Современные зарубежные конституции. М.: МЮИ, 1992.
4. Поттхофф Х. Партийная демократия и плюралистическая общественно-политическая система // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М.; Ростов н/Д: Изд-во СКАГС, 2004.

КООРДИНАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В ЕС В УСЛОВИЯХ НЕРАВНОМЕРНОГО РАСПРЕДЕЛЕНИЯ КОМПЕТЕНЦИИ

.....

Е. В. Токарева¹

Настойчивость социального экспериментирования в области создания моделей управления, отвечающих сложным задачам формирования наднациональной структуры и гармонизации интересов приводят к переносу центров принятия решений в ЕС. С применением открытого метода координации стала очевидна институциональная адаптация европейского управления к задаче его легитимации в рамках политического процесса. Компетенции сознательно распределяются между разными политическими уровнями. Таким образом, политический процесс в целом удается разблокировать, увеличивая тем самым шансы принять консенсусное решение.

Ключевые слова: открытый метод координации (ОМК), Европейский союз (ЕС), политическое управление.

The persistence of social experiment in the field of making management models, that answers on the challenges of forming a supra-national structures and harmonization of interests, leads to the transfer of decision-making in the EU. Institutional adaptation of European governance to the problem of its legitimation through political process becomes obvious due to using the open method of coordination. The competencies distributed among the various political levels consciously. Thus, the political process as a whole is able to be unlocked, thereby increasing the chances to take a consensus decision.

Key words: Coordination Open method, Europe Union, political governance.

Европейский союз — уникальный феномен международной жизни, представляющий собой результат глубоких интеграционных взаимодействий между государствами Европы. Центральной составляющей Союза стали европейские сообщества, учрежденные в 1950-е гг. как международные межправительственные региональные организации — Европейское объединение угля и стали, Европейское экономическое сообщество, Европейское сообщество по атомной энергии. Окончание Второй мировой войны не явилось для Европы га-

---

¹ Токарева Евгения Викторовна — аспирант кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета. Эл. почта: evgeniya_rodina@mail.ru

рантией спокойствия и стабильности. Страны — участницы интеграционных процессов осознали, что создание полноценного процветающего социально-экономического союза невозможно без объединения усилий для сотрудничества в жизненно важных сферах. Осуществление такого сотрудничества становится неотъемлемой частью кооперации государств, объединенных для достижения целей экономической интеграции, социального единства и политической безопасности.

Сегодня Европейский союз с точки зрения политической системы представляет собой весьма сложное образование, которое, не будучи ни государством, ни международной организацией, сочетает в себе элементы того и другого. Специфика Евросоюза как политической системы сводится к выработке и реализации общеобязательных решений Союза, а в более широком смысле — к установлению легитимной власти. Этого можно ожидать лишь от политической системы как целого, а не от отдельных институтов, которые являются частью этой самой системы. Таким образом, ставить вопрос о дееспособности или легитимности Совета или Комиссии не совсем корректно, поскольку не отдельные элементы системы, а их взаимодействие могут привести к сбалансированному результату. Именно система сводит многообразие реальности к простому смысловому конструкту, который может применяться в самых различных политических образованиях. В данном случае под системой понимается единство, образованное из отдельных элементов и предусматривающее принцип организации, из которого вытекает определенный порядок элементов (структура), их взаимодействие (процесс) и результаты взаимодействия (решения) [5, S. 111].

Таким образом, для анализа политической системы в первую очередь необходимо изучить ее структуру, компетенции институтов, процессы взаимодействия, которые осуществляются на основе заранее определенных принципов действий и решений. Евросоюз не является исторически сложившейся политической системой, но он целенаправленно создан группой государств, чтобы выполнять определенные функции посредством структурных и процедурных механизмов. Среди российских и зарубежных политологов существует множество мнений относительно природы и характера образования Евросоюза, однако многие сходятся в том, что функции ЕС как политической системы заключаются в обеспечении дееспособности союза государств.

ЕС представляет собой организацию абсолютно нового образца, состоящую на сегодняшний день из 27 стран, взаимодействие с которыми осуществляется в рамках общего порядка. В этом смысле наднациональные институты, такие как Еврокомиссия (ЕК) или Европарламент (ЕП), действуют в качестве политических акторов на европейском интеграционном пространстве. Однако ни один орган политического управления ЕС не обладает исключительными властными полномочиями, а следовательно, не несет напрямую ответствен-

ность перед гражданами. Тем не менее решения, принимаемые на европейском уровне, имеют обязательную силу для всех стран-участниц, т. е., как замечает Б. Колер-Кох, «правительства нет, но гражданами управляют» [3, с. 52-53].

Европейский союз, как любая другая осознанно созданная организация, служит определенным целям, в ее принципах и нормах воплощаются определенные направления политической активности. ЕС как дееспособная организация имеет свои органы и ресурсы, которые и образуют политическую систему.

Европейские политические институты представляют собой регулирующую систему выработки и реализации обязательных, всеобщих решений. Они отличаются от других институтов своей включенностью в процесс принятия политических решений. Бесперебойное функционирование европейских политических институтов обеспечивает координация взаимодействия органов политического управления, направленная на установление кооперации между политическими органами ЕС и странами-участницами в целях достижения и реализации общих целей. Развитие координационных механизмов в процессе принятия решений способствует установлению закономерности отношений, гарантируя тем самым безопасность ожидания, что составляет основу долгосрочных кооперационных отношений. В данном смысле кооперация — это не самоцель, а предпосылка для достижения безопасности и общей пользы, поскольку именно согласованные действия способны принести общую выгоду. Одним из преимуществ межинституционального сотрудничества служит тот факт, что оно несет в себе идентификацию общей проблемы и способствует мобилизации коллективных усилий, включая общий поиск возможных инновационных стратегических решений. Иными словами, данный процесс ведет к изменению общих интересов. Для многих ожидаемо, что Сообщество раскроется лишь благодаря устойчивому сотрудничеству и возможности коллективного действия.

В начале 1990-х гг. в ЕС, помимо закрепленных в учредительных документах форм взаимодействия институтов, развивается новая, имеющая высокое политическое значение форма управления, получившая название открытого метода координации (ОМК). Он выполняет регулятивно-управленческую функцию, значение которой не уменьшается из-за неопределенности правовых понятий и необходимости конкретизации отдельных политических сфер.

Возникновение данного метода связано прежде всего с возросшим интересом, во-первых, к целям государственной политики, во-вторых, к целям надгосударственной политики и, в-третьих, к последствиям образования различных институтов. Предпосылкой этому служил опыт ограничения государственных полномочий, а также необходимость определения и разделения ответственности индивидуумов, общества и государства.

Открытый метод координации призван сделать процесс принятия решений на европейском уровне более прозрачным, т. е. дать гражданам возможность оказывать влияние на процесс принятия решений. Он сочетает в себе

элементы централизованного управления на уровне ЕС и ответственность национальных государств. Открытый метод координации получил свое название по двум причинам: во-первых, в процесс принятия решений вовлечено большое количество акторов, как европейских, так и национальных, во-вторых, данный метод открыт для изменений. На практике ОМК выполняет функцию лакмусовой бумажки, определяющей легитимность европейской политической системы. Потребность в легитимации европейской политики растёт по мере того, как решения Евросоюза касаются интересов и предпочтений национальных государств и их населения.

Предпосылкой к формированию данного метода стали наблюдающиеся сейчас в политической системе ЕС тенденции к переходу от централизованной интеграции к гибким формам организации управления. При этом возникает потребность во все большей координации взаимодействия институтов политического управления. К тому же увеличивающаяся потребность Евросоюза в повышении собственной конкурентоспособности обуславливает необходимость поиска новых форм организации управления.

Открытый метод координации, за исключением некоторых сфер, не регулируется договорами о ЕС и является в большей степени неформальным. Основная его задача заключается в выработке единых политических задач, направлений, установлении целей, мониторинге, а также экспертной оценке. В данном контексте ОМК можно понимать как альтернативу традиционной модели управления ЕС. Подробное определение ОМК впервые было дано в 2001 г.: «Он содействует сотрудничеству, обмену ценным опытом, а также объединению общих целей и направлений государств-членов и основан на регулярном контроле предпринимаемых действий» [7, S. 592].

В случае, когда политические цели утверждаются на европейском уровне, они обязательны к исполнению для всех государств-членов, что делает достижение данных целей необходимым. ОМК призван не просто объединить на добровольной основе группы с различными интересами, но и способствовать добровольному сближению (конвергенции) национальных систем. Одним из основных условий эффективного функционирования открытого метода координации является баланс целей, который предполагает, что цели отдельных государств — членов ЕС не доминируют над общими целями. В этом случае координация взаимодействий органов политического управления базируется на системе ценностей и целей, разделяемых всеми участниками организационного взаимодействия.

Интерес политиков и ученых к открытому методу координации был вызван расширением сфер, в которых требовались совместные координационные усилия национальных государств для выработки и реализации политических решений. ОМК представляет собой промежуточное звено между коммунитарным методом принятия решений, согласно которому решения принимаются Советом ЕС по предложению Комиссии при участии Европарламента, и меж-

Открытый метод координации на примере политики занятости [8, S. 380]

Год	Дата	Мероприятия, действия
2004	25 марта	<i>Трехсторонняя встреча</i> на высшем уровне, посвященная вопросам роста занятости (проводится не реже одного раза в год, до весенней сессии Европейского совета; участники: действующий и два последующих председателя Совета ЕС, представители Еврокомиссии, отраслевые министры стран-участниц ЕС, представители мелкого и крупного бизнеса, профсоюзов и работодателей)
	2 июня	<i>Совет ЕС</i> : утвержден доклад об основных принципах развития экономической политики стратегии занятости 2003–2005 гг. (текст доклада прошел консультативную Европеекской комиссии, комитета социально-экономического развития, комитета регионов, комитета занятости). После утверждения текст сообщения направлен на рассмотрение Европейского совета на заседании 17–18 июня
	2 июня	<i>Комментарии Совета</i> , подготовленные к заседанию Европейского совета, с рекомендациями по реализации политики занятости с учетом специфики национальных государств
	17–18 июня	<i>Европейский совет</i> в Брюсселе: одобрение основных принципов развития политики занятости 2003–2005 гг.
	2 июля	<i>Европейская комиссия</i> : направила на рассмотрение Совета ЕС предложения по дополнению принципов развития политики занятости 2003–2005 гг. (предложения по повышению равноправия мужчин и женщин)
	5 июля	<i>Совет ЕС</i> : утверждение актуализированной программы основных принципов экономического развития и стратегии занятости на 2004 г. (с учетом предложений по повышению равноправия мужчин и женщин)

правительственным методом принятия решений, в соответствии с которым решения принимаются по вопросам совместной внешней политики и политики безопасности, сотрудничества полиции и судебных органов, поскольку в данном случае речь идет о развитии государствами координационных усилий в новых сферах интеграционной политики, находившихся ранее в компетенции национальных государств [8, S. 85-97].

Механизмы ОМК различаются в зависимости от сферы применения координационных усилий, а также взаимодействия акторов в процессе принятия решений [2].

Рассмотрим применение ОМК на примере процесса принятия решений в сфере политики занятости. Инструментарий ЕС в сфере национальной политики занятости был ограничен до вступления в силу Амстердамского договора, поскольку все вопросы, связанные с этой проблематикой, не были выделены в отдельную сферу, а решались в общем комплексе социально-экономических вопросов. Ситуация кардинально изменилась с момента приня-

тия Амстердамского договора, когда во время амстердамской встречи на высшем уровне по инициативе отдельных государств-членов (Швеции, Франции, Австрии) участники договорились о создании отдельного раздела в договоре, посвященного вопросам политики занятости (раздел VIII, ст. 125, 126). Кроме того, ст. 128 детализирует процессы, которые охватывают утвержденные Советом направления деятельности в сфере политики занятости и национальные программы развития [2].

Процесс координации в сфере политики занятости населения ЕС носит циклический характер, условно его можно разделить на несколько этапов.

На первом этапе Совет после консультаций с Европарламентом, Социально-экономическим комитетом, Комитетом регионов и Комитетом занятости устанавливает общие направления политики занятости. На втором этапе государства-члены разрабатывают собственные национальные проекты, а также утверждают направления развития, установленные Советом. Подготовленные проекты направляются в Комиссию, Совет и Комитет занятости. После тщательной проверки полученных сообщений Комитет занятости выносит свое заключение, которое направляет в Совет. Совет еще раз рассматривает сообщения стран — участниц ЕС и предлагает свои рекомендации. На предпоследнем этапе Комиссия и Совет разрабатывают единую программу стратегии занятости в ЕС и на заключительном этапе выносят ее на рассмотрение Европейского совета. Европейский совет, в свою очередь, анализирует ситуацию (на основе полученных материалов) и делает заключение по основным направлениям развития стратегии занятости в ЕС.

Таким образом, очевидно, что ОМК развился в результате поступательного процесса договоренностей на уровне Европы в сфере координации экономической политики и политики занятости. При применении ОМК основные направления, цели и сроки устанавливают национальные акторы, Комиссия лишь выносит предложения и объединенные доклады, подготовленные на основе сообщений отраслевых министров стран ЕС, Европейский совет устанавливает основные направления и наблюдает за изменениями.

Европейский союз живет в постоянном напряжении между необходимостью, с одной стороны, принимать во внимание интересы отдельных государств-членов, с другой — усилить кооперацию, чтобы при этом иметь возможность учитывать совместные интересы. Следовательно, институционально необходимо примерить два противоречащих друг другу принципа действия: политические решения должны приниматься одновременно автономно и сообща [6, S. 219-253].

Следовательно, политика Сообщества представляет собой некое игровое поле для автономных образований, но для того, чтобы принимаемые политические решения учитывали общие интересы, а не каждого государства в отдельности, необходимо принять соответствующие институциональные меры, усиливающие кооперацию между участниками процесса принятия решений.

В данном случае под общими интересами подразумевается, что каждый участник при реализации собственных решений должен понимать, какое влияние они могут оказать на партнера, насколько действия от принятого решения затрагивают границы чужой компетенции и как они смогут изменить будущее европейской интеграции. Но даже если государства рассматривают эти принципы как основополагающие для процесса принятия решений, необходимо добиться законодательного закрепления согласованного порядка, чтобы соответствующим образом организовать данный процесс.

Смысл координации взаимодействия политических институтов состоит в том, чтобы баланс интересов между заинтересованными сторонами обеспечил достижение взаимоприемлемого политического решения и тем самым стабилизировать долгосрочное сотрудничество. Основные направления европейской политики — открытие рынков, снижение дискриминации и по взаимному согласию определение политики ЕС — задавали и задают договоры Сообщества. Эта система функционирует успешно в том случае, когда заинтересованные стороны готовы к расширению сотрудничества в областях, где это необходимо, для достижения установленных целей. Противоречие между наднациональными интересами и защитой национальной автономии отражаются в институциональной структуре ЕС и взаимной зависимости органов политического управления. Согласно договорам о ЕС Комиссия, Европейский парламент, Палата аудиторов являются воплощением общих европейских интересов. Однако в процессе взаимодействия данных органов прослеживается определенный конфликт интересов. Совет при помощи Социально-экономического комитета и Комитета регионов в качестве консультантов представляет интересы государств-членов. Европейский совет, не будучи полноценным институтом ЕС до принятия Лиссабонского договора, тем не менее играл и наверняка будет играть в будущем ведущую роль в межправительственных отношениях. Условно институты ЕС можно разделить на две группы, учитывая интересы, которые отстаивает каждый из них в процессе принятия решений:

1. Интересы ЕС — Комиссия; Европейский суд; Европейский парламент;
2. Партикулярные интересы — Совет; Социально-экономический комитет; Комитет регионов; Европейский совет (не орган ЕС до вступления в силу Лиссабонского договора).

Союз, в отличие от государства, не обладает всесторонней юрисдикцией, но он осуществляет процесс принятия и реализации политических решений в рамках своей компетенции, определенной договорами о ЕС. Таким образом, не существует единой всеобъемлющей процедуры принятия решений, процедурные механизмы различаются в зависимости от компетенций: насколько разнообразны решаемые проблемы, настолько отличаются правила принятия решений. Они разделяются не только между тремя опорами ЕС, созданными Маастрихтским договором (Европейские экономические сообщества (ЕЭС), Общая внешняя политика и политика в области безопасности (ОВПБ, ЕПБО),

Общая политика в области внутренних дел и правосудия), но и в рамках каждой опоры [1]. Каждый новый договор предлагает улучшенную схему взаимодействия органов политического управления ЕС, который с большим трудом, статья за статьей добивается компромиссных решений.

С расширением компетенции Евросоюза связан парадоксальный эффект: наряду с многообразием интересов, одновременно растет и ориентация на достижение консенсуса между участниками процесса принятия решений. В своих действиях они руководствуются принципом: упорно отстаивая свои интересы, необходимо избегать всего того, что может помешать прочному доверительному сотрудничеству. В отличие от национальных систем, где процесс принятия решений более предсказуем, поскольку заранее известны механизмы волеизъявления, предпочтения отдельных акторов, в Европейской наднациональной системе необходимо принимать во внимание правовые основы национальных систем еврозоны, юрисдикцию Европейского суда и т. д.

Еще одна особенность Евросоюза как политической системы заключается в преобладании бюрократической кооперации, что тесно связано с национальным разграничением социальных систем и слабостью европейских партий. Различные стратегии сетевого объединения и создание возможностей для непосредственного участия всех акторов, включенных в процесс принятия решений есть не что иное, как попытка форсировать транснациональную социальную интеграцию и преодолеть тем самым состояние Евросоюза, характеризующееся как «простой союз государств».

Одна из основных задач Европейского союза — создать более прозрачную систему управления и обеспечить более интенсивное участие граждан. Для этого ЕС активно использует возможности информационных технологий как основы в информировании граждан и коммуникации с ними. Важно подчеркнуть, что модернизация проводится сообща со всеми членами Европейского сообщества. В данном случае речь идет не только о государствах-членах или регионах, но и об отдельных гражданах ЕС. Успех модернизации заключается в кооперации всех акторов, когда мнение каждого не исключается из общего контекста.

Главная цель Евросоюза — добиться скоординированного взаимодействия органов политического управления, добившись при этом усиления собственной ответственности и управленческого многообразия путем сокращения государственных преимуществ. Важно, чтобы в Европейском союзе как организации нового типа действия наднационального уровня управления удовлетворяли требованиям эффективности. Это возможно только посредством активного внедрения конкуренции, соревнования и сравнения достижений.

В данном контексте не следует рассматривать Европейский союз как иерархическую систему управления. С одной стороны, сама логика возникновения наднационального управления в Европе способствовала укреплению мнения о иерархичности его структуры. Под влиянием интеграционных тенденций европей-

ские государства согласились на ограничение собственного суверенитета, передачу своих полномочий новым наднациональным органам. Наднациональные институты принимали решения в тех сферах, которые были закреплены в договорах о Европейском союзе, данные решения были обязательны для исполнения всеми государствами ЕС. Однако Европейский союз, в отличие от национального государства, — это скорее переговорная система, для которой характерна многообразная система взаимодействий между органами политического управления, что и объясняется отсутствием четко выраженной иерархии. В системе политического управления доминирует стратегия, которая позволяет обойти препятствия на пути сознательного выстраивания институтов, возникающих в ходе межправительственных конференций. Тем самым обеспечивается более гибкий и динамичный способ подготовки системы ЕС к требованиям расширения компетенций Союза в социальной сфере.

Открытый метод координации выступает в роли своего рода легитимизирующего дискурса, в ходе которого происходит наработка культуры макроэкономической стабильности, не исключающей меры социальной защиты и политику занятости. Теперь институциональные изменения могут проходить менее формальным и более экспериментальным путем. Налицо институциональная адаптация европейского управления к задаче его легитимации в рамках политического процесса. Компетенции сознательно распределяются между разными политическими уровнями. Таким образом, политический процесс в целом удается разблокировать, поскольку снижается потребность в точном учете всех разнонаправленных интересов одновременно, а шансы принять консенсусное решение увеличиваются. Открытый метод координации ориентирован на процесс, открыт для результатов и представляет собой смешение мягкого и жесткого законодательства. Благодаря этой многогранности и открытости для результатов метод во многих политических сферах стал предпочтительнее. С применением ОМК система наднационального управления ЕС включает в себя горизонтальную координацию между наднациональными и региональными институтами в процессе подготовки и реализации решений.

Главная задача модернизации системы управления состоит в обеспечении эффективным образом качественными услугами населения. Благодаря открытому методу координации в системе управления ЕС удается преодолевать довольно большой разрыв между европейскими гражданами и наднациональными институтами.

Библиографический список

1. Договор о Европейском союзе. URL: http://eurocollege.ru/filesserver/infcenter/Treaty-EU-Maastr_1992-rus.doc

2. Договор о Европейском союзе, с изменениями, внесенными Амстердамским договором от 2 октября 1997 г. и Ницким договором от 26 февраля 2001 г. URL: http://eurocollege.ru/files/infcenter/Treaty-EU-Nice_2001-rus.doc
3. *Колер-Кох Б.* Эволюция и преобразование европейского управления // *Мировая экономика и международные отношения*. 2001. №7.
4. *Шемятенков В. Г.* Европейская интеграция: учеб. пособие. М.: Международные отношения, 2003.
5. *Kohler-Koch B., Conzelmann T., Knodt M.* Europäische Integration-Europäisches Regieren. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften GWV Fachverlage GmbH, 2004.
6. *Scharpf F. W.* Politische Optionen im vollendeten Binnenmarkt // *Europaesche Integration*. Opladen: Leske+Budrich, 2003.
7. *Sebastian K.* Die Koordinierung als Kompetenzkategorie im EU-Verfassungsentwurf aus dogmatischer Sicht, EuGRZ, 2004.
8. *Wessels W.* Das politische System der Europäischen Union. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften GWV Fachverlage GmbH, 2004.

МОДЕЛИ И ФАКТОРЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ

Н. В. Гришин¹

В статье предлагается авторская типология моделей изменчивости электоральных ориентаций населения. Модель электоральной изменчивости в России следует охарактеризовать как стохастическую. Наблюдается не только частая смена ведущих политических организаций, но и глубокая изменчивость партийно-идеологических направлений и их положения в политическом пространстве. Вновь возникающие партийные организации существенно отличаются от своих предшественников, масштабные изменения происходят в распределении электората между основными партийно-идеологическими направлениями. Динамика изменчивости электорального пространства нестабильна.

Ключевые слова: электоральные ориентации, циклическая модель, доминантная модель, стохастическая модель.

This article offers the author's typology of models of electoral volatility orientations of the population. The choice variable model in Russia should be characterized as stochastic. There is not only a frequent change of the leading political organizations, but also a profound variability of party and ideological lines and their position in the political space. Emerging party organizations differ from their predecessors, large-scale change of the place in the distribution of voters between the major parties-but-ideological directions. The variability of electoral space is unstable.

Key words: electoral orientation, the cyclic model, the dominant model, stochastic model.

В электоральных исследованиях одним из малоизученных остается вопрос о закономерностях изменчивости электоральных ориентаций. Тем не менее этот вопрос обладает как теоретической притягательностью, так и большим значением для изучения конкретного политического процесса. В постсоветской России изменчивость электорального поведения населения оказалась настолько высокой, что заставляет российских ученых с особым вниманием отнестись к причинам и закономерностям этого феномена.

---

¹ Гришин Николай Владимирович — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Астраханского государственного университета. Эл. почта: nvgrishin@mail.ru

В целях выявления закономерностей изменчивости электоральных ориентаций мы предлагаем рассмотреть основные разновидности изменчивости электоральных ориентаций, а также детерминирующие факторы.

Под моделями изменчивости электоральных ориентаций в данной статье понимаются теоретические конструкции, отражающие объективно существующие разновидности изменчивости системы электоральных ориентаций населения.

Предлагаем рассмотреть наиболее простую типологию моделей изменчивости электоральных ориентаций, которая включает три основных типа и построена на основе направленности изменчивости электоральных ориентаций населения.

1. *Циклическая модель* — электоральная поддержка ведущих политических сил изменяется по определенным повторяющимся циклам, последовательно обеспечивая рост и упадок стабильно существующих политических сил, их поочередное преобладание в электоральном пространстве. Циклическая модель электоральной изменчивости в наиболее явном виде представлена в англо-саксонских странах, Германии, Испании, Италии.

2. *Доминантная модель* — изменения электоральной поддержки не могут повлиять на стабильное длительное преобладание определенной политической силы в электоральном пространстве. Данная модель электоральной изменчивости в целом характерна для стран с доминирующей партией (Скандинавии, Японии).

3. *Стохастическая модель* — изменения электоральной поддержки ведущих политических сил наиболее масштабны, динамика изменчивости электорального пространства нестабильна и малопредсказуема в долгосрочной перспективе. Данную модель изменчивости электоральных ориентаций можно наблюдать в развитых демократических странах в периоды продолжительных и глубоких политических кризисов, а также в странах с неразвитыми и нестабильными демократическими институтами.

Рассмотрим вопрос о том, насколько к современному российскому политическому процессу применима каждая из предложенных моделей.

В наименьшей степени можно говорить о существовании в России *циклической модели* в том виде, в каком она существует во многих западных демократиях. Следует отметить, что 20-летний период проведения конкурентных выборов не позволяет в полной степени объективно судить о характере электоральной динамики в современной России. Тем не менее на сегодняшний момент упадок электоральной поддержки либералов, казалось, доминирующих в электоральном пространстве начала 1990-х гг., вряд ли представляется обратимым. Вполне обоснованным представляется мнение, что либеральные политические силы, если и не сходят с политической сцены России вообще, то как минимум не могут в обозримом будущем надеяться на возвращение былой поддержки.

Также преждевременно говорить о формировании в России 2000-х гг. на примере относительно продолжительного периода электоральных успехов власти *доминантной модели* электоральной изменчивости. По данным многочисленных социологических исследований, электоральное господство партии власти в 2000-е гг. в решающей степени замыкается на субъективном факторе — личной популярности В. В. Путина. Данное обстоятельство оставляет открытым вопрос о стабильности и устойчивости современных электоральных достижений федеральной партии власти. Попытки отнести современную Россию к системе с доминирующей партией не выдерживают критики, поскольку за все парламентские выборы с 1993 по 2007 г. только одна партия и только один раз получила поддержку свыше 40%. В данном свете говорить об устойчивости доминирующей поддержки какой-либо политической силы даже в среднесрочной перспективе совершенно преждевременно.

По нашему мнению, в современной России существует ярко выраженная *стохастическая модель* электоральной изменчивости. Это проявляется в исключительных масштабах изменения электоральной поддержки всех ведущих политических сил и малопредсказуемости вектора изменений.

За 20-летний период принципиально изменилось даже партийно-идеологическое деление российского электорального пространства. Если в 1990-е гг. центристы («партия власти») и демократы принадлежали одной электоральной группе, то для 2000-х гг. эти политические силы становятся главными антиподами в электоральном пространстве.

А. С. Ахременко представил динамическую картину трансформации структуры российского электорального пространства. Для периода первой половины 1990-х гг. структурообразующей альтернативой электорального пространства был выбор между левоконсервативной и правореформаторской [1, с. 9]. Перестройка электорального пространства происходит именно на президентских выборах 2000 г., а не на парламентских выборах 1999 г., как принято думать. Постепенно начинает доминировать раскол «действующая власть — альтернативы действующей власти». Снижается значимость традиционного идеологического лево-правого размежевания. Общая логика трансформации электорального пространства современной России — от лево-правой поляризации к структурному доминированию «партии власти».

Избирательные процессы 2000-х гг. по сравнению с предыдущим десятилетием более явно обнаружили, что в постсоветской России происходит значительное перераспределение электората между партийно-идеологическими секторами. Данный тезис подтверждается при помощи исчисления индекса электоральной подвижности.

«Партия власти» 2000-х гг. — это новый субъект электорального пространства, адекватного аналога которому в политическом процессе 1990-х гг. найти нельзя.

Но возникла не только новая политическая сила, сразу завоевавшая ведущую роль в системе предпочтений избирателей. По сравнению с 1990-ми гг. радикальную трансформацию переживают другие сектора электорального пространства России.

Глубочайшие изменения происходят в электоральной базе левых сил. В 1990-е гг. на данном фланге безусловное господство имела КПРФ. В 2000-е гг. возникают новые левые партии, базирующиеся в основном на идеях европейской социал-демократии. Крупнейшими организациями такого направления стали «Родина», затем — «Справедливая Россия». При этом и сама КПРФ существенно корректирует систему своих политических ценностей, смещаясь в направлении европейских социал-демократических ценностей и меняя электоральную базу.

Говоря об изменениях масштаба партийно-идеологических секторов электората, наиболее очевидным примером этого процесса следует признать ситуацию с либеральными силами. С начала 1990-х гг. налицо стремительное и неуклонное сокращение электората либеральных партий, впрочем, всегда бывшего на Юге России малозначительным. За 12-летний период с 1995 по 2007 г. численность избирателей либеральных партий по России сократилась в 4,6 раза. Среди регионов Юга России самые масштабные темпы сокращения либерального электората были зафиксированы в северокавказских республиках — в Дагестане в 94 раза, в Кабардино-Балкарии — в 37 раз. В восьми национальных республиках Юга России численность электората либеральных партий уменьшилась за 12 лет в среднем в 14 раз.

За рассматриваемый период существенные изменения пережили и другие сектора электорального пространства. Необходимо отметить и значительные изменения показателей активности избирателей в России, рост активно-протестного голосования («против всех») с 1995 по 2003 г.

Рассмотрим вопрос о факторах, детерминирующих существование той или иной модели электоральной изменчивости.

Циклическая модель электоральной изменчивости характерна для стран с устойчивой демократией. Основным условием ее существования следует признать циклический характер всего политического процесса, в частности, государственного управления. М. Тэвитс предложила три фактора электоральной изменчивости, которые, на наш взгляд, можно отнести к главным детерминирующим факторам именно для этого типа электоральной изменчивости. Это следующие три фактора: институты, экономическое поведение, социально-структурные особенности [4, р. 285-286]. Основным детерминирующим фактором представляется и высокая устойчивость политических институтов, и прежде всего основных политических организаций. Политический процесс, дифференцированный по бинарной схеме (будь то двухпартийная система в англо-саксонских странах или система коалиций в континентальной Европе), с высокой степенью эффективности интегрирует новые политические инициативы и другие флуктуации.

Доминантная модель электоральной изменчивости характеризуется наиболее высокой степенью преемственности, которая на практике может детерминироваться разными факторами. В странах Востока в качестве таковых выступают социально-структурные особенности. В Скандинавских странах ведущими факторами являются стабильность политического процесса и эффективная политика партий, позиционирующих себя как представителей интересов большинства общества.

В связи с этим можно отметить, что политика современной российской «партии власти» не учитывает ценного скандинавского опыта построения системы с доминирующей партией. В Скандинавии доминирующая партия предлагает сотрудничество малым партиям и тем самым завоевывает доброжелательное отношение их сторонников. В современной России «партия власти», скорее, наоборот, пытается изолировать остальные партии, оттеснить их на периферию политического процесса. В перспективе это может вести к накоплению политических противоречий и мешать формированию системы с доминирующей партией.

Стохастический характер электоральной динамики современной России существует в силу нескольких разнородных причин. Одной из главных причин следует признать слабую связь между субъектами политического процесса (партиями и политиками) и избирателями. Очевидно, что в процессах взаимодействия носителей власти и общества явный приоритет принадлежит первой стороне. В основном изменения в системе электоральных ориентаций инициируются не самими избирателями, а политическими субъектами — путем изменения правил политического процесса, институциональными изменениями и т. д. В современной России существует реальная опасность, что не столько политические субъекты адаптируются к электоральным ориентациям населения, сколько система актуализации электоральных ориентаций населения строится под интересы политических субъектов.

Таким образом, в России сложился *условно субъективный характер* системы электоральных ориентаций. Данная модель, утверждая приоритет политических субъектов над политическими предпочтениями населения, не может обеспечить органичной целостности политического процесса. В значительной степени политические предпочтения населения оказываются неотраженными и неактуализированными в избирательном процессе. В результате система политических предпочтений оказывается *terra incognita* для политического процесса. При этом и изменения в составе ведущих политических субъектов (или их стратегии) способны оказать сильное воздействие на избирательный процесс.

Другой причиной специфической модели электоральной изменчивости в России является собственно социологический фактор — процессы изменения социальной структуры российского общества в постсоветский период. Длительная адаптация населения к новой социально-экономической формации не может не повлиять на политическое поведение и политическую

самоидентификацию избирателей. В настоящее время пока нельзя говорить, что у избирателей в целом сложились представления о своих групповых политических интересах. Соответственно и многие политические партии, и лидеры не стремятся отражать политические интересы конкретных групп, но пытаются позиционировать себя как выразителей интересов общества в целом.

Для современной России характерна также исключительно высокая изменчивость политических субъектов — политических партий и избирательных объединений.

Даже в странах с развитой демократией не всегда существует стабильность ведущих политических сил, определяющих электоральное пространство. В странах с неустоявшимися демократическими традициями частые изменения состава ведущих политических сил (прежде всего партий и организаций) вносят дополнительные помехи в преемственность электорального процесса.

В постсоветской России смена ведущих представителей наблюдалась почти во всех партийно-идеологических секторах. При этом смена была не только организационная. В большинстве случаев каждая новая организация имела существенные отличия в идеологии и программе и, следовательно, в электоральной базе.

Наиболее очевидные изменения произошли в центристском секторе. Постсоветская Россия пережила смену нескольких ведущих организаций, претендовавших на статус «партии власти» и выступавших с центристских позиций. «Наш дом — Россия», «Отечество — Вся Россия», «Единство» и «Единая Россия» являются лишь самыми крупными примерами. Принципиальные изменения в электоральной политике «партии власти» заключаются в том, что в 1990-е гг. федеральная партия власти ориентировалась на центристский и либеральный электорат. В 2000-е гг. электоральная база новой федеральной «партии власти» стала не только более масштабной, но и качественно иной, сместившись преимущественно к консервативному электорату. В силу данных процессов нельзя утверждать, что российские «партии власти» имеют столь же преемственную электоральную историю, как, например, «голлисты» во Франции, которые часто меняли организационные формы, но сохраняли электоральную политику.

В постсоветской России меняются не только ведущие политические организации, но и основные политические направления. Вновь возникающие политические организации имеют глубокие и принципиальные отличия от своих предшественников в идеологии и электоральной базе. Весьма симптоматичен тот факт, что деление политологами электорального пространства России на отдельные партийно-идеологические сектора в 1990-е и 2000-е гг. не совпадает.

Таким образом, стохастическая модель электоральной изменчивости обусловлена множеством как субъективных, так и объективных факторов.

Изменчивость электоральных ориентаций населения Юга России не исключает наличия феномена электоральной устойчивости. В условиях стохастиче-

ских изменений системы электоральных ориентаций проявился такой важнейший феномен, как устойчивость территориальных отличий электоральных ориентаций. Данная устойчивость территориальных различий поведения избирателей характеризуется как исключительно высокая. Таким образом, даже сильная изменчивость системы электоральных ориентаций населения не отрицает конкретности социальной базы ведущих политических сил. Высокая устойчивость территориальных различий электоральных ориентаций по отношению к ряду политических сил выявлена даже в республиках Северного Кавказа, что позволяет скорректировать столь часто встречаемую в науке тенденцию к абсолютизации непредсказуемости результатов голосований на этих территориях.

Исключительные показатели электоральной динамики России оставляют возможность прогноза дальнейшего развития системы электоральных ориентаций. Многие из ключевых факторов электоральной динамики России в ближайшее время утратят свое значение. Прежде всего это относится к цивилизационным изменениям. При сохранении в России современной капиталистической социально-экономической формации вряд ли можно ожидать какого-то радикального изменения отношения избирателей к социально-экономическим вопросам и позициям партий по этим вопросам.

Смена поколений электората вряд ли в ближайшее время приведет к принципиальному изменению электорального поведения. Гораздо большее значение может иметь изменение этнической структуры электората в ближайшие годы, в частности на Юге России.

В целом тема электоральной динамики акцентирует внимание на проблеме слабо развитого мониторинга электоральных ориентаций населения. Россия в этом вопросе существенно отстает не только от развитых западных стран, но и от молодых демократий Восточной Европы. К сожалению, резкое возрастание роли административного ресурса на выборах будет только способствовать снижению внимания политического сообщества к политическим предпочтениям населения страны. Подобное развитие событий не только противоречит демократии, увеличивая дистанцию между политиками и обществом, чьи взгляды политики призваны выражать. Данная тенденция представляет определенную угрозу и для стабильности политической системы.

Стохастическая модель электоральной динамики на фоне углубляющихся территориальных электоральных расколов отражает глубину противоречий современного политического процесса в России, в частности, в его региональном измерении. Острота горизонтальных размежеваний достигает наиболее тревожных значений, что может иметь следствием не только территориальную дифференциацию политического процесса, но и нарушение целостности политического пространства. Процессы углубления электоральных размежеваний

представляют потенциальную угрозу для национальной безопасности, сохранения единого российского политического пространства.

Библиографический список

1. Ахременко А. С. Электоральное пространство России: структурная эволюция // Политические практики. 2007. № 2 (5).
2. Гришин Н. В. Биполярная модель структурирования геоэлекторального пространства России // Власть. 2009. № 4.
3. Сморгун Л. В. Электоральная подвижность и феномен «новых партий» // Политические партии в избирательном процессе: российские и зарубежные сравнения. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2008.
4. Tavits M. The development of stable party support: Electoral dynamics in post-communist Europe // American Journal of Political Research. 2005. Vol. 49, № 2.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА КАК ОБЪЕКТ НАУЧНОГО АНАЛИЗА

.....

С. Р. Урчукова¹

В современных условиях особую роль приобретает деятельность политических элит как социальных субъектов, изначально обладающих ресурсами и свободой в принятии стратегически важных решений и способных осуществлять целенаправленные управленческие воздействия на общество. Это относительно привилегированная, политически господствующая группа, претендующая на представительство интересов народа в демократическом обществе и в той или иной мере подконтрольная массам.

Ключевые слова: бюрократия, власть, массы, ресурсы, эгалитаризм, элита.

In present conditions particularly is more important to political elites action are a social actors, which have the resources and freedom for making strategic decisions and the ability to carry out targeted managerial impact on society initially. This is a relatively privileged and politically dominant group, which claims to represent the people and in a democratic society in some way controlled by the masses.

Key words: bureaucracy, power, mass, resources, egalitarianism, elite.

Политическая элита выступает основополагающим субъектом политического процесса, играющим главенствующую роль в постсоветском развитии России. Культурные, морально-нравственные установки, ценности и интересы политической элиты оказывают особое влияние на её политическую и социальную деятельность, что непосредственно требует более детального раскрытия самого понятия политической элиты и анализа основных факторов формирования политической элиты на протяжении мировой истории.

Совокупность многих факторов расслаивает общество на массу и элиту, которая формирует цели и перспективы развития, принимает стратегически важные решения и использует ресурсы государственной власти для их реализации. Отсюда и прямая зависимость между уровнем развития и качеством политической элиты, что подчеркивает важность исследования формирования и перспективы развития этого слоя общества.

---

¹ Урчукова Саида Рауфовна — аспирант кафедры политологии и истории Карачаево-Черкесской государственной технологической академии. Эл. почта: ursaida@yandex.ru

Н. А. Бердяев ввел понятие «коэффициент элиты» [12, с. 122], которое представляет собой отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных людей. Если коэффициент приближается к 1%, это грозит государству распадом, застоём в политической жизни. При этом сама элита превращается в замкнутую касту, лишённую возможностей обновления. Если же коэффициент составляет более 5%, то это означает, что общество обладает высоким потенциалом развития, зависящим от соотношения грамотного и неграмотного населения.

Исследование формирования политической элиты вызывает интерес социологов, политологов и культурологов. В результате своеобразного социального и психологического отбора в каждой крупной социальной и профессиональной группе происходит дифференциация людей по качеству и уровню выполняемых ими социальных и профессиональных ролей. Узкий слой людей, наиболее удачно, эффективно выполняющих задачи, стали называть элитой сообщества.

С момента формирования классической теории элит прошло уже немало времени. Однако ее исследовательские традиции развиваются и сегодня.

Американский политолог Ч. Р. Миллс, анализируя элиту США середины XX в., определил ее как группу статусов и стратегических ролей и включил туда «тех, кто занимает командные посты». С точки зрения Миллса, элиту составляют государственное руководство, корпорации и армия [11, с. 181].

Представление о современной элите как замкнутой касте сформулировал французский политолог Р.-Ж. Шварценберг [19, с. 87]. Эта каста во Франции представляет собой «треугольник власти», состоящий из политиков, высшей администрации и деловых кругов. Она полностью контролирует власть, формирует правительство, управляет государством, руководит крупными корпорациями и банками.

Природу элиты в обществах советского типа пытался выявить социолог и политический деятель Югославии середины XX в. М. Джиллас. По его мнению, после социалистической революции к власти приходит новый политический класс, состоящий из бывших революционеров и государственной бюрократии. Основой класса является Коммунистическая партия. Природа нового политического класса не экономическая, как в западных странах, где элита обладает властью благодаря наличию собственности как средства производства, а политическая. В свою очередь, обладая монополией на политическую власть, этот класс подчиняет себе национальную собственность [5, с. 78].

Современные российские политологи рассматривают элиту как движущую силу политического развития. В частности, И. Дискин определяет элиту как «субъект принятия стратегических решений». Этот подход, отмечает он, «предполагает некоторую априорную избранность людей, стоящих на высших ступенях социальной иерархии» [6, с. 31].

В. В. Фесенко пишет, что монополия на принятие и доступ к властным ресурсам делает элиту движущей силой социально-политической и экономической трансформации [16, с. 87-94].

К. В. Куколев понимает под элитой совокупность особых отношений в сфере управления и регулирования властных ресурсов [9, с. 42-47].

В XX в. новые научные дисциплины все чаще стали формироваться не просто как специализированные области уже сложившихся научных дисциплин, а именно как дисциплины, интегрирующие достижения разных, главным образом смежных наук (порой весьма далеких друг от друга), причем часто методы и концепции одной науки оказываются эвристическими при решении проблем, возникающих перед другой научной дисциплиной, все более претендующей на самостоятельный статус. Элитология сформировалась в русле политической философии и политической социологии, но интегрировала достижения и методы смежных дисциплин. Она сложилась как комплексное междисциплинарное знание, лежащее на стыке политологии, социальной философии, социологии, всеобщей истории, социальной психологии, культурологии.

Элитологи занимаются исследованием элиты, ее состава, законов функционирования, прихода ее к власти, роли в социальном процессе, причин ее деградации и ухода с исторической арены.

Большинство элитологов исходят из того, что элита является определяющей силой исторического (в том числе политического) процесса, его субъектом [7, с. 4-5].

Социально-философские и политические течения, в которых в качестве центральной утверждается идея о том, что необходимой составной частью любой социальной структуры выступает высший управленческий или интеллектуальный слой, определяющий общественную динамику, существуют уже тысячелетия. Имея в виду и давнюю историческую традицию, и основательно разработанный в последнее столетие научный инструментарий, следует говорить о существовании элитистской парадигмы в социально-философском и гуманитарно-научном знании и в повседневной ментальности.

Этой парадигме оппонирует парадигма эгалитаризма, получившая наиболее широкое хождение в Европе, начиная с эпохи буржуазных революций, когда требования личных свобод и равенства граждан заняли центральное место в политических сознаниях и многих доктринах.

Эгалитаризм является общественно-политической теорией, обосновывающей равенство, исходным пунктом в понимании которого является равенство имущества, поэтому часто характеризуется как утопическая теория. Следует отметить, что существуют и другие концепции эгалитаризма как равенства результатов, для них очень важны проблемы вклада и вознаграждения, способ-

ностей потребностей, перераспределения доходов. Истоки этой теории уходят в общественные движения Древней Греции, Рима, религиозные учения.

Проблемам эгалитаризма особое внимание уделяли марксисты. При капитализме, как считал К. Маркс [10, с. 58], изменение высоты и профиля экономического неравенства могло быть практически безграничным, но при социалистической форме организации этот чрезвычайно рельефный профиль мог бы превратиться в абсолютно «плоскую» форму «экономического» эгалитаризма. Конечно, подобные взгляды в реальной жизни осуществить невозможно.

В современных условиях можно выделить различные подходы к проблеме равенства. Неолибералы и социал-демократы, будучи сторонниками умеренного эгалитаризма, стремятся найти компромисс между равенством возможностей и равенством результатов, выступают за сглаживание имущественных различий, недопущение большого разрыва между доходами и т. п. Неоконсерваторы очень отрицательно относятся к этой идее, ибо считают, что она противоречит принципу свободы и самой природе человека. В коммунистической идеологии идея равенства всегда была первостепенной, преобладающей по отношению к свободе. Однако общественная практика свидетельствует, что реализация идей равенства имущества как условия подлинного эгалитаризма неизменно связана с насилием, идеал оказывается недостижимым, в обществе с неизбежностью появляются «более равные». Об этом нам напоминает знаменитая орруэловская «социалистическая заповедь»: «Все животные равны, но некоторые животные равны более чем другие» [8, с. 426].

Дилемма «элитизм — эгалитаризм» и в наше время противоречиво пронизывает весь свод гуманитарного знания. В условиях демократического общества более популярны стали идеи равенства, социальной справедливости, равных возможностей, такая приоритетная ценность, как человеческая свобода, и понимание того, что каждый раз создаются основания для элитистских подходов [2, с. 48].

Анализ элит — политической, экономической, военной, административной и других — основывается на определенных методологических принципах и инструментальных подходах к их выявлению, типологизации, описанию, рассмотрению механизмов генезиса и воспроизводства.

В первую очередь среди методологических принципов выделим принцип социальной детерминации элит. В многовековом споре о том, кому принадлежит ведущая роль в социальном развитии — отдельным личностям, элите и массам, сформировались многочисленные элитарские и эгалитарские подходы. В работах сторонников социального равенства, отрицающих общественную роль элит или постулирующих их паразитическую сторону, зачастую проблемы участия масс в политическом управлении идеализируются и рассматриваются с позиции долженствования. Самоуправленческие начала постулируются в качестве атрибута современного общества. Между тем удельный

вес самоуправленческих начал в современном обществе не слишком велик не только в силу «элитарного паразитирования», но и по чисто объективным причинам. Система объективных обстоятельств, обуславливающих дальнейшее развитие, составляет содержание принципа социальной детерминации элит. К ним относятся: 1) антропологическое неравенство — неодинаковые способности и склонности людей к управленческой, в том числе и политико-управленческой деятельности; 2) продолжающаяся в процессе цивилизационного развития профессионализация управленческого труда, обуславливающая нарастающие требования к управленческой культуре и компетентности в сфере разных секторов управления, в том числе в политическом; 3) не снижающаяся социальная значимость управленческой деятельности, обуславливающая соответствующую стратификацию и стимулирование этой деятельности; 4) асимметричное (ввиду положения управленцев) разделение распорядительных и контрольных функций в социальном управлении; 5) узкоизбирательные формы политической активности широких масс населения (электоральное поведение, акции протеста) и преобладание их политической и управленческой пассивности [3, с. 85].

Второй принцип, действие которого существенно проявляется в исследовании элит, назовем принципом цивилизационного своеобразия элитобразующего процесса. Суть его состоит в специфике механизмов рекрутирования элит и контрэлит, особенностях критического поведения элит, социально-культурных характеристиках и соотношений различных видов социального управления, прежде всего политического.

Третий принцип в анализе элит российского общества, который следует выделить, — это принцип идеалов и норм научной рациональности. Прежде всего он означает признание равноправия (и отсюда плюрализма) различных людей. Естественно, что эти модели конкурируют между собой, однако результатом длительного диалога между представителями разных моделей является скорее всего не поражение одной и утверждение в качестве единственно верной другой, а взаимная дополнительность или конвергенция.

В любой научной области, а в междисциплинарной (к которой принадлежит элитология) особенно, к методологическим основаниям следует отнести не только принципы, но и развивающие их методологические установки.

Аргументы «от психологии», одни из самых распространенных объяснений элитаризма, можно условно разделить на три группы: инстинктивистские, фрейдистские (близкие к первым, но учитывающие одновременно роль социальной среды в формировании личности ребенка) и бихевиористские (обычно рассматриваемые как альтернативная позиция, поскольку их сторонники считают, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей). Впрочем, у всех этих трех групп психологов можно обнаружить общие черты. Их, в частности, отмечает Э. Фромм [18, с. 75]. Если у инстинктивистов

человек живет прошлым своего рода, то у бихевиористов — сегодняшним днем. Если для первых человек — это машина, унаследовавшая модели прошлого, запрограммированная на образцы поведения, в которых существует множество *homo sapiens*, то для вторых человек — это машина, способная воспроизводить только социальные модели современности.

По мнению российских исследователей, позицию инстинктивистов можно суммировать следующим образом: «...деление общества на элиту и массу есть следствие врожденных черт личности, следствие генетически запрограммированных инстинктов. Большинству людей присущи инстинкты стадности, конформизма, а меньшинству — импульсивная, причем неумеренная жажда власти, стремление командовать. Именно между такими людьми и происходит борьба за элитные позиции в обществе» [3, с. 88].

Ученые утверждают, что предметом исследования психологии вместо неопределенного термина «сознания» должно быть поведение — то, что поддается верификации; психологию следует превратить в науку, способную управлять поведением; манипулируя внешними раздражителями, можно воспитать человека с заданными константами поведения. Человеческое поведение формируется под воздействием социального окружения, определяется не врожденными, генетически запрограммированными свойствами, а социальными и культурными факторами (которые и мотивируют стремление человека попасть в элиту). Поэтому психология призвана заниматься прежде всего изучением того, какие механизмы стимулируют поведение человека [3, с. 91].

Бихевиористы видят свою задачу в изучении того, какие механизмы стимулируют человека в его деятельности и как они могут быть эффективно использованы в программировании поведения людей, прежде всего правящей элиты. Впрочем, бихевиористы по понятным причинам не признают открыто, что выполняют социальный заказ элиты. И уж во всяком случае, они не хотели бы, как правило, выступать в роли пособников насильственного, диктаторского правления. Ведущий теоретик необихевиоризма Б. Скиннер писал: «Я уверен, что никто не хочет развития новой системы отношений типа «хозяин — слуга», никто не хочет искать новых деспотических методов подавления воли народа властью имущими. Это образцы управления, которые были пригодны лишь в том мире, в котором еще не было науки» [1, с. 35]. Впрочем, автора этих слов Э. Фромм резонно упрекает в наивности. «Спрашивается, в какую эпоху живет профессор Б. Скиннер? Разве сейчас нет стран с эффективной диктаторской системой подавления воли народа? И разве плохо, что диктатура возможна лишь в культурах «без науки»?.. На самом деле ни один политический лидер и ни одно правительство никогда не признаются в своих намерениях подавить волю народа» [17, с. 50]. Сам Б. Скиннер откровенно признает: «...нам приходится иметь дело с волей к власти или параноидальными заблуждениями лидеров». Тем не менее школа Б. Скиннера усиленно работает над решением про-

блем контроля и управления массовым поведением, заказы на которые явно поступают от правящей элиты. Причем Б. Скиннер выражал сожаление по поводу того, что «поведенческой технологии, сопоставимой по мощности и точности с физической и биологической, не существует» [1, с. 32].

Однако инстинктивизм и антиинстинктивизм — крайние позиции, между которыми лежат компромиссы, переходы и допущения. Даже Б. Скиннер, подчеркивая определяющую роль социокультурных факторов, не исcludes полностью роли генетических предпосылок.

Среди многочисленных последователей и реформаторов фрейдизма отметим В. Рейха и Э. Эриксона, утверждавших, что характер человека формируется в раннем детстве, в кругу семьи с ее нормами и установками, а поскольку ее структура носит, как правило, авторитарный характер, этот авторитаризм порождает социальную структуру с властвующей элитой и послушной ей массой. Участие взрослого человека в общественной жизни, в решении социальных конфликтов есть всего лишь средство решения внутренних конфликтов, коренящихся в особенностях формирования личности в детском возрасте, вылившихся в невротические реакции. Объяснения факта проникновения того или иного человека в элиту он, как и другие фрейдисты, предлагает искать в психоанализ личности.

Особенно развернуто элитаризм сформулирован в цивилизационной концепции А. Тойнби. По его мнению, стимул и толчок социальному развитию дают «редкие сверхлюди, способные разрушить круг примитивной жизни и совершить акт творения». По А. Тойнби, «акт социального творчества — прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческого меньшинства». Это творческое меньшинство — элита; цивилизация развивается, когда элита динамична, и вырождается, когда иссякают ее творческие потенции. Именно наличие элиты обуславливает развитие цивилизации, «подтягивание нетворческого большинства общества до уровня творческих пионеров, без чего невозможно поступательное движение вперед... Большинство дрессируется руководящим меньшинством и подражает ему» [14, с. 260].

Практически все элитологи согласны с тем, что элита управляет делами общества. В силу этого необходимо выяснить соотношение элиты и слоя людей, профессионально занимающихся управленческой деятельностью, — бюрократии (собственно, низшее и среднее звенья бюрократии вряд ли можно отнести к элите; тогда естественно предположить, что элита — это высшее звено бюрократии).

Концепция бюрократии знаменитого немецкого социолога и политолога Макса Вебера рассматривается как важный вклад в элитологию, в обоснование элитаризма. По его мнению, «власть, основанная на прихоти, чувствах, предубеждениях ее носителей и потому непредсказуемая, сменяется правлением экспертов, принимающих оптимальные решения, действия которых пред-

сказуемы, сменяется властью, основанной на бесстрашных формальных правилах и процедурах, подкрепленной жесткой дисциплиной, иными словами, иррациональная администрация сменяется рациональной» [4, с. 83].

Как видим, М. Вебер позитивно интерпретирует феномен бюрократии как власти, отчужденной от народа, выражающей интересы эксплуататорских классов. К. Маркс связывал ее с потерей организацией содержательных задач своей деятельности, с главенством формы над содержанием (бюрократия «выдает формальное за содержание, а содержание за нечто формальное»). Бюрократия есть «государственный формализм». «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства... Бюрократия, есть круг, из которого никто не может выскочить. Верхи полагаются на низы во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение» [10, с. 271-272].

Особый интерес представляет для нас вопрос о соотношении элит и бюрократии. Некоторые политологи отождествляют эти понятия: бюрократия и выступает как элита. Другие политологи исходят из того, что бюрократия — административный аппарат элит. Представляется достаточно взвешенной следующая формулировка: «Политическая воля элит реализуется главным образом через бюрократический аппарат, постоянно занимающийся государственными делами. Элита намечает главные цели и магистральные линии деятельности государства, а бюрократический аппарат их реализует. Последний может саботировать выполнение их. Сильная бюрократия может навязать свою волю, частично превращаясь в политическую элиту» [13, с. 32].

Если биологические и психологические интерпретации элитаризма выливаются в попытку доказать, что вхождение в элиту — следствие особенностей генотипа и психологических особенностей человека, то наиболее распространенные ныне варианты элитизма поднимают проблему на надындивидуальный уровень, интерпретируя элиту как функцию социальных отношений, как удовлетворение потребностей общества в управлении.

Элитаризму противостоит эгалитаристская парадигма, антиэлитизм. Однако и в истории политической мысли, и в настоящее время элитистская парадигма превалирует. Тем не менее ряд исследователей считают, что в российском массовом сознании указанные парадигмы продолжают сосуществовать и поиск оптимальной политической системы идет в условиях борьбы и взаимодействия, а отчасти и взаимопроникновения обеих парадигм [3, с. 115-116].

Существование политических элит в обществе обуславливается действием ряда объективных тенденций. Общество, как все сложно организованные системы, нуждается в профессиональном управляющем воздействии, что вызывает необходимость в разделении труда на управляющих и управляемых. Ему необходимы люди, обладающие социальными знаниями, навыками, опытом, способные осуществлять управленческие функции. Кроме того, политическое

неравенство в обществе есть результат неравенства психических, социальных и иных условий, которые создают различные возможности заниматься политикой для разных социальных групп и индивидов. Следует учитывать и то, что управленческий труд высоко оценивается и стимулируется в обществе, а близость к власти открывает широкие возможности для реализации индивидуальных потребностей. Это обстоятельство заставляет многих людей стремиться во властные институты. Наконец, существование политической элиты обусловлено пассивностью широких слоев населения, которые, занимаясь решением собственных повседневных проблем, обычно предпочитают держаться подальше от политики.

В. Трушков утверждает, что интерес к вопросам роли правителей, власть предрежащих, высших слоев общества, всех, кто принимает важнейшие решения в политической, экономической, идеологической и иных жизненно важных областях социальной жизни, оказывает огромное, порой определяющее влияние на жизнь миллионов людей. Кроме того, он закономерен и естественен. Эти люди неизменно находились в фокусе общественного интереса, на авансцене истории и их, естественно, не обходили вниманием исследователи социально-политических процессов. Но особенно этот интерес возрос в последние десятилетия, что связано с рядом объективных и субъективных причин, в частности, с возрастанием роли элитных слоев в политическом пространстве, их возможностей манипулировать сознанием масс, опираясь на новейшие средства массовой информации. Воздействие управленческих решений, принимаемых элитой, на судьбы миллионов людей таково, что ее качество, квалификация, социальные и этические характеристики существенно важны для общественно-политического потенциала страны [15, с. 56-57].

Таким образом, политическую элиту правомерно будет определить как внутренне сплоченную социальную группу, составляющую меньшинство общества, отличающуюся особыми социально-психологическими качествами, ценностями, стереотипами, нормами поведения, обладающую властными ресурсами, что дает ей возможность принимать важнейшие решения, а также обеспечивает престиж и привилегированное положение. Властные ресурсы и система ценностей — главные параметры выделения политической элиты, которые в свою очередь зависят от конкретных исторических, институционально-культурных особенностей. Элита признается ключевым актором политического процесса, который имеет доступ к инструментам власти и монополизирует право на принятие решений и формирование политических программ.

Библиографический список

1. Американская социологическая мысль. М.: Изд-во МГУ, 1994.
2. Ашин Г.К. Наука об элитах и элитном // Власть. 2004. № 1.

3. *Ашин Г. К., Понедельков А. В.* Основы политической элитологии. М.: Изд-во ПРИОР, 1999.
4. *Гайденок П. П., Давыдов Ю. Н.* История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс. М.: КомКнига, 2006.
5. *Джиллас М.* Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.
6. *Дискин И.* Реформы и элиты: институциональный аспект // *Общественные науки и современность.* 1995. № 6.
7. *Зубаревич Н. В.* Пришел, увидел, победил? (Крупный бизнес и региональная власть) // *Pro et Contra.* 2002. Т. 7, № 1.
8. *Коновалов В. Н.* Политический словарь. Ростов н/Д: РГУ 2001.
9. *Куколев К. В.* Провинциальный аспект политико-экономических элит // *Власть.* 1997. № 4.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии. М.: ИТРК, 2009.
11. *Миллс Р.* Властвующая элита. М.: Иностранная литература, 1959.
12. *Мухаев Р. Т.* Политология. М.: Захаров, 2005.
13. *Санистебан А.* Основы политической науки. М.: МП «Владан», 1992.
14. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Логос, 2003.
15. *Трушков В.* Отечественная политическая элита: способы вычленения // *Диалог.* 2000. № 10.
16. *Фесенко В. В.* Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // *Полис.* 1995. № 6.
17. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Аст, 1994.
18. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Изида, 1990.
19. *Шварценберг Р.* Политическая социология: в 3 ч. М.: Высшая школа, 1992. Ч. 1.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СЕРВИС СУПЕРСТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В КОРПОРАЦИИ В ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

.....

В. В. Ермоленко¹

В статье обсуждается эволюция содержания и объектная ориентация стратегического планирования в рамках системно-интеграционной эвентуализированной теории предприятия, исходя из которой рассматривается новый взгляд на внутреннее пространство корпорации в условиях экономики, основанной на знаниях. Принятие суперстратегических и стратегических решений в корпорации знания связано с изменением содержания стратегического контроллинга, обеспечивающего в рамках интеллектуальной техноструктуры сервис стратегического менеджмента, нацеленного на формирование конкурентных преимуществ с учетом конфигурации ее капиталов.

Ключевые слова: воспроизводство, знания, контроллинг, корпорация, нематериальные активы, стратегическое планирование, суперстратегические решения, управление знаниями, экономика знаний.

An evolution of content and object orientation of the strategic planning process in the system-integration eventualizing enterprise theory which considers new ways of thinking about the corporation's internal space in the knowledge-based economy were discussed in this article. Superstrategic and strategic decisions in the knowledge corporation are connected with a change of the strategic controlling content that, in a technostructure context, provides intellectual service of the strategic management focusing on competitive advantages forming based on its capital configuration.

Key words: reproduction, knowledge, controlling, corporation, intangible assets, strategic planning, superstrategicheskie solutions, knowledge management, knowledge economy.

Интеллектуальный прорыв в понимании истинной социально-экономической роли знания совершен в середине XX в. По мнению П. Друкера и Ф. Махлупа, расширение использования знания как одного из эффективных ресурсов производства и управления в рамках предприятия должно привести к качественному изменению коренных основ экономики и общества в целом: первая становится экономикой знаний, второе — обществом знаний.

---

¹ Ермоленко Владимир Валентинович — заведующий кафедрой общего, стратегического, информационного менеджмента и бизнес-процессов Кубанского государственного университета, кандидат технических наук, доцент. Эл. почта: Oleda@kubannet.ru

1. Корпорация в экономике знаний

Современный этап развития экономики знаний характеризуется интенсивным поиском теоретической платформы, позволяющей решить ряд проблем применительно к начальному этапу ее зарождения и выражается сосуществованием и интеграцией трех основных теоретических экономических парадигм, определяющих системный подход к анализу экономики на всех уровнях: концепции неоклассики, институциональной экономики и эволюционного подхода, приводящих к признанию личного интереса, институционального влияния и эволюционной составляющей — особо значимых факторов при объяснении действий экономических агентов и протекания экономических процессов [3].

Системная парадигма стремится к многостороннему рассмотрению социально-экономических образований как комплексов, носящих черты технологических, экономических, социальных, институциональных, биологических и иных систем.

Меняются и фундаментальные теоретические предпосылки стратегического планирования. В рамках неоклассической теории предметом стратегического управления были труд и капитал с максимизацией прибыли как главным мотивом поведения экономических агентов. Сейчас активно развивается эволюционно-институциональная теория, где мотивы поведения агентов являются принципиально иными [5].

Такое стремление современной экономической науки приводит к рассмотрению развития социально-экономических систем, основанного на взаимодействии и взаимовлиянии подсистем внутреннего пространства, внешних систем и сред.

Процессы простого или расширенного воспроизводства рассматриваются на базе так называемой системно-интеграционной теории предприятия, учитывающей различные аспекты внутренней и внешней среды, а также функций предприятия [6].

Переход к экономике знаний невозможен без институциональных инноваций, создания новых полей взаимодействия управленческих структур и основных участников институтогенеза: физических лиц, технологических способов, базисных координирующих институтов.

Генерация, становление и закрепление протекающих в корпорации разнообразных технико-экономических, финансовых, социальных и других процессов применительно к экономике знаний возрастают, и их структуризация приводит к выделению трех групп:

- процессов *производства*, связанных с использованием имеющегося потенциала для производства продукции, выполнения работ и оказания услуг;
- процессов *воспроизводства*, связанных с созданием, наращиванием и модернизацией потенциалов предприятия;

— процессов, обеспечивающих создание и развитие самой воспроизводственной базы предприятия (процесс «воспроизводство воспроизводства») [4, с. 231].

В рамках предложенной Г.Б. Клейнером системно-интеграционной теории предприятия особое значение придается месту и роли интеллектуального и человеческого капитала в его подсистемах. Утверждается, что использование знаний, которые относительно самостоятельны, но активно взаимодействуют с другими ресурсами производственно-хозяйственной деятельности, требует изменения системы управления корпорацией.

Внутреннее пространство предприятия рассматривается не только и не столько как срезы [1, с. 196], а как многоуровневая иерархическая система, включающая ментальную, культурную, институциональную, когнитивную, технологическую и историческую подсистемы [4, с. 253].

Структура капиталов современной корпорации представлена на рисунке.

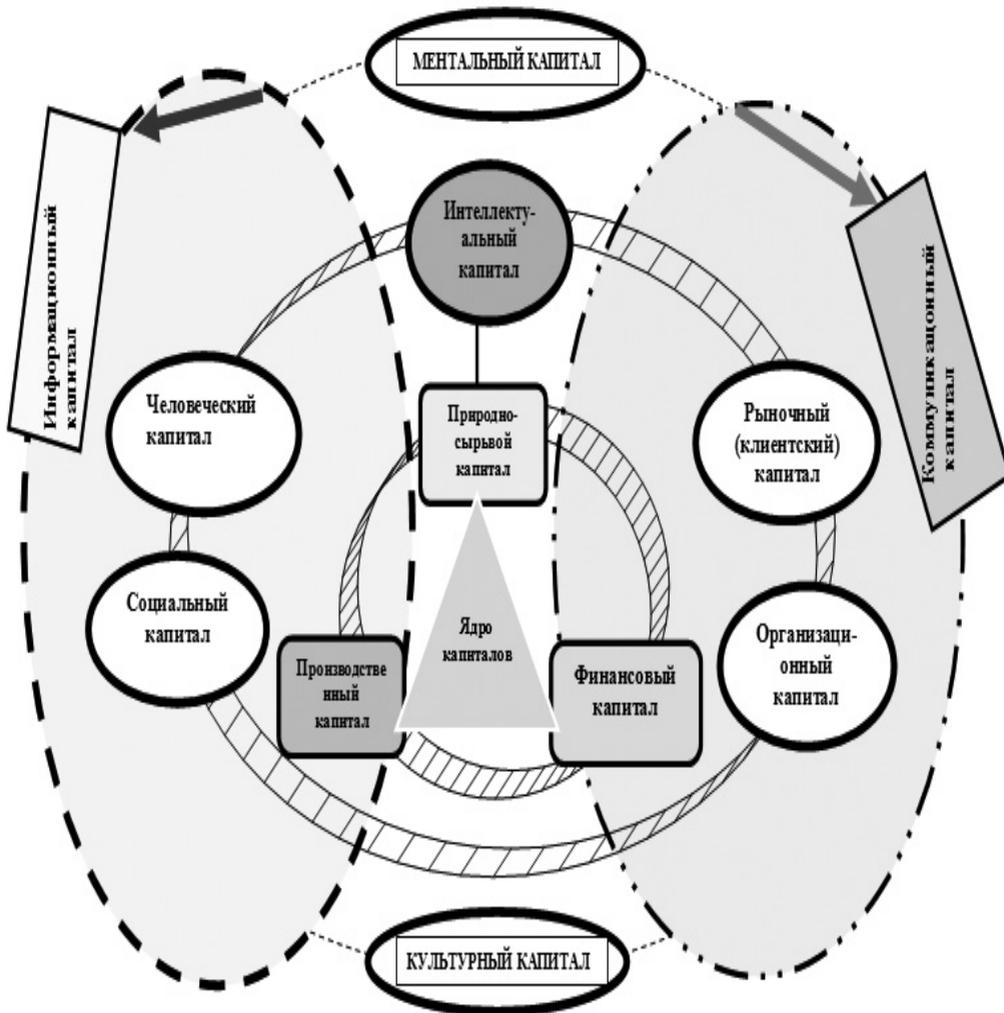
Выдвигается и обосновывается гипотеза о строении основных кирпичиков микроэкономики и определении генетической базы (генома) предприятий [4, с. 254].

По выражению Е.В. Попова, рутины фундаментальных уровней (ментального, культурного, институционального) имеют наиболее длительные периоды жизненных циклов, а рутины функциональных уровней (технологического, поведенческого, рыночного) — наиболее короткие периоды жизни. Е.В. Поповым получены следующие значения периодов жизненных циклов организационных рутин:

- ментального уровня — 17 лет;
- культурного уровня — 12 лет;
- институционального уровня — 7 лет;
- технологического уровня — 5 лет;
- поведенческого уровня — 4,5 года;
- рыночного уровня — 3 года.

Этим он объясняет то, что собственники фирм в первую очередь реализуют проекты по формированию рутин функциональных уровней, так как окупаемость проектов здесь имеет наименьшие сроки. И лишь затем реализуются проекты по преобразованию организационных рутин фундаментальных уровней [10].

Системно-интеграционное представление о функционировании корпорации в экономике знаний ставит новые актуальные проблемы выявления, учета и влияния капиталов на разработку стратегии поведения корпорации, а также проблемы интеллектуального обеспечения стратегических решений по управлению портфелем ее капиталов.

Концептуальная модель структуры капиталов корпорации

2. Суперстратегические и стратегические решения в новой парадигме стратегического планирования в экономике знаний

Известен подход Г. Саймона, в основе которого лежит выделение неструктурированных, слабоструктурированных и структурированных проблем в управлении [16]. Пользуясь этой классификацией, можно соответствующим образом структурировать и решения, принимаемые на уровне руководства предприятия. Причем такой подход к управленческим решениям рассматривается в неоклассической парадигме.

Новый взгляд на внутреннюю структуру экономической системы привел к ревизии понятия «стратегическое решение» [6]. Было предложено классифицировать решения по управлению предприятием на тактические, стратегические и суперстратегические. Первые относятся к использованию уже имеющегося потенциала производственной базы, вторые — к механизмам формирования (создания, пополнения, изменения инновационного воспроизводства потенциала (имеющейся базы), третьи — к механизмам формирования потенциала развития воспроизводственной базы.

В диверсифицированной корпорации к стратегическим относят два уровня управления — корпоративный и уровень бизнеса, а следовательно, два типа управленческих решений: суперстратегические и стратегические.

К сфере суперстратегических решений относятся «внешние два кольца («бахрома») и ядро капиталов (см. рисунок).

Для отражения особенностей производственной деятельности корпорации и разделения этих видов решений можно воспользоваться понятием производственной функции [2, с. 132]. При этом валовой продукт предприятия ($Q_{пр}$) в рамках производственной функции нового формата, характерного для постиндустриального общества, предстаёт как функция нескольких аргументов-факторов:

$$Q_{пр} = F (Pop, Teh, Rn, \dots, Ins, Org, Inf, \dots).$$

Указанная система факторов составляет совокупный капитал предприятия.

Капиталы, входящие в структуру ядра и «бахромы» развития, образуют две группы.

1. *Трансформационную, или дифференцирующую (D)*, группу составляют человеческий (Pop), технологический (Teh) и природно-ресурсный (Rn) капиталы, их взаимодействие формирует различия между продуктами бизнес-деятельности и ориентированных на преобразование (трансформацию) вещества и энергии природы, включает в свой состав человека, технику, природные ресурсы, вовлечённые в производственный процесс с целью удовлетворения потребностей общности людей в товарах и услугах. Данная группа капиталов детально исследована отечественными специалистами.

2. В *транзакционную, или интегрирующую (I)*, группу входят институциональный (Ins), организационный (Org) и информационный (Inf) капиталы (т.е. создающие связи между участниками хозяйственного процесса). Их влияние обуславливает общность социально-экономической формы продуктов бизнес-деятельности, связывая их производителей и потребителей общими отношениями воспроизводственного процесса, социально интегрируя их посредством институции, организации и информации. Факторы данной группы относятся к числу рыночных. Они разработаны в трудах представителей институционального направления экономической науки.

Между перечисленными капиталами существует многосвязная комплементарность, которая обеспечивает формирование эффективных комбинаций капиталов (капиталограмм) в целях оптимизации производственной функции.

Капиталограмма корпорации меняется под действием состояния внешней среды и ее рисков, принятых стратегических целей и стратегии, особенностей ее бизнесов, а также в зависимости от целевой функции деятельности. Указанные факторы определяют набор отдельных видов капитала в совокупном капитале корпорации.

Из особенностей такого вида производственной функции вытекают следующие аналогии.

1. Тактические решения в таком контексте связываются с управлением только отдельными или группами аргументов производственной функции.

2. Стратегические решения касаются изменения вида самой производственной функции. Иными словами, приоритетного способа управления аргументами «воспроизводственной функции» предприятия, например: в условиях инновационной экономики вид производственной функции должен отражать своеобразие и особенности такой экономики. И это в полной мере относится к объектам, среде, процессам и проектам, т. е. институтам. Адресатом стратегических решений являются частные производные производственной функции.

3. Суперстратегические, или доктринальные, решения относятся к механизмам управления не только аргументами или выбором вида функции, но и характером, и скоростью изменений аргументов и воспроизводственной функции. Это можно рассматривать как изменение системы вторых частных производных производственной функции в связи с комплементарным взаимодействием аргументов (капиталов). Отсюда следует, что для принятия суперстратегических решений необходима «полная перезагрузка» генетической базы (генома) корпорации или формирование принципиально другой (новой) конфигурации капиталов, адекватной новому (инновационному) подходу, отличному от общепринятой практики менеджмента и ведения бизнеса.

К сфере суперстратегических решений относятся: ментальные особенности участников деятельности управления; культурные особенности внутрифирменной среды; институциональные особенности предприятия; когнитивные механизмы и социально-экономический генотип. Именно эти орбиты (ярусы, по выражению Г. Б. Клейнера) должны стать сферой особого внимания при разработке стратегических планов корпорации.

Г. Б. Клейнер отмечает одну существенную для управления особенность этих слоев: ментальные, культурные, институциональные и когнитивные части капитала корпорации не могут управляться исключительно на ее, т. е. корпоративном, уровне (и поэтому в строгом смысле не могут считаться ее акти-

вами), поскольку их состояние зависит от множества внешних факторов. Так, ментальные особенности зависят не только от внутрикорпоративной атмосферы, но и от профессионального взаимодействия между работниками разных организаций. Поэтому часть методов и средств управления четырьмя фундаментальными подсистемами концентрируются не на микроэкономическом, а на мезоэкономическом и кластерном уровнях [6].

К стратегическим решениям относятся решения о реконструкции, расширении или ликвидации бизнеса, коренном изменении профиля или специализации предприятия, а также принадлежности прав собственности на имущество и продукцию самого предприятия.

Можно предположить, что цели, содержание проблем, методы формирования таких решений различны. Из указанной гипотезы следует, что и способы интеллектуального сервиса разработки суперстратегических и стратегических решений также различны.

Термином «стратегические решения» обозначаются решения, которые имеют кардинальное значение для функционирования бизнеса и влекут за собой (при условии их реализации) долговременные и необратимые последствия. Сущность отличительного признака стратегичности решений характеризуют необратимость и долгосрочность последствий. Это означает, что реализация стратегических решений меняет не только потенциал предприятия, но и его характер. И возврат к предыдущему состоянию объекта управления если и возможен, то требует больших затрат времени, ресурсов и усилий [6].

Трудность принятия стратегических решений лежит в плоскости их своевременного выбора из известного заранее дискретного множества, а также обоснованности и ответственности за последствия их реализации. Необходимость подготовки и принятия стратегических решений на уровне предприятия в условиях вхождения в рынок сильно возросла и была продиктована объективными факторами соперничества и удержания доли рынка, а также формирования эксклюзивных конкурентных преимуществ [4].

Особенности тактических, стратегических и суперстратегических решений по управлению корпорацией представлены в табл. 1.

С понятием «стратегические решения» тесно связаны понятия «потенциал» и «конкурентные преимущества корпорации».

Данные категории и трактуются неоднозначно. Так, Р.А. Фатхутдинов рассматривает конкурентные преимущества на основе понятия «ценности» и ее одиннадцати признаков. «Конкурентное преимущество системы — это какая-либо эксклюзивная ценность, которой обладает система и которая дает ей превосходство над конкурентами. <...> Ценности могут превратиться в какой-либо вид эффекта: технический, социальный, экономический или политический. Ценности могут превратиться в базисные или второстепенные, стратегические или такти-

Таблица 1

Особенности решений по управлению корпорацией

Критерии сравнения	Стратегический уровень управления		Функциональный уровень	Линейный уровень управления
	Корпоративный уровень управления	Уровень бизнеса		
	Суперстратегические решения	Стратегические решения	Тактические решения	Оперативные решения
	Отличительные признаки			
1	2	3	4	5
	Необратимость и долгосрочность последствий реализации решений	Границы решений по формированию конкурентных преимуществ расплывчаты, факторы не вполне определены, влияние на текущие процессы опосредованно	Решения имеют целенаправленный характер, их последствия прозрачны, факторные условия эффективности реализации определены и осуществляется мониторинг полноты их выполнения	Решения имеют оперативно-календарный характер с полным ресурсным обеспечением, контролем полноты и качества их выполнения
Основные свойства решения	Имеют кардинальное значение для бизнеса и влекут за собой долговременные и неотвратимые последствия	В нормальных условиях в качестве составляющих потенциала рассматриваются ресурсы в рамках теории «пяти сил конкуренции» М. Портера	Детализируют элементы стратегического решения	Имеют конкретный характер
Сфера решений	Решения определяют потенциал для развития воспроизводственной (создание и развитие) базы предприятия («воспроизводство воспроизводства»)	Решения, касающиеся процессов формирования (создания, пополнения, изменения) производственного потенциала предприятия («воспроизводство»)	Решения, касающиеся использования имеющегося потенциала производственной базы для производства продукции, выполнения работ и оказания услуг («производство»)	Решения, касающиеся отдельных элементов производственной базы
	Управление средствами воспроизводства потенциала (воспроизводство воспроизводства)	Управление воспроизводством потенциала	Управление производством	Управление элементами производства, обеспечения и обслуживания

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5
Характер принятия решений	Учитываются голоса носителей уникальных знаний и компетенций в условиях повышения роли и значимости нематериальных активов	Стандартные демократические процедуры количественного голосования при принятии решений, когда побеждает количественное большинство		Индивидуальный
Факторы, влияющие на степень влияния на решения	Более активное и консолидированное участие стейкхолдеров и акционеров в когнитивных процессах и принятии решений в корпорациях; повышение роли внешних акционеров компаний в повышении эффективности когнитивной деятельности	Участие акционеров, имеющих тот или иной по величине доминирующий пакет акций	В рамках деятельности исполнительного руководства и выработанной корпоративной стратегии	На основе утвержденных планов по направлениям деятельности
Результаты реализации решения				
Система и механизм принятия решений	Изменяет конфигурацию потенциалов корпорации	Формируют потенциал корпорации	Реализуют потенциалы	Повышают эффективность деятельности
	Лежат в основе корпоративной стратегии	Лежат в основе стратегии отдельного бизнеса корпорации	Детализируют способы достижения стратегических целей и стратегию по тактическим временным этапам	Направлены на формирование ценности (товаров, услуг)

ческие преимущества, реализуемые вне или внутри биологической, социальной или производственной системы в глобальном, локальном или индивидуальном масштабе. Из всех вновь приобретаемых ценностей эффективными для системы являются базисные стратегические глобальные ценности» [19, с. 725].

По мнению Г. Б. Клейнера, в каждый данный момент предприятие имеет вполне определенный социально-экономический потенциал. В самом общем смысле он его охарактеризует как совокупность находящихся в распоряжении предприятия стратегических ресурсов, имеющих определяющее значение для возможностей и границ функционирования предприятия в тех или иных условиях [4, с. 325].

К стратегическим следует относить те виды ресурсов, объемы и структура которых могут быть существенно изменены лишь путем принятия и реализации соответствующих стратегических решений и применительно к тем условиям, в которых корпорация работает.

Для детального определения структуры потенциала и отношений его элементов необходимо специфицировать условия, в которых будет протекать деятельность корпорации, исходя из ее индивидуальных особенностей, размеров, характера бизнеса и возраста.

Структура и содержание стратегических ресурсов отличаются динамичностью. К категории стратегических ресурсов могут быть отнесены: связи, стратегические партнерства и альянсы; особо эксклюзивная и достоверная информация о конкурентах; инновационные разработки; инвестиции в стратегические программы и проекты; персонал — носитель интеллектуального капитала, а также идеи и намерения топ-менеджмента и др.

В условиях относительно стабильного рынка в качестве составляющих потенциала корпорации могут рассматриваться ресурсы, описываемые в теории «пяти сил конкуренции» М. Портера, которые обеспечивают достижение, сохранение и развитие ею следующих основных конкурентных преимуществ: современный технико-технологический комплекс, активно развиваемые отношения с потребителями на рынке, обученный персонал, наличие объектов интеллектуальной собственности, инновационные заделы на будущее и ряд других.

В иных условиях, например институционального кризиса (по выражению С.В. Степашина), в качестве стратегических могут выступать такие ресурсы, как налаженные надежные кредитные линии, надежные партнерские отношения и т.д.

Если решается актуальная проблема формирования принципиальных основ экономики знаний как стадии развития народного хозяйства, а также деятельности корпорации в инновационной высокотехнологической сфере, то в качестве стратегических ресурсов фигурируют принципиально другие виды ценностей, новые институциональные элементы такой экономики, в частности, формирующиеся федеральная, региональные, муниципальные и кластерные инновационные среды и механизмы инновационно- инвестиционного развития и др.

При изменении особенностей протекания стратегического процесса с точки зрения содержания и факторов изменяются процедурные механизмы принятия решений [5].

В условиях экономики знаний в корпорациях знаний существенно возрастает значимость нематериальных капиталов и стандартные демократические процедуры количественного голосования с победой большинства вредны и неэффективны. У интеллектуального капитала корпорации, персонала, носителей уникальных знаний и компетенций право на формирование управленческих решений должно быть другим. Институт принятия решений в корпора-

циях знаний становится принципиально иным. В сетевых институтах принятие решения может слагаться на основе более тонких механизмов соучастия, экспертного голосования, вето и (или) построения согласованной целевой функции многокритериального выбора.

3. Интеллектуализация менеджмента корпорации

В методологии стратегического планирования сегодня присутствуют два диаметрально противоположных подхода [4]:

— представители первого подхода подчеркивают важность в стратегическом планировании технологии, аналитических методов, алгоритмов и количественных показателей [8];

— другие отдают предпочтение видению, озарению, искусству, опыту, качественным методам и показателям [17], а также мотивации и лидерству.

Г. Минцберг утверждает, что «знание, с которым имеет дело стратегическое мышление, не является интеллектуальным, не является ни аналитическим сообщением, ни абстрактными фактами и цифрами (хотя и без них, конечно, не обойтись)... Лучше всего его суть ухватило бы слово «мудрость»... Менеджер, который всерьез думает, что при определении своей стратегии он может полностью положиться на формальное планирование, напрочь лишен внутреннего знания, чувства своего дела и творческих способностей» [8, с. 159].

Успех стратегии достигается лишь тогда, когда ее разработчикам удалось настроить свои души в резонанс с «душой предприятия», свои мысли — с «обобщенным мозгом предприятия», а свои ощущения — с сигналами внешней социально-экономической среды. Истинная стратегия — это результат достижения резонанса между объектом планирования, субъектом планирования и общей средой, их объединяющей. Каждая эффективная стратегия есть результат открытия и даже инсайта, а не только применения готовых инструментов анализа и контроллинга, оптимизации процессов и формирования институтов.

Стратегическое планирование вошло в новую фазу развития, в ходе которой изменяется не только предметное содержание и методическое обеспечение стратегического планирования, но и его объектная ориентация. Понятие «стратегия» диверсифицировалось, в фокус внимания стратегии стали входить вопросы управления и обмена нематериальными активами с окружающим миром [5].

Если раньше основными предметами стратегического планирования были процессы реального производства, снабжения, маркетинга, то теперь стало ясно, что долгосрочный успех предприятия зависит от связанных непосредственно с человеком факторов: знаний, способностей, таланта и т.п. Стало ясно, что не только конкуренция между работниками, предприятиями, т.е.

силы отталкивания, обеспечивают эффективность организации экономики, но и силы притяжения, сотрудничества, кооперации, коэволюции [5].

Содержание данного подхода актуализирует проблему принятия качественных стратегических решений.

Рассматривая сервисную интеллектуальную поддержку таким образом структурируемых решений, можно выделить роль оперативного и особенно стратегического контроллинга как технологии менеджмента, основанного на сервисной интеллектуальной его поддержке. Причем цели и задачи стратегического контроллинга при такой структуризации решений подлежат расширению. Интеллектуализация менеджмента связана с освоением контроллингом сервиса управленческих решений, базирующихся на неформальных методах и связанных с использованием интеллектуальных систем как эффективного средства аккумуляции знаний.

Парадигма контроллинга — это современный облик научного менеджмента. Цель контроллинга — использование научного инструментария в менеджменте в ходе анализа ситуации, обоснования вариантов управленческих решений.

С. В. Рубцов утверждает, что разработка и внедрение систем ERP и MRP II на предприятиях знаменует окончательную победу концепции контроллинга, или научного менеджмента, в области стратегического и оперативного планирования и управления материальными ресурсами [15].

Контроллинг как технологическая концепция управления основан на идее создания эффективной формализованной методической системы, включающей следующие три процесса [14]:

- перспективное планирование деятельности организации (целеполагание);
- оценку текущего состояния предприятия (анализ ситуации);
- выработку целевого (корректирующего) управляющего воздействия.

Проблематика менеджмента широка. Значительная ее часть находится в поле зрения контроллинга. Привлечение неформальных методов для поиска решения проблем сужается из-за невозможности использования реальных практик менеджмента в корпоративных информационных системах. Они используют жесткие знания и модели, которые ломают сложившиеся механизмы управления под видом реинжиниринга. Развитие контроллинга напрямую связано с поиском, накоплением и сохранением неформальных знаний. Нейросетевая технология дает возможности для автоформализации таких знаний [12; 13].

Процесс принятия решений (ППР) связан с процессом познания, поэтому для его описания необходимо заимствовать базовые категории, применяемые для описания человеческого мышления, а модель ППР строить, исходя из име-

ющегося в разработках в области искусственного интеллекта положительного опыта моделирования логического вывода индивида [14].

Парадигма контроллинга применительно к ППР находит свой выход в области управленческих знаний и связана на данном этапе своего развития с внедрением корпоративных систем управления знаниями с элементами искусственного интеллекта [14].

Рынок корпоративных систем управления, опережая реальные потребности массового менеджмента, неторопливо становится индустрией производства знаний и обмена знаниями об управлении производством. Мегатренд указывает, что созрели научные и организационные условия для нового технологического прорыва в область тонких механизмов принятия решений в сфере управления [9].

Инструментальное направление микроэкономики знаний, связанное с созданием и применением компьютерных средств хранения, накопления и трансформации знаний, достигло существенного прогресса к середине 1980-х гг. в результате развития корпоративных компьютерных систем искусственного интеллекта, предметно- и проблемно-ориентированных экспертных систем и привело к оформлению научно-прикладной дисциплины «управление знаниями» [7].

Экономика знаний как научная дисциплина изучает под определенным (когнитивным) углом зрения все уровни и подразделения народного хозяйства. В настоящее время наиболее активно в теоретическом плане развивается макроэкономика знаний, главным образом в аспекте взаимоотношений роста объема знаний в экономике и макроэкономического роста, а в прикладном — управление знаниями на уровне корпорации.

Гармонично развивающееся общество должно поддерживать наличие систем всех четырех видов: объектного, средового, процессного и проектного типов. Основные типы, свойства и действия различных экономических систем в экономике знаний представлены в табл. 2.

Сетевые формы корпораций основаны на гибридизации или сочетании в различных пропорциях систем и конфигураций капиталов различных типов с учетом особенностей формируемых бизнес-систем.

В условиях экономики знания каждая подсистема корпорации знания имеет специфический, но «производственный характер»: ментальная подсистема порождает специфическую модификацию мышления участников деятельности; культурная подсистема производит культурные образцы и ценности, формирует культурную среду; институциональная подсистема генерирует новые институты, другие изменения в институциональной системе; когнитивная подсистема создает совокупность знаний и навыков; историческая и имитационная подсистемы формируют запас знаний, сведений и эмоциональных впечатлений относительно образцов поведения [5].

Таблица 2

Основные типы, свойства и действия различных типов экономических систем в экономике знаний

Типы систем	Определение	Частные случаи/типовой представитель	Распространение во времени	Распространение в пространстве	Свойства	Действия	Реализуют функции	Роль в функционировании экономики	Типовой продукт
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Объекты	Физические и юридические лица (организации, предприятия, их группы), государства, союзы государств	Предприятия, организации/предприятия	Неограниченное	Ограниченное	Стабильность, результативность, устойчивость, чуждость, повторяемость	Порождать, производить, водить	Организация деятельности разнородных элементов, собирание их в единое целое, систематическая производственная деятельность	Узловая, воспроизводственная	Товар — материальный результат производственной деятельности, производимый для продажи или обмена
Среды	Системы взаимодействия экономических объектов и место протекания экономических процессов	Совокупности институтов, средств коммуникаций, организационной культуры, инвестиционного климата и других побочных образований/институт	Неограниченное	Неограниченное	Снижение неопределенности. Непозаметно наличие, заметно отсутствие среды	Облегчать взаимодействие, моделирование, распространение, стра	Заполняют межобъектное пространство и позволяют инновациям распространяться от объекта к объекту, обеспечивают связь между объектами	Контракция, обмен между личными компонентами и подсистемами экономики, создание условий для транзакций	Услуга — полезный законченный результат экономической деятельности, не создающей материально-вещественный продукт, но изменяющей качество имеющегося продукта

Окончание табл. 2

1	Процессы	2	Последовательные и эволюционные изменения состояния фиксации, рваных сред или объектов и их групп	3	Распространение инноваций в экономическом пространстве, инфляция, рост (спад)/диффузия инноваций	4	Ограниченное	5	Неограниченное	6	Преобразование, трансформация, адаптация	7	Прогресс, распространяться	8	Изменения состояния среды или объектов	9	Гармонизация деятельности и состояния всех экономических систем с точки зрения внутренней согласованности содержания	10	Работа — результат функционирования системы, который обладает полезностью
Проекты	Кратковременные существенные изменения ситуации в социальной-экономической сфере	Создание предприятия, выпуск нового изделия, строительство/мероприятие	Ограниченное	Ограниченное	Изменчивость, краткосрочность, вдохновение	Изменять окружающий мир	Проекты вносят элементы инноваций и мобильности	Инновационная трансформация, энергетическая подпитка Аругих видов систем	Полезный результат невозможного и невозобновляемого изменения системы, в форме товара, услуги или работы										

Воспроизводственный процесс корпорации знаний связан не просто с участием в производственном процессе расположенного выше слоя (по мнению Г.Б. Клейнера) или путем предоставления результатов своей деятельности как своеобразных средств производства, а с необходимостью формирования с помощью некоторых когнитивных механизмов определенных конфигураций капиталов. Такие когнитивные механизмы скорее всего должны стать объектами внимания стратегического контроллинга, которые могут быть разработаны в парадигме «стратегической навигации» [11; 18]

Инструменты подсистемы стратегического контроллинга в системе менеджмента корпорации знаний могли бы обеспечивать:

— включение элементов ментального, культурного, институционального, интеллектуального и других капиталов в формируемые конфигурации с переносом внимания стратегического планирования на развитие нематериальных активов;

— реализацию расширенного воспроизводства знаний через соединение систем объектного, средового, процессного и проектного типов с адекватными и эффективными конфигурациями капиталов применительно к экономике знаний.

Библиографический список

1. *Виханский О. С.* Стратегическое управление: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гардарики, 1998.
2. *Иншаков О. В.* Факторы стратегического развития предприятия // Стратегическое планирование и развитие предприятия: пленарные доклады IV Всерос. симпозиума. М.: ЦЭМИ РАН, 2003.
3. *Клейнер Г. Б.* Эволюция институциональных систем. М.: Наука, 2004.
4. *Клейнер Г. Б.* Стратегия предприятия. М.: Дело, 2008.
5. *Клейнер Г. Б., Качалов Р. М., Нагрудная Н. Б.* Формирование стратегии функционирования инновационно-промышленных кластеров. М.: ЦЭМИ РАН, 2007. URL: <http://www.cemi.rssi.ru/rus/index4.htm>
6. *Клейнер Г. Б., Тамбовцев В. А., Качалов Р. М.* Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегия, безопасность, М.: Экономика, 1997.
7. *Макаров В. А., Клейнер Г. Б.* Микроэкономика знаний. М.: Экономика, 2007.
8. *Минцберг Г., Куинн Дж. Б., Гошал С.* Стратегический процесс. СПб.: Питер, 2001.
9. *Нейсбит Д.* Мегатренды/пер. с англ. М. Б. Левина. М.: Изд-во АСТ; ЗАО НПП «Ермак», 2003.
10. *Попов Е. В.* Издержки рутинизации полидинамической эволюции организационных рутин фирмы // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы VI Всерос. симпозиума. М.: ЦЭМИ РАН, 2005.
11. Попченко Е. Л., Ермасова Н. Б. Бизнес-контролинг. М.: Альфа-Пресс. 2006.
12. *Поспелов Д. А.* Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1986.

13. Приобретение знаний. М.: Мир, 1990.
14. Рубцов С. В. Парадигма контроллинга и управление психическими процессами персонала. URL: <http://www.osp.ru/text/print/302/170981.html>
15. Рубцов С. В. Контроллинг или интуиция? URL: <http://www.osp.ru/text/print/302/170981.html>
16. Саймон Г. Менеджмент в организациях: сокр. пер. с англ. М.: Экономика, 2000.
17. Томпсон А. А., Стрикленд А. Дж. Стратегический менеджмент. М.: Банки и биржи, ЮНИТИ, 1998.
18. Фалько С. Г., Карминский А. М., Жевага А. А., Иванова Н. Ю. Контроллинг: учебник. М.: Финансы и статистика, 2006.
19. Фатхутдинов Р. А. Конкурентоспособность организации в условиях кризиса: экономика, маркетинг, менеджмент. М.: ИКЦ «Маркетинг», 2002.

ИЗМЕНЕНИЕ ПОТРЕБЛЕНИЯ РОССИЯН ПОД ВЛИЯНИЕМ ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКУЮ ЭПОХУ

.....

О. А. Фокина¹

Статья посвящена анализу трансформационных процессов в постсоветской России и их влиянию на потребление россиян. Трансформационные процессы рассматриваются через изменение в потребительском рынке, стратификационной структуре современного общества и ментальности российских граждан. Автор приходит к выводу, что современная противоречивая практика потребления в России сложилась под влиянием экономических преобразований (переход к рынку) как следствие исторически сложившегося мироощущения российского гражданина.

Ключевые слова: потребление, потребности, социальная трансформация, трансформация потребительского сознания.

The article is devoted to the analysis of transformational processes in post-Soviet Russia and their influence on the consumption of the Russians. Transformational processes are observed through changing in consumption market, stratification structure of modern society and the Russian citizens mentality. The author comes to the conclusion that modern and rather contradictive activity of consumption in Russia has built up under the influence of both economical changes (transition to market economics) and mentality of a Russian citizen.

Key words: consumption, needs, social transformation, transformation of consumptive mentality.

Современная рыночная экономика России во многом является результатом «скоротечной перестройки» (Ю. А. Левада) 1980-1990-х гг. С одной стороны, в результате экономических реформ российской элитой была практически бесплатно приватизирована основная часть государственной собственности, в результате чего основная масса населения страны оказалась отчужденной от национального богатства страны. Привычная для большинства россиян

---

¹ Фокина Ольга Анатольевна – кандидат педагогических наук, заведующая кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Волгоградского филиала Российского государственного университета туризма и сервиса. Эл. почта: olfa60@yandex.ru

система централизованного планирования и материально-технического снабжения исчезла, а ее заменили рыночные механизмы. С другой стороны, легитимизация частной собственности позволила наполнить потребительский рынок, ликвидировать очереди за жизненно необходимыми товарами и услугами, приобретать жилье в частную собственность, открывать собственное дело и т. д. Советский Союз остался в истории, а современная Россия вошла в третье тысячелетие с грузом тех социально-экономических противоречий, которые достались ей от прежней сверхдержавы в результате сложнейших изменений в экономике, социуме, культуре.

Ряд исследователей (Т.И. Заславская, А.Г. Здравомыслов, Ю.А. Левада, В.В. Локосов, А.В. Мартынов, М.А. Шабанова, В.А. Ядов и др.) связывают произошедшие изменения с понятием «социальная трансформация», ни генеральное направление, ни конечные результаты которой до конца не ясны. «Под социальной трансформацией понимается обусловленное внешними факторами и внутренней необходимостью постепенное, не связанное со сменой правящей элиты, но в то же время радикальное и относительно быстрое изменение социальной природы, или социетального типа общества» [4, с. 197].

Главным содержанием экономической трансформации в России следует считать формирование институтов рыночной экономики, что позволило преодолеть экономическую стагнацию советской системы хозяйствования в последние десятилетия советской власти, ориентированную на поддержание военно-промышленного комплекса. Пренебрежение потребителями интересами советских граждан привело к массовому дефициту жизненно необходимых товаров и услуг, вылившемуся в конце 1980-х гг. к талонной системе распределения. Специалисты Института философии РАН отмечают, что за годы советской власти сложился тотальный комплекс отчуждения, который выразился не только в том, что произошло отчуждение подавляющего числа граждан от управления страной, трудящихся от результатов своего труда, утрата гражданами личной безопасности, правдивой информации, но и отчуждение производства от потребностей населения, приведшее к тотальному дефициту жизненно необходимых товаров и услуг [10, с. 64-69]. В мае 1982 г. Советом министров была принята Продовольственная программа, которая должна была решить проблему бесперебойного снабжения населения продуктами питания к 1990 г., однако плановая экономика СССР не смогла выдерживать системных нагрузок. К 1985 г. около 250 наименований вошло в список остродефицитных продуктов, а к началу 1990-х г. он вырос почти в два раза [11, с. 340-341]. Моющие средства (мыло, стиральный порошок), масло, сахар, табачные изделия и алкоголь продавались в крупных городах России только по талонам, в некоторых городах список таких товаров был расширен (в частности, в Волгограде на некоторое время в него вошел и картофель). Дефицит стал обыденным контекстом жизни советского человека, родовым признаком

распределительной системы плановой экономики. «Можно сказать, что потребительский дефицит в значительной степени определял формы организации быта простого советского человека. Очереди, «охота» за «выбрасываемыми» в розничную торговлю товаром, «колбасные поезда», закупки впрок, блат, сложные бартерные операции — лишь немногие приметы потребительского поведения в условиях дефицита» [2, с. 62].

Однако нельзя не отметить и то, что плановая экономика, основанная также и на распределительном принципе потребления, до середины 1970-х гг. обеспечивала минимальный уровень базовых товаров и услуг, снимая резкие социальные противоречия советского общества, не доводя его до маргинализации. В частности, сравнивая потребительские корзины 2009 и 1989 гг. (закат советской системы), следует отметить, что советский вариант является более социально защищенным: в перечне продуктов указывались виды мяса (в потребительской корзине 2009 г. в среднем 35 кг *мясопродуктов* в год в среднем на одного человека), в графе «Услуги» предусматривались расходы в денежном эквиваленте на цветы, кино, концерты, отдых, подарки, поездку в отпуск (потребительская корзина 2009 г. отводит на данные расходы 15% от объема потребления в среднем на одного человека без указания конкретных предметов потребления) [17]. Справедливости ради заметим, что большинство товаров и услуг советскому человеку приходилось «доставать», однако своеобразное «потребительское равенство» среди большинства членов советского общества, несомненно, существовало. А бесплатность или символическая стоимость многих видов социально важных услуг (здравоохранение, все уровни образования, детский отдых, санаторно-курортное лечение, обеспечение жильем и пр.) были символом социальной политики государства. «Великая идея» социализма заключалась в том, что со временем перечень практически бесплатных товаров и услуг будет расширяться и сможет охватить весь спектр потребностей людей, т. е. осуществится переход от принципа «каждому по труду» к принципу «каждому по потребностям».

Учитывая, что источником институциональных изменений является социальная активность масс, Б. С. Галдарев и Ж. М. Цинман замечают, что «перестройку, которая привела к распаду СССР и началу рыночных реформ, следует определять, прежде всего, как экономическую, а не политическую трансформацию. Косвенным подтверждением этого тезиса может служить резкий спад политической активности населения, который произошел после первой стабилизации рыночной экономики. Колбаса в магазинах не просто отодвинула в прошлое «колбасные» поезда, она примирила население с многочисленными политическими кризисами ельцинской России» [2, с. 64].

Переход России к рыночным институтам полон драматических последствий, самым тяжелым из них стало резкое расслоение социума на бедных и богатых. По различным данным, разрыв между доходами 10% самых бедных

и 10% самых богатых россиян колеблется от 14 до 24 раз. Если к моменту распада Советского Союза доля бедных составляла около 18%, то на пороге третьего тысячелетия в России 30-35% семей оказались за чертой бедности, еще около 25% семей — на грани этой черты. Сформировалась специфическая культура бедности, воспроизводящаяся в молодых поколениях [15, с. 385-398].

Как показывает исследование Н. В. Дулиной [3] экономического благополучия жителей Волгограда, в 2002 г. четверть волгоградцев располагала доходами, не превышающими прожиточный минимум, а 10% жителей получали около трети всех доходов жителей города, что, несомненно, сказалось на потребностях населения и статьях расходов семьи: 42% своего бюджета средняя семья тратила на продукты питания, вторая статья — коммунальные расходы (21%), на одежду и обувь уходило 12% бюджета семьи, 6,5% — на лечение и медикаменты. Остальные товары и услуги не занимали в бюджете семьи более 3%. Все это свидетельствует о низком уровне жизни и ограниченности потребления большинства волгоградцев на рубеже третьего тысячелетия.

Товарное изобилие дает возможность сегодня не заботиться о завтрашнем дне, однако, как показывает исследование потребительского поведения волгоградцев, устойчивые привычки жить впрок, экономно не исчезли и сегодня. Кризис 2008-2009 гг., согласно официальным источникам администрации Волгограда, меньше всего сказался на потребительском рынке: в 2009 г. на 27% вырос объем услуг по ремонту и пошиву обуви, на 22,9% — по ремонту и строительству жилья и других сооружений, на 15,7% — по ремонту и изготовлению мебели, на 7,1% — по ремонту и техобслуживанию автотранспортных средств [14]. Однако рост объемов реализации указанных бытовых услуг вызван в первую очередь необходимостью экономить на приобретении новых товаров, а также ростом стоимости товаров и услуг.

Противоречивая динамика российских изменений в социально-экономической сфере в последние десятилетия инициирует постановку проблемы оправданности демонтажа советской плановой экономики, коренных изменений в общественной и культурной жизни страны. Однозначного ответа на этот вопрос в науке нет. Ряд социологов, политологов и экономистов полагают, что смена планово-распределительной системы на рыночные механизмы в России прошла успешно, сегодня страна постепенно преодолевает негативные последствия прошлого и со временем может стать полноправным членом в сообществе высокоразвитых стран. Подобные взгляды свойственны либеральным исследователям. В то же время другие исследователи трансформационных процессов в России не столь оптимистичны в своих прогнозах, считая рыночные отношения и демократизацию общественных отношений не более чем имитацией (Т. И. Заславская, Ю. А. Левада): это не тот рынок и не та демократия, о которой было заявлено. В связи с этим под внешними изменениями скрываются прежние социальные практики, которые еще будут доминиро-

вать в российском обществе [12, с. 9]. Не случайно в Послании Федеральному Собранию (2009 г.) Президента России Д. А. Медведева преодоление отставания страны, примитивного сырьевого вида хозяйствования, развитие демократических свобод и обеспечение достойной жизни населения во всех ее проявлениях названы самыми актуальными задачами развития страны и в настоящее время. «Отечественная экономика должна наконец переориентироваться на реальные потребности людей» [6], — отметил Президент.

Существуют и диаметрально противоположные точки зрения на природу прошедших социально-экономических изменений. С одной стороны, либеральные изменения привели страну к катастрофе, к деградации, к разрушению всех основ жизни народа [5, с. 57]. С другой стороны, реформы были необходимы, но переход России к рыночным механизмам и демократическим основам так и не произошел (Ю. Феофанов, Б. Радоман), следовательно, сущность социетальной системы нашей страны осталась прежней.

О.Э. Бессонова [1] и С. Г. Кирдина [9] считают, что Россия в принципе не может стать страной демократии и рыночной экономики в западном понимании этих процессов, поскольку ей присуща принципиально иная институциональная матрица и произвольно изменить ее невозможно. По мнению исследователей, общество не может произвольно изменить социетальный генотип на противоположный, так как подобные смены происходят очень редко, чаще всего в результате внешних воздействий. Институциональная матрица любой страны складывается в результате исторического развития, поэтому для ее изменения требуется новый виток эволюционных преобразований, который займет неизмеримо много времени. Причем и О.Э. Бессонова, и С. Г. Кирдина утверждают, что любой исторически сложившийся тип матрицы может быть жизнеспособным и полнокровным. Так, с позиции «теории раздаточной экономики» О.Э. Бессонова считает, что хотя реформы в России были необходимы, но они должны были быть направлены не в сторону разрушения сложившегося типа общества (дистрибутивная экономика с высокой регулирующей ролью государства), а в сторону модернизации и повышения эффективности социально-экономических отношений в рамках сложившегося генотипа. Возможно, тогда бы страна не столкнулась со столь драматическим сценарием своего развития.

Согласно теории институциональных матриц С. Г. Кирдиной, современные общества делятся на два типа — X и Y. Стран X-матрицы (к ним относятся и Россия, и многие восточные страны, страны Латинской Америки) характеризуются раздаточным характером экономики, сильным центром, коммуитарной идеологией. Страны Y-матрицы (например, США, многие страны Западной Европы), напротив, сочетают в себе экономические институты рынка, институты федерации (построение общества снизу вверх) и идеологию доминирования Я над Мы. «Институциональная X- или Y-матрица со-

держит в себе генетическую информацию, обеспечивающую воспроизводство обществ соответствующего типа» [8]. В связи с тем, что в результате реформ в конце XX в. в России на вооружение были взяты признаки теории, заимствованные у западных стран, законы самоорганизации институциональной структуры в условиях коммунальной материально-технической среды были нарушены, а заимствованные элементы частью отвергнуты как неадекватные и социально неприемлемые для X-матрицы. В результате «управленческие воздействия и решения вступали с ними в противоречие, социальное напряжение возрастало, а хозяйство развивалось неоптимально» [8]. С. Г. Кирдина приходит к выводу, что «эволюционная модернизация современной переходной экономики России означает развитие присущего ей институционального порядка. Такая модернизация предполагает, что практикой найдены (и этот поиск активно продолжается) новые формы выражения характерных для институциональной X-матрицы Российского государства экономических механизмов. Институты редиистрибуции сохраняют и упрочивают свое лидирующее положение, при этом они «оплодотворяются» практикой рыночного реформирования. Элементы рынка репликативно дополняют российскую редиистрибутивную экономику» [8].

Активнее всего механизмы рыночной экономики проявляются в сферах торговли, общественного питания, индустрии гостеприимства, а также ремонта и обслуживания, т.е. в сфере услуг. Так как «хлеб и зрелища» всегда дозировано предоставлялись советскому потребителю, результаты рыночных нововведений в виде насыщения рынка всевозможной потребительской продукцией многими гражданами России оцениваются как несомненное достижение последних лет реформ. В то же время трансформация социальных и экономических отношений порождает своеобразную «разорванность сознания» (И. Г. Яковенко). Современное российское общество гетерогенно по своей сути: с одной стороны, в течение последних десятилетий сформировался слой адаптированных к современным условиям граждан (высокомодернизированные группы); с другой стороны, в социуме сохранился довольно многочисленный слой, пронизанный традиционными моментами и положенностями. «Растущий сегмент выброшенных из жизни, дезадаптантов, наглядно свидетельствует о том, что снятие политики государственного патернализма и «подмораживания» России оборачивается выделением широкого слоя «бывших» людей. Это не что иное, как неизбежная плата за динамику» [19, с. 28].

Подобная «разорванность культурного сознания» проявляется прежде всего в бытовых практиках акторов, в частности в потребительском поведении. Парадоксален тот факт, что россияне, в большинстве своем не самые обеспеченные люди в мире, умеют «жить красиво», «гулять на последние»; российскому потребителю не присуща привычка экономить, к примеру, на ресурсах — электроэнергии, воде, газе. С. Кара-Мурза в своей книге «Советская

цивилизация» описывает удивительный случай, когда, экономя на копеечных спичках, советский человек оставлял горящими на всю ночь газовые горелки [7]. Безграничный доступ к природным ресурсам запускает тотальную трансформацию потребительского сознания россиян: отсутствие привычки экономить становится и сегодня препятствием для установки счетчиков воды, газа, тепла в домах современных россиян. Коммунальные услуги дорожают, приближаясь к рыночной стоимости, однако у большинства наших сограждан даже не возникает желания учесть свое потребление природных ресурсов, при этом ростом цен недовольны все. Расточительность на фоне бедности — одна из черт российского образа жизни, сказывающаяся и на потребительском поведении, складывалась многие годы российской истории.

С одной стороны, потребности советского человека определялись функциональностью: бедность потребительского рынка заставляла человека приобретать товар надолго, учитывая его функциональные качества. «Знак качества», которым маркировались лучшие товары, гарантировали его функциональные свойства на долгие годы. В этом отношении потребительское поведение многих граждан не отличалось многообразием. С другой стороны, уже в советском обществе сформировалась социальная группа, ориентированная на символическое потребление — номенклатура, работники торговли, имеющие свободный доступ к товарам и услугам «не для всех». Отличительной чертой подобного потребления становится стремление утвердить свой социальный статус, идентифицировать себя с отдельной группой «избранных», «имущих», «допущенных». Обладание ограниченными, а порой и недоступными товарами и услугами сформировало в сознании советских людей убеждение, что подобное возможно лишь в результате неправового поведения, нарушения законов, блага. Этим объясняется и то, что современные россияне, бывшие советские люди, с настороженностью относятся к богатству других, считая, что оно может быть добыто только несправедливым путем. Памятные события «прихвистации» 1990-х гг. только упрочивают подобные убеждения. Более того, российская ментальность складывалась веками и основывалась на отрицании богатства, алогизме, нерасчетливости. Герои русских сказок, былин и православных летописей (Иванушка-дурачок, Емеля, русские богатыри, юродивые), персонажи Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, Н. А. Некрасова, М. Горького сформировали культурную традицию расточительности, свободы от материальных ценностей, праведной бедности, когда спасение души выше материального благополучия, социальной ответственности. Стремление к богатству всегда осуждалось в российском сознании, ценились блага, дарованные государем, обществом. «Цивилизационная особенность российского общества усугубляется вкладом в нашу историю советского ее периода, главные и наиболее инерционные следы которого, сохраняющие свое влияние, — это патерналистские чаяния людей, сила коллективизма (прежде — общинности) и неприятие выраженного индивидуализма, приоритетная ценность со-

циальной справедливости и презрительно-завистливое отношение к «новым русским». Вместе с тем вековая история и семидесятилетие после октября 1917 года сформировали мощный слой населения, уповающего на судьбу, живущего по принципу «как повезет» и психологически самоопределяющихся в социальном мире по формуле «я — простой человек», «от меня мало что (ничего не) зависит» [18], — отмечает и В. А. Ядов.

Переход к рынку заставил бывшего советского человека самостоятельно заботиться о своем благополучии, искать новые пути для удовлетворения своих потребностей. Крах государственной распределительной системы и неспособность большинства граждан России быть конкурентоспособным рынке труда (а значит, и получать достойную заработную плату) привели к возвышению базовых потребностей, обеспечивающих нормальную жизнедеятельность человека. Широкие возможности банковского кредитования позволили россиянам отказаться от потребительской практики накопления в пользу потребления в долг. В частности, Центробанк РФ в 2005-2006 гг. отметил превышение роста потребительских расходов над темпами роста доходов: в 2005 г. доходы населения выросли на 8,8%, а потребительские расходы — на 10,7%. Сократились и сбережения граждан: в 2005 г. по сравнению с 2004 г. доходы сократились на 1,5% [6].

В последние годы наметилась некоторая стабилизация как в общественно-политической, так и в экономической сфере жизни российского общества. Несомненно, экономический кризис 2008-2009 гг. подкорректировал некоторые положительные сдвиги, однако, как уже отмечалось, он меньше всего сказался на потребительском рынке. Социальное расслоение сохраняется и в потреблении: активизируется процесс сопоставления гражданами своего уровня жизни с уровнем потребления. Согласно исследованию, проведенному Волгоградским центром «Аналитик» в июле 2009 г., 13% волгоградцев декларируют стратегию сбережения (сначала откладываем, потом тратим), в то же время в группе обеспеченных граждан подобных ответов 23%, среди тех, кто имеет вклады в банках, — 21%, среди имеющих непогашенные кредиты — 10% [16]. Несмотря на некоторую стабилизацию значений большинства показателей социального самочувствия волгоградцев, индексы покупательской активности остаются противоречивыми.

Библиографический список

1. *Бессонова О.Э.* Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1999.
2. *Гладарев Б., Цинман Ж.* Потребительские стратегии петербургского среднего класса: из экономики дефицита к новому быту // *Экономическая социология.* 2007. Т. 8, № 3.

3. *Дулина Н. В.* Город в трансформирующемся обществе: методология и практика исследования/под общ. ред. проф. З. Т. Голенковой. Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006.
4. *Заславская Т. И.* Современное российское общество: Социальный механизм трансформации: учеб. пособие. М.: Дело, 2004.
5. *Зиновьев А. А.* Посткоммунистическая Россия: 1991-1995 гг. М.: Республика, 1996.
6. *Каледина А.* Россияне потребляют сверх меры // Финансовые известия. 2006. 2марта. URL: www.izvestia.ru
7. *Кара-Мурза С. Г.* Советская цивилизация. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002.
8. *Кирдина С. Г.* Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация. URL: <http://kirdina.ru/public/31okto04-01/index.shtml>
9. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001.
10. *Лапин Н. И., Беляев А. А.* Кризисный социум. Наше общество в трех измерениях. М.: ИФ РАН, 1994.
11. *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006.
12. *Левада Ю. А.* Рамки и варианты исторического выбора: несколько соображений о ходе российской трансформации // Экономические и социальные перемены в России: мониторинг общественного мнения. 2003. № 1.
13. *Медведев Д. А.* Послание Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979>
14. Официальный информационно-справочный портал Волгограда <http://www.volgadmin.ru>
15. *Тапилина В. С.* Социально-экономические неравенства: причины богатства и бедности // Социальная траектория реформируемой России. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1999.
16. Финансовое поведение и финансовая грамотность жителей Волгограда: аналитический отчет по результатам исследовательского проекта «Волгоградский Омнибус» — 9/07. Волгоград, 14 сентября 2009 г.
17. Электронный ресурс. URL: http://shkolazhizni.ru/img/continent/i73/73365_or.jpg
18. *Ядов В. А.* Россия как трансформирующееся общество: резюме многолетней дискуссии социологов // Альманах «Восток». № 103. URL: http://www.situation.ru/app/j_artp_499.htm
19. *Яковенко И. Г.* Риски социальной трансформации российского общества: культурологический аспект. М.: Прогресс-Традиция, 2006.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ПРЕДМЕТ И ПРОБЛЕМЫ В ПЕРСПЕКТИВЕ СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА

.....

А. Н. Кимберг¹

Рост интереса к психологии безопасности привлекает внимание к ее предмету. Безопасность традиционно понимается как отсутствие недопустимого риска, риск же основан на модели ущерба. Можно рассматривать ущерб как снижение ресурсности личности в любой области, представляющей для неё значимость. Примерами нематериальных версий ущерба выступают нарушения или повреждения, наносимые системе социально-экономических связей и отношений человека, экзистенциальным ценностям индивида, личному психологическому пространству, правовым нормам взаимодействия людей. Проблему психологической безопасности личности целесообразно рассматривать в связи с конструктом субъективного благополучия личности и переживания ею своего будущего.

Ключевые слова: психология безопасности, психологическая безопасность, ресурсы, риск, субъектность, субъективное благополучие личности, ущерб.

The growth of interest in the security psychology draws attention to its subject. The security has been understood traditionally as the absence of unacceptable risk, the risk is based on the model of damage. We could consider the harm is reduction of person resource in any area concerning significance to personality. Examples of «intangible» versions of harm acted a violations or damages have been done to the socio-economic relations and human relations, existential values of the individual, personal psychological space, the legal norms of human interaction. The psychological security problem of human is worthwhile to consider in connection with the construct of subjective well-being of the individual and the experience of her future.

Key words: psychology of security, psychological security, resources, risk, subjectivity, subjective well-being of individual damage.

В постепенно занимающей первое место среди системных вызовов человечеству проблеме безопасности психологи, несомненно, найдут свое место. Специалистов общего профиля по безопасности пока что мало, а методологи-

---

¹ Кимберг Александр Николаевич – кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления Кубанского государственного университета. Эл. почта: akimberg@gmail.com

ческая подготовка психолога позволяет ему претендовать на широкое участие в проблемном поле.

Речь далее пойдет о психологии безопасности — возможной отрасли психологического знания, которая, с одной стороны, для профессионального сообщества нова и только начинает складываться, а с другой — уже имеет давнюю традицию, в частности, в рамках психологии труда. Специалисты, занимающиеся психологическими аспектами безопасности труда, имеют своим предметом «психические процессы, состояния, свойства личности, психологические характеристики трудовых коллективов и организаций, позволяющие избегать, предупреждать, преодолевать опасные ситуации (например, аварийную ситуацию) или, напротив, провоцировать их через ошибки в труде» [7, с. 12].

Мы предлагаем расширить предмет интереса исследователей, добавив к традиционным социотехническим системам и культурные системы (такие, например, как правовые нормы и управленческие процедуры), а также экологию (в широком ее прочтении) как организацию среды обитания человека — физической, социальной и символической. Суть дела такова: в каждой области активности человека есть риски, обусловленные как объективными, так и субъективными факторами, характер влияния и состав этих факторов может быть изучен, а риски минимизированы.

Субъективный фактор традиционно прочитывается как «фактор, связанный с человеком», причем с негативной коннотацией источника ошибок и погрешностей. Это понимание ограничивает возможности теоретической работы в проблемной области, в связи с чем представляется предпочтительным далее использовать термин «субъектный фактор», как указание на факторы, связанные с субъектом рассматриваемой активности.

В различных областях социальной активности характер субъектного фактора может быть особым. В наиболее обобщенном виде он описывается через некоторые специфические для области особенности решения когнитивных задач либо характерные для нее мотивационные комплексы и конфликты мотивов, причем они вполне определенно привязаны к предметным и процессуальным аспектам деятельности в этой области.

Однако к специфике областей вернемся позже. Пока зафиксируем то, что психология безопасности специфична по областям человеческой активности, и вряд ли имеет смысл подходить с одной моделью к психологии безопасности дорожного движения и психологии безопасности курортного отдыха: для них гораздо важнее специфичные для каждой области связи особенностей работы психологических регулятивных образований индивида. Но при этом методология построения частных теории должна быть одна, и некоторые ее аспекты мы попытаемся обсудить далее.

Несколько базовых теоретических моделей, на наш взгляд, составляют основу для работы в этом проблемном поле.

Во-первых, психология безопасности не может быть построена вне привязки к общей теории безопасности. Это предполагает, что мы должны выполнить анализ ее центральных понятий — концептов риска и ущерба.

Во-вторых, проблема безопасности и ее психологических аспектов производна от общей проблемы активности субъекта и, следовательно, опирается на теорию субъекта, действующего в мире, в частности, на представления о том, что есть то, что не должно исчезнуть в потоке бытия.

В-третьих, нам необходима теория субъективного, предлагающая некое решение проблемы связи и взаимодействия психологических и непсихологических факторов жизни человека, в том числе и та ее ветвь, что концептуализируется как теория субъективного благополучия личности.

Рассмотрим, какие проблемы требуют решения в каждом из этих теоретических полей с тем, чтобы возникло новое пространство для моделирования конструкторов психологии безопасности.

В нормативных документах безопасность конвенционально понимается как отсутствие недопустимого риска. Риск же определяется через сочетание двух факторов: тяжести ущерба и вероятности его нанесения [1]. Психологические, системные и социальные аспекты риска рассматриваются исследователями (публикации по этой тематике доступны читателю, см., например, тексты Э. Гидденса [4] или Т. В. Корниловой [9]), но концептуальную модель риска еще нельзя считать принятой на том уровне общественного сознания, который А. Шюц называл несомненным или «наличным» знанием (knowledge at hand) [14]. Дальнейшая концептуализация феномена риска и его обсуждение представляются в этой связи полезными и даже необходимыми.

По сути, определение риска держится на конструкте ущерба. Однако принятое определение ущерба — «нанесение физического повреждения или другого вреда здоровью людей, или вреда имуществу или окружающей среде» [1] — не выдерживает критики психолога. Судя по приведенному определению, ущерб кажется авторам настолько очевидной посылкой, что она ускользает от теоретического рассмотрения. Но, как писал Пьер Бурдьё, в трудные времена следует быть готовым ставить под вопрос очевидные вещи².

При анализе приведенных определений мы видим следующее: а) вред и ущерб работают практически как синонимы; б) они применяются к уже про-

---

² Интервью Пьера Бурдьё с А. Хоннет, Х. Косиба и Б. Швибсом, данное в Париже в апреле 1985 г.:

«— Вы часто цитируете Витгенштейна. Почему?»

— Несомненно, Витгенштейн — это философ, который был мне наиболее полезен в трудные минуты. Это просто спаситель во времена интеллектуального бедствия, когда нужно поставить вопрос о таких достаточно очевидных вещах, как «подчинение правилу». Или когда нужно сказать вещи достаточно простые (и в то же время почти непроговоренные), как, например, «практиковать практику» [2].

изошедшему и состоявшемуся событию; в) их применение относится главным образом к физическому миру (здоровье, имущество, среда). Недостаточность этих определений в том, что они *игнорируют* время, а именно *будущее*, не *оценивают должное*, т. е. то объективное и субъективное состояние, статус и т. п. субъекта, нарушение которого рассматривается как ущерб, и *не дифференцируют субъектов*, переживающих/терпящих ущерб.

Можно сказать, что понятие вреда определено текущим соглашением общества о том, что будет считаться таковым. Вред, таким образом, *субъектен* (т. е. отнесен к субъекту)³, *субъективен* (определяется представлениями субъекта о его целях и его будущем) и при этом также *культурно-исторически определен*. Следовательно, как социальный конструкт он может и должен периодически подвергаться переопределению.

Рассмотрим ряд проблем этой модели, требующих решения. Первая из них — проблема субъекта ущерба. Ущерб всегда наносится кому-то, а этот кто-то относится к социальной группе, интересы которой признаются в данный момент легитимными и значимыми для общества или же ничтожными. Итак, психологию безопасности кого мы собираемся разрабатывать? Волков, зайцев или Красной Шапочки?

Уровень допустимого риска также может различаться применительно к разным социальным группам. Интрига заключается здесь в том, что нормируют (определяют допустимый для населения уровень) риск эксперты, которые (как и функционеры власти) живут на ином уровне безопасности. Публичное же обсуждение заинтересованными лицами допустимых и недопустимых рисков пока не принято так широко, как это было бы необходимо. Ущерб, таким образом, выступает как социальный конструкт, определенно привязанный к дискурсу доминирующей в обществе группы и требующий постоянной общественной дискуссии.

Следующая проблема касается *определения содержания* ущерба. Нас не удовлетворяет в действующем нормативом определении ущерба/вреда то, что оно игнорирует многие важнейшие социальные, психологические и социально-психологические аспекты жизни человека и фактически совершенно не затрагивает *психологической безопасности личности*.

---

³ Традиционное гносеологическое противопоставление «субъект–объект» в реляционном подходе сменяется пониманием единства и взаимообусловленности пары, связанной отношением. Ущерб как феномен зависит от субъекта (его принятия произошедшего в качестве ущерба) в той же мере, что и от произведших действие внешних для него («объективных») сил. Даже такое предельное событие, как смерть, является ущербом только по произвольной оценке самого субъекта. С теоретической непроработанностью этой проблемы связана, например, дискуссия о праве на эвтаназию.

Поэтому для нас человек в ситуации возможного или актуального ущерба выступает как *субъект отношения ущерба* так же, как истец (потерпевший ущерб) в правовом процессе является его стороной (субъектом), но не объектом.

Мы полагаем разумным распространить понятие ущерба на все аспекты жизни человека, представляющие для него ценность, а не ограничивать их простейшими представлениями о физической трудоспособности и материальном и финансовом имуществе. Ухудшение репутации, ограничение возможностей для развития и т. п., т. е. в широком смысле *снижение ресурсности личности*, понимаемое в терминах различных видов капитала: социального капитала (родственные и дружеские связи, членство в группах, клубах и ассоциациях [18; 19; 20; 26]), человеческого капитала (социально вознаграждаемые способности или компетенции [16]), культурного капитала (социальный статус семьи, освоенные речевые паттерны, тезаурус в области текстов культуры [17]), капитала идентичности (такие интрапсихические характеристики, как самооценка, жизненная цель, сила Эго, интернальный локус контроля и некоторые уникальные навыки или таланты, которыми обладает индивид [21; 22]), информационного капитала (позиция в системе информационных потоков общества или группы и специальные навыки и умения по созданию информационных моделей), представляют собой ничуть не менее реальные виды ущерба.

Обсудим подробнее феномен психологической безопасности личности. Прежде всего, речь пойдет о том, что ущерб, на котором строится вся модель безопасности, здесь имеет психологический характер. Он не так отчетливо материален, как в теории страхования рисков: летальный исход или третья группа нетрудоспособности, или легкие телесные повреждения, или повреждения автомобиля, требующие ремонтно-восстановительных работ на сумму 40 тыс. р. Ущерб здесь относится в первую очередь к субъективному миру человека, однако он имеет право на существование, может быть, даже и больше, чем остальные виды ущерба. Отметим, что мы здесь переходим в сферу весьма тонких материй: это ущерб, наносимый субъективному благополучию личности (в англоязычных текстах — *subjective well-being*, или SWB). Субъективное благополучие личности определяется авторами различно, но основные составляющие более или менее едины: отсутствие негативных переживаний на фоне в целом позитивно окрашенного эмоционального переживания континуума «настоящее — будущее» [13; 23; 24]. Какие факторы способны нарушить субъективное благополучие личности?

Мы не стали бы сводить проблему ущерба субъективному благополучию к нарушению целостности личности и ощущению ею аутентичности бытия. Это было бы очень частным и поэтому слабым решением. Подобные невротические состояния личности могут сигнализировать о проблеме, но не указывают на точки и механизмы нарушения безопасности личности. Между тем именно последние представляют для нас основной практический интерес. Итак, обратимся к возможным проблемным зонам.

Это прежде всего нарушения выстроенного личностью «жизненного мира», относительно поработанные в теории приватности (*privacy*) или психологического пространства личности (С. К. Нартова-Бочавер [10], А. А. Бурмистрова-

Савинкова [3]), но также возникающие и при нарушениях культурной или информационно-экологической (визуальной, звуковой и др.) среды человека.

Это нарушения (или угроза нарушения) социально-экономических связей и отношений человека. Широкий спектр феноменов, связанных с переживанием человеком угроз своему социально-экономическому статусу и поиском им адаптивных механизмов, представлен, в частности, в исследованиях А. Н. Дёмина [5; 6]. Он предлагает для обсуждения оригинальную теоретическую модель, эвристичную в перспективе субъектного подхода к психологической безопасности личности. Речь идет о границе преобразовательной активности субъекта. Граница — это предел, за которым происходят качественные изменения в системе. Предлагается выделить две соотносимые друг с другом границы: *предел терпения*, «до которого человек может и готов терпеть давление, изменения и даже разрушения себя и своего окружения», и *предел полагания* себя в будущее и мир, т.е. предел возможного в текущей ситуации для преобразовательной активности субъекта [6, с. 114].

Обе эти характеристики, на наш взгляд, могут быть успешно использованы и в операционализации концепта субъектности как таковой, ибо что есть субъектность, как не мера преобразующей активности человека. Субъектность как особое отношение человека к миру может быть понята как способ участия или включенности индивида в тот или иной процесс человеческого бытия [8]. Введение представления о границах/пределах возможного участия человека в том или ином социальном или жизненном процессе и *угрозах* этому *участию* существенно прояснит и теоретические модели, работающие в проблемном поле психологической безопасности личности.

Это также ущерб, наносимый культурным и личностным ценностям человека, возникающий в ситуациях намеренной их дискредитации. Несмотря на слабую проработанность концепции морального ущерба в правоведении, сам принцип наличия морального ущерба признается всеми. Стало быть, мы имеем прецедент для обоснования правомерности психологического ущерба, который должен быть концептуализирован более подробно. То, что эта концептуализация уже запаздывает, демонстрирует происходившая в 2005-2006 гг. история с опубликованными в датской газете Jyllands-Posten карикатурами на пророка Мухаммеда. Волна протестов мусульман — вплоть до штурмов посольств Дании и Норвегии в Джакарте, Дамаске и Бейруте и угроз терактов по всему миру — ставит вопрос о том, что же фактически произошло. Какая именно часть субъективного мира огромного числа людей была подвергнута угрозе и как это могло быть сделано? Как символическое действие, выполненное на огромном физическом удалении от субъектов, может так нарушить их нормальную жизнь? Что операционально означает «оскорбление чувств», «удар по духовным ценностям», «разжигание межконфессиональной розни» и т. д.? Если рассматривать только психологическую фактологию, то все эти события выглядят так:

а) некто высказывает сомнение в истинности предельных ценностей субъекта или даже объявляет их ничтожными или унижительными;

б) субъект находит себя стоящим перед вызовом превращения своих базовых ценностей в сомнительные и ненадежные жизненные ориентиры и тем самым потенциальной утраты смысла существования своей общности;

в) субъективный мир субъекта (это не тавтология!) оказывается под угрозой травмирующего воздействия экзистенциального уровня.

Возникшая угроза по уровню опасности сопоставима с угрозой жизни в биологическом ряду значимостей. Хорошую формулу этой ситуации мы находим у Уистана Одена в «Щите Ахилла»: «...они потеряли свою гордость и умерли прежде, чем умерли их тела» [15].

Это ущерб, наносимый нормам и правилам взаимодействия, правам и свободам человека, установленным цивилизованным обществом. Наблюдаемое субъектом нарушение прав человека, даже не затрагивающее его непосредственно, неизбежно наносит ущерб его субъективному благополучию, маркируя самого наблюдателя как потенциальный объект коррупции, произвола власти, домогательств, преступлений против личности и т.п. Закономерное превращение наблюдателя в жертву убедительно отображено в известном тексте пастора Мартина Нимёллера, видного церковного деятеля Германии, бывшего узника Дахау: «Когда нацисты пришли за коммунистами, я молчал, я ведь не был коммунистом. Когда они сажали социал-демократов, я молчал, я ведь не был социал-демократом. Когда они пришли за членами профсоюза, я не протестовал, я ведь не был членом профсоюза. Когда они пришли за евреями, я молчал, я ведь не был евреем. Когда пришли за мной, не осталось никого, кто мог бы протестовать» [25].

Итак, мы уже выяснили, что традиционное применение конструктов риска и ущерба должно быть проблематизировано. Риск обычно определяется через а) *вероятность* нанесения конкретному субъекту ущерба и б) *ожидаемую его тяжесть*. Но не может ли и сам риск быть фактором причинения определенного вида ущерба? Иными словами, наносит ли человеку ущерб переживание вероятности ущерба? Несомненно, наносит. Терроризм принципиально основан на создании атмосферы страха и неустранимой угрозы, висящей над каждым членом общества. Террористы предлагают обществу к обмену единственный товар, который они способны предложить, — временное избавление от угрозы лично значимого ущерба.

Мы утверждаем, таким образом, что увеличение вероятности ущерба выше некоего нормативного уровня должно рассматриваться как нарушение безопасности человека. В практике правоприменения она частично уже и рассматривается таким образом, но сам названный выше принцип еще не зафиксирован с должной отчетливостью в общественном сознании.

Пьяный водитель наказывается, хотя он еще никого не убил. Производитель продуктов питания штрафуются за нарушение санитарных норм, хотя он еще никого не отравил. За нарушение правил пожарной безопасности тоже можно наказать владельца здания еще до пожара. Но остальные субъекты, нарушающие мою безопасность (увеличивающие мои риски в будущем), пока оказываются вне должной оценки их действий, как моральной, так и правовой. Стертая разметка и ямы на проезжей части, некачественное образование, представители закона, позволяющие создавать финансовые пирамиды, создатели фильмов, героизирующих бандитов или преступающих закон милиционеров, ограничение доступа к информации и очевидно ошибочные решения руководителей наносят мне ущерб (или повышают его вероятность в будущем, что в принципе одно и то же).

Повышение вероятности ущерба уже есть ущерб как таковой. Мы фактически вслед за Э. Гидденсом утверждаем, что концепция безопасности должна основываться на понимании того, что мы способны и должны осуществлять контроль за будущим. ««Открытость» еще не произошедших событий отражает податливость социального мира и способность людей формировать физическую среду своего существования» [4]. Освоение («колонизация», по Гидденсу) будущего начинается с его концептуализации. Те направления концептуальной и практической работы, которые приводит Гидденс, выглядят так: 1) создание зон безопасности для индивида, в которых снижены риски для его жизни; 2) оформление институционально ограниченной среды риска; 3) освоение общественным сознанием модели контроля риска; 4) изучение феноменов глобальных абстрактных систем для предсказания возможных критических точек. В течение последнего столетия цивилизация серьезно продвинулась в обеспечении безопасности жизни, но вместе с достижениями появляются новые риски. Собственно задача человечества и состоит в том, чтобы успевать выявлять их и предотвращать до момента, когда возможность нежелательного события вплотную приблизится к его действительности. Требуется «профилирование риска — анализ распределения риска в данной среде деятельности при текущем состоянии дел и знаний» [4].

Основная методологическая проблема в работе с конструктом психологической безопасности личности — это понимание диалектики соотношения объективной и субъективной безопасности, иными словами, различия и сходства между благодеянием олигофрена, информированным «мужеством быть» [12] и невротическим страхом утратить себя, выполняя нормативные правила и процедуры социального взаимодействия. Двойственность статусов безопасности создает напряженное проблемное поле, с одной стороны, чреватое роковыми методологическими ошибками, а с другой стороны, открывающее пространства для невероятно захватывающих манипуляций. Так, последняя кампания США против Ирака была полностью основана на эффективной ма-

нипуляции будущими угрозами: одобрение военного вмешательства собственным народом было достигнуто культивированием страхов перед иракским оружием массового поражения и выращиванием у граждан Америки угрозы их субъективному благополучию; вооруженные силы Ирака были сломлены искусным нагнетанием чувства безнадежности сопротивления в течение длительного периода ожидания вторжения.

Повторим еще раз основные утверждения нашего текста.

Безопасность есть объективный феномен, соотнесенный с будущим, по крайней мере, настолько объективный, насколько объективным мы считаем будущее. Как минимум, оно наступит, и часть последствий сегодняшней ситуации (в том числе и риски, создаваемые нашими собственными действиями) мы можем предсказать.

Психология безопасности (исследования субъективного фактора безопасности) может ставить ряд очень важных вопросов и в меру своих концептуальных средств, пытаться ответить на них: 1) почему вероятности определенных событий просчитываются людьми вообще и конкретными людьми плохо; 2) почему вероятности некоторых событий люди не хотят учитывать; 3) почему некоторые должностные лица не выполняют своих обязанностей по просчитыванию вероятностей и организации будущего; 4) как происходит борьба интересов в пространстве будущего и в каких манипуляциях обществом она реализуется; 5) каковы механизмы более адекватного прогнозирования и построения лучшего для всех совместного будущего?

Психологическая безопасность личности основывается на конструкте субъективного благополучия и имеет дело с факторами, угрожающими благополучию человека. При этом имеется в виду не только физическое, но и символическое субъективно сконструированное пространство личности («жизненный мир»), а также общее устройство мира, в котором живет человек. Переживание вероятных угроз выступает как актуальный ущерб субъективному благополучию личности. Применительно к психологической безопасности личности возможна следующая группа исследовательских вопросов: 1) как изменения субъективной вероятности событий влияют на объективную (точнее — на реализующуюся) их вероятность; 2) чем для исследователя является феномен субъективно переживаемой угрозы: психологическим состоянием, предполагающим терапию, или таким отображением объективной ситуации, которое требует от человека формирования адекватных индивидуальных стратегий действия либо коллективной политической активности по защите своих интересов; 3) каков оптимум субъективной безопасности личности и оптимум мобилизации личности в ответ на вызовы мира? Понятно, что это далеко не полная группа исследовательских вопросов, но нахождение приемлемых ответов на них могло бы нас существенно продвинуть в сравнении с той точкой, в которой мы сегодня находимся.

При проработке теоретических моделей психологии безопасности и психологической безопасности личности мы также должны будем установить концептуальные связи с конструктами ответственности и доверия. С одной стороны, если будущее можно и должно предвидеть, чтобы избежать ущерба в нем, то моя безопасность связана с ответственностью тех, кто этот ущерб должен был (нормативно) предвидеть, в том числе (а может быть, и прежде всего) меня самого. С другой стороны, я испытываю состояние субъективного благополучия тогда, когда доверяю миру и уверен в своей способности отвечать на его события [11].

Доверие же людей к миру и друг к другу — это результат постоянно идущей ответственной работы по созданию безопасного мира, продукт, который трудно создается, но легко разрушается.

Библиографический список

1. Аспекты безопасности. Правила включения в стандарты. ГОСТ Р51898–2002. М., 2003.
2. *Бурдые П.* Fieldwork philosophy/Начала. Choses dites/пер. с фр. Н.А. Шматко М.: Socio-Logos, 1994.
3. *Бурмистрова-Савинкова А.А.* Личность и среда: регуляция границ бытийного пространства. Краснодар: КубГУ, 2006.
4. *Гидденс Э.* Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5.
5. *Дёмин А.Н.* Психологическое измерение ненадежности работы // Человек. Сообщество. Управление. 2008. № 1.
6. *Дёмин А.Н.* О границе преобразовательной активности субъекта // Субъектный подход в психологии/под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: Изд во «Институт психологии РАН», 2009.
7. *Дёмин А.Н.* Справочник по психологии труда и психологии занятости. Краснодар: Просвещение-Юг, 2010.
8. *Кимберг А.Н.* Проблема идентичности и субъектный подход // Психология личности и её бытия: теория, исследования, практика/под ред. З.И. Рябикиной, А.Н. Кимберга, С.Д. Некрасова. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
9. *Корнилова Т.В.* Психология риска и принятия решений. М.: Аспект Пресс, 2003.
10. *Нартова-Бочавер С.К.* Человек суверенный: психологическое исследование субъекта бытия. М.: Питер, 2008.
11. *Скрипкина Т.П.* Психология доверия. М.: Академия, 2000.
12. *Тиллих П.* Избранное. М.: Юрист, 1995.
13. *Шамионов Р.М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.
14. *Шюю А.* Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2.
15. *Auden W.H.* The Shield of Achilles. URL: <http://www.poets.org/viewmedia.php/prmMID/15547>

16. *Becker G. S.* Nobel lecture: The economic way of looking at behavior // *Journal of Political Economy*. 1993. Vol. 101 (3).
17. *Bourdieu P., Passeron J.-C.* *Reproduction in education, society and culture*. London: Sage, 1977.
18. *Coleman J.S.* Equality and excellence in education // *Surveying Social Life: Papers in Honor of Herbert H. Hyman*/ed. H.J. O'Gorman, Middletown, Conn: Wesleyan University Press, 1988.
19. *Coleman J. S.* *Foundations of social theory*. Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 1990.
20. *Coleman J.S.* Social capital in the creation of human capital // *American Journal of Sociology*. 1998. Supplement.
21. *Côté J.E.* Sociological perspectives on identity formation: The culture-identity link and identity capital // *Journal of Adolescence*. 1996. Vol. 19.
22. *Côté J.E.* An empirical test of the identity capital model // *Journal of Adolescence*. 1997. Vol. 20.
23. *Diener E., Fujita F.* Resources, personal strivings, and subjective well-being: A nomothetic and idiographic approach // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. Vol. 68.
24. *Diener E.* Assessing subjective well-being: Progress and opportunities // *Social Indicators Research*. 1994. Vol. 31.
25. *Niemoeller M.* Als die Nazis die Kommunisten holten.... URL: <http://www.martin-niemoeller-stiftung.de/4/daszitat/a31>
26. *Portes A.* The Two Meanings of Social Capital // *Sociological Forum*. 2000. Vol. 15, No.1.

ПСИХОЛОГИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ

.....

Г. Ю. Фоменко¹

В статье обсуждается необходимость и возможность выделения психологии безопасности как нового направления психологической науки. Необходимость институционализации нового направления в современных условиях масштабных изменений обосновывается с философской, психологической и других позиций. Обсуждается эвристичность методологии субъектно-бытийного подхода к решению проблем психологии безопасности личности.

Ключевые слова: психология безопасности личности, субъектно-бытийный подход, современное транзитивное общество, постнеклассическая рациональность, проблемно-ориентированные междисциплинарные исследования, система «личность — общество — государство», индивидуальный и групповой субъекты.

The article discusses the necessity and possibility of marking security psychology as is the new direction of psychological science. The need to institutionalize a new direction in modern large-scale change conditions is justified from a philosophical, psychological and other items. We discuss the heuristic methodology for subjective-existential approach to solving problems in the psychology of human security.

Key words: psychology of human security, the subjective-existential approach, the transitive contemporary society, postnonclassical rationality, problem-oriented interdisciplinary research, the system «individual — society — government, individual and group actors.

Постановка вопроса об институционализации психологии безопасности как нового направления психологической науки может вызывать отторжение из-за первоначального впечатления искусственности выделения этого направления и его избыточности по отношению к уже имеющимся.

Однако попытаемся рассмотреть данную проблему комплексно с различных позиций: науковедческой, философской, собственно психологической и практической.

---

¹ Фоменко Галина Юрьевна – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета. Эл. адрес: fomgal27@mail.ru

Целесообразно начать с *философского* осмысления специфики современной конкретно-исторической ситуации, которая ставит под вопрос само существование человеческого рода, а следовательно, требует настоящего рассмотрения действительности в двух аспектах: как важных, но все же частных перспектив и как универсальных человеческих потребностей и ценностей [29, с. 222]. Соответственно, в этих условиях изменяется статус проблем безопасности конкретной личности в соотношении с глобальными проблемами человечества, а также уровень и ракурс их рассмотрения (перемещение в онтологическую плоскость комплексного междисциплинарного охвата).

В данных конкретно-исторических условиях у человека подрывается чувство безопасности по новым и очень разнообразным основаниям, которые не были характерны для предыдущих периодов развития цивилизации. При этом все исследователи консолидированно в качестве главной опасности для человека и человечества в целом отмечают то обстоятельство, что у людей может не хватить психологических ресурсов для того, чтобы справиться с требованиями, характером и темпами преобразования социальной действительности [8, 28, 29, 40].

Отмечается уникальность и масштабность проблем безопасности личности в условиях современного транзитивного общества в самых различных аспектах: «Страх всегда сопровождал общество в переходные (или гибельные) периоды истории, и всё же таких масштабов и многообразия форм он прежде не имел. Фактически речь идёт о прочном смещении жизненных приоритетов в сторону ценностной системы «небезопасного общества» (У. Бек). Перемены, происходящие в мире, приняли характер грандиозного снежного обвала. В такой ситуации трудно найти точку опоры и человек фактически оказывается в состоянии бифуркации. Он будто занёс ногу для шага вперёд: прежнего устойчивого положения лишился, следующего ещё не достиг (и вопрос об его устойчивости остаётся открытым), а нынешнее — совершенно неопределённое — вызывает лишь чувство страха. Движущей силой общества становится установка «Я боюсь!»» [41, с. 316].

Длительное пребывание под постоянной угрозой всеобщей гибели порождает у большинства людей одни и те же последствия — страх, враждебность, всеобщую подозрительность, бездушие, очерствление и в конечном счёте безразличие ко всем существующим ценностям. По прогнозам исследователей [8, 39], это может привести к новому варварству, пусть даже оно будет иметь на вооружении самые совершенные механизмы. Если мы всерьёз полагаем, говорит Э. Фромм, что наша цель заключается в сохранении свободы, то должны признать, что эта свобода будет потеряна, независимо от того, сработают или нет средства уничтожения [40].

Выявляется ослабление всех разновидностей модусов иммортализации (символического бессмертия) личности, выделенных Р. Лифтоном

и Э. Ольсенom: биологического, творческого, теологического, натуралистического, чувственного [8, с. 117]. При обсуждении причин поврежденности теологического модуса поясняется, что надежды на посмертное существование обесцениваются, если они не сопровождаются гарантией земного выживания. Возможность катастрофы, нависшей над человечеством, нарушает тот заложенный в человеке глубинный слой «базисного доверия к миру» (Э. Эрикссон), к которому апеллирует религиозная символика [8, с. 124].

Преобладание «*негативной символической системы*» (понятие, выдвинутое Р. Лифтоном), преодолеть разрушительное действие которой человек не способен в одиночестве, на новом уровне актуализирует проблему противоречий индивида и общества: как соединить индивидуальный жизненный *проект* с коллективным историческим *проектом*. Последний термин здесь уместен, поскольку предполагает наличие как целей, так и методов их достижения. С точки зрения индивида, этот проект сводится к достижению осмысленных отношений с ценностями и символами, через которые он способен утвердить своё символическое бессмертие. Цель *коллективного проекта* — поддержание этих модусов бессмертия среди его членов [8, с. 120].

«Испорченные символические системы» оказывают деструктивное влияние на процессы идентичности личности, поскольку происходит неизбежная фрагментация как самого образа мира, так и человека. При этом в отсутствие тоталитарного прессы и открытого ограничения субъектной активности последняя парадоксальным образом «глушится» ввиду того, что ослабление казавшихся прежде незыблемыми социальных институтов порождает противоречивое чувство: с одной стороны, почти всё дозволено, а с другой — почти ничего нельзя достичь.

Элвин Тоффлер в книге «Шок будущего» написал о том, что человечество захватывает неведомое ранее психологическое состояние, которое по своему воздействию может быть приравнено к заболеванию. Есть у этой болезни и своё название — *футорошок, шок будущего*. Человечество может погибнуть не от того, что окажутся исчерпанными кладовые земли, выйдет из-под контроля атомная энергия или погибнет истерзанная природа. Люди вымрут из-за того, что не выдержат психологических нагрузок. Футорошок характеризуется внезапной, ошеломляющей утратой чувства реальности, умения ориентироваться в жизни, вызванной страхом перед близким будущим [28].

Преображается социальное и культурное бытие. Человек не просто включается в темп неслыханных ускорений. Он вообще катапультируется, причём многократно, в иные миры. П. С. Гуревич в качестве иллюстрации приводит следующие примеры. Вчера ещё респектабельный индивид становится изгоем. Тот, кто привык к земле предков, оказывается беженцем. Православный попадает в исламское окружение. Жертва синдрома «раскрестьянивания» приговаривается к владению земельным участком. Человеку, готовому променять

свои акции на спирт и пачку гречки, предназначают роль совладельца капитала. Индивиду, который впал в нищету оттого, что задерживают пенсию, предлагают оплачивать жильё по западным стандартам и т. п. Согласно концепции американского социолога Самюэля Хантингтона, проблема человечества не только в том, чтобы привыкнуть к переменам. Она в том — как сохранить ценностно-психологическое ядро культуры [8, с. 21].

Дело не только в том, что мы расширили сферу перемен, сделали их масштабнее — *мы изменили их темп*. На нас обрушивается лавина быстро сменяющихся друг друга событий, что приводит к преобразению нашего восприятия времени. Мы ощущаем жизнь иначе, чем наши предшественники. И именно в этом отличие современного человека [2, 4, 8, 32, 33].

Отмечаемое в посткоммунистической России ослабление и исчезновение устремлённости в будущее как социально значимого явления [2, 11, 32, 33] — это не просто признак стагнации социального субъекта, но и признак дестабилизации и подрыва самих основ человеческого существования. Напомним, что В. Франкл считал важнейшей особенностью человека то, что он может жить, только лишь глядя в будущее — *sub specie aeternitatis* (с точки зрения вечности). Соответственно, узник в концлагере, терявший веру в будущее, сам себе подписывал приговор. С потерей веры в будущее он также утрачивал свой духовный стержень; он ломался и деградировал физически [38, 39].

Уникальной особенностью современного этапа цивилизационных преобразований является то, что человечество вступило в эпоху, когда возрастает роль влияния субъективных факторов на эволюционный процесс [11, 23, 24]. При этом рост сознательно-волевого аспекта социальности вполне уживается с ростом степени принудительности и непослушности исторического процесса в целом ряде его аспектов. Приобретая власть над одними явлениями, люди порождают другие неподвластные им явления. При этом в отношении проектируемой и управляемой истории потери уже начинают пересиливать приобретения [11, с. 256]. А. А. Зиновьев подчёркивает, что произошло нечто более страшное, нежели возможные последствия вторжения в биологический механизм наследственности людей и в механизм развития зародышевых клеток зрелых организмов, которыми любят запугивать общество средства массовой информации, а именно: люди вторглись в механизм социальной эволюции человечества [11, с. 257].

Исследователи полагают, что прежние представления о жёсткой детерминированности или случайности исторического процесса следует заменить более современным понятием «детерминизм нового типа», в котором частично содержится логика синергетической концепции [14, 23]. Суть этого понятия состоит в том, что в критические периоды неустойчивого состояния социума неизмеримо возрастают возможности индивидуального вмешательства в ход событий (малые усилия могут привести к масштабным социальным сдвигам);

при этом соответственно растёт и мера ответственности индивидов за свои действия [24, с. 109].

Таким образом, проблема выживания человечества, а следовательно, и его безопасности стала центральной на данном этапе социальной эволюции. Эта проблема для каждой отдельной личности принимает конкретное воплощение (причём не статичное, а динамичное) в уникальной конфигурации индивидуально-биографических и социальных координат.

В *научоведческом аспекте* актуальность выделения нового направления — психологии безопасности обусловлена логикой становления постнеклассической рациональности.

По мнению В. С. Стёпина, интенсификация связей между различными дисциплинами и возрастание роли междисциплинарных исследований как факторы развития общенаучной картины мира затрагивают не только когнитивные, но и институциональные аспекты современной науки. Он констатирует, что современный синтез достижений различных наук протекает в условиях, когда все большую роль в научном познании начинают играть крупные комплексные программы и проблемно-ориентированные междисциплинарные исследования. При этом ученый напоминает, что ещё В. И. Вернадский, анализируя тенденции развития науки в первой половине XX столетия, отмечал, что их классификация осуществляется уже не столько по предметам, сколько по проблемам. В настоящее время престижность такого рода направлений и программ определяется прежде всего современным поиском выхода из глобальных кризисов, к которым привело индустриальное, техногенное развитие цивилизации [27].

Выделение нового направления — психологии безопасности в полной мере отвечает тенденциям позитивной формулировки нового идеала научности, претендующего быть выражением «науки в собственном смысле», к числу наиболее мощных из которых относят концепцию «финализации науки», выдвинутую Штарнбергской группой методологов [29, с. 223-224]. В рамках этой концепции в качестве эталонного выдвинут особый тип научного познания, в котором интегрированы как внутренние, объективные закономерности развития науки, так и социальные цели и потребности. Методологи Штарнбергской группы обращаются к случаям, когда существующих научных знаний оказывается совершенно недостаточно для достижения социально детерминированных целей в тех предметных областях, которые входят в сферу компетенции уже имеющейся в наличии фундаментальной теории. Финализация есть «особого рода теоретическое развитие определенных внешним образом проблемных областей на базе существующих общих теорий: это есть «процесс, в котором внешние по отношению к науке цели становятся ведущими в развитии теории» [29, с. 224].

Речь идет о таком типе развития науки, который, с одной стороны, представляет собой род фундаментальных исследований, а с другой — детерминирован внешними целями применения, наконец, постпарадигматическая фаза, или фаза финализации, состоит в специализации теории для решения определенных социально значимых проблем.

Однако эта специализация не есть простое логико-математическое выведение результатов из уже имеющихся в наличии теорий; это есть скорее развитие специальных теорий и, следовательно, продолжение фундаментальных исследований какой-либо исследовательской области. В то же время этот процесс в существенной мере детерминирован не внутренними, а внешними целями применения. Внешние цели действуют регулятивно уже в процессе специализации теорий. Они определяют исследовательскую проблему и требуют такого развития общей теории, для которой нет внутринаучной необходимости [29, с. 224-225].

В этом отношении применительно к психологии безопасности нагляден следующий пример. Ю. П. Зинченко отмечает «разнесённость» проблематики терроризма в связи с её многоаспектностью по отраслям психологии:

- 1) исследование идеологических и культурологических истоков терроризма — это аспект политической психологии;
- 2) выявление индивидуально-личностных основ терроризма и проблемы ненависти и агрессии как способа решения социальных задач — это аспект возрастной психологии и психологии личности;
- 3) изучение особенностей функционирования террористических организаций — это аспект социальной психологии;
- 4) исследование психологических причин, толкающих человека на участие в террористической деятельности, — это аспект клинической психологии;
- 5) изучение использования террористами современного глобального информационного пространства как всемирной сцены для своих действий — это аспект психологии массовых коммуникаций [12, с. 4-5].

Оформляющееся направление психологии безопасности позволяет решать конкретные проблемы, в данном случае — профилактики и противодействия терроризму, не фрагментируя их по отдельным отраслям психологии, как это осуществлялось до становления психологии безопасности при традиционном подходе, а исходя из концептуальных подходов, сформулированных непосредственно в рамках нового направления, которые открывают также возможности для междисциплинарного диалога.

При этом психология безопасности в процессе своего институционального оформления и развития с необходимостью будет решать соответствующую метапсихологическую задачу разработки под социально ориентированные проблемы такого подхода, при котором возможен синтез различных, как правило, противоречащих друг другу психологических концепций. Указанное об-

стоятельство является конкретизацией современной тенденции интеграции психологии на основе метапсихологического подхода [7, с. 491].

Продуктивному развитию психологии безопасности может способствовать осуществление инвентаризации (подразумевающей логико-содержательный, синтаксический и семантический анализ) теоретического наследия под соответствующие проблемы, а также активное использование в конкретных исследовательских проектах мета-анализа [21] релевантных публикаций.

Это в полной мере соотносится с выделенным штарнбергцами в качестве эталонного, особого слоя социально-практически ориентированных фундаментальных научных исследований.

Прослеживается определённая аналогия психологии безопасности с социальной экологией (считающейся эталонной в отношении новых идеалов научности), предметом которой является «обмен веществ», взаимодействие человека, общества и природы, которые образуют определенную систему. А ее главная задача состоит в определении оптимальных условий равновесности и воспроизводимости этой системы.

Аналогично, на наш взгляд, *проблемное поле* психологии безопасности включает *необходимость определения оптимальных психологических условий равновесности в системе «личность — общество — государство»* (рассматривая безопасность как системное явление, прежде всего обычно выделяют национальную безопасность и три её уровня: безопасность личности, общества и государства).

При этом необходимо учитывать и следующее обстоятельство. Когда говорят о психологии безопасности, подразумевают чрезвычайные ситуации и в первую очередь события, связанные со стихийными бедствиями, террором. Но более опасными для общества могут оказаться реальные события каждодневности, которые совсем не исключительны, но по прошествии времени обнаруживаются как требующие незамедлительной коррекции или исправления. Так, академик Д. Львов, оценивая последствия экономических реформ, пишет, что у многих россиян выработалась чудовищная приспособительная реакция к тому, что, казалось бы, невозможно вынести, *синдром вживания в катастрофу* [19].

В связи с этим *проблемное поле* психологии безопасности включает также выявление *тех факторов, которые ранее казались малозначимыми в плане деструктивности/конструктивности — позитивности/негативности воздействий на систему «личность — общество — государство», затрудняющих процесс её самоорганизации.*

Напомним, что осознание системной природы проблем безопасности и, следовательно, необходимости системного подхода стало главным уже на начальном этапе оформления психологии безопасности, которое в истори-

ческом аспекте, на наш взгляд, можно отнести к 1996 г. (А. В. Брушлинский и В. Е. Лепский). А. В. Брушлинский подчёркивал, что процесс переоценки ценностей в нашем обществе породил и новое понимание проблем безопасности. При таком подходе выявляется, что содержание и степень безопасности общества и человека находятся в прямой зависимости от функционирования всех структур общества — экономической, политической, социальной, правовой. В результате система самой безопасности приобретает сложную структуру, в которой можно выделить соответствующие составляющие компоненты или подсистемы [26].

На системном характере проблем безопасности и необходимости системного подхода к их изучению в контексте психологии безопасности акцентирует своё внимание Ю. П. Зинченко [12, 13].

Интерпретируя феномен терроризма как показатель (симптом) системного неблагополучия во взаимоотношениях личности — общества — государства и в каждом из субъектов этого взаимодействия, методология субъектно-бытийного подхода, которая лежит в основе нашего видения проблем безопасности, позволяет комплексно рассмотреть указанную проблему [37].

Таким образом, генеральная тенденция современной науки — проблемно-ориентированные исследования с упором на междисциплинарность.

Тип научной рациональности, связываемый с постнеклассическим этапом развития науки, в психологии стал выражаться не только развитием междисциплинарных исследований, но и изменением понимания их статуса. Этот новый статус предполагает множественность предмета исследования, проблемно определяемого, а не замкнутого в рамках конструкторов одной науки. Так, в статье Р. Стернберга и Е. Григоренко это выражено тезисом: одна проблема — комплексное исследование силами профессионалов разных наук [15, с. 257].

Другая тенденция современного этапа как постнеклассического — дифференциация научных проблем, которая приводит к синтезу фундаментальных и прикладных исследований, интеграции психологических подходов и методического арсенала психологии, развитию комплексных исследовательских программ. О новом этапе развития психологической науки свидетельствует и внимание к новым темам, отражающим её включённость в происходящие в мире изменения — освоение психологией новых реалий изменяющегося мира, а точнее, человека в нём [15, с. 258].

В целом же изменение изучаемой проблематики можно зафиксировать как один из главных параметров эволюции социогуманитарных дисциплин. И именно к ним в наибольшей степени применим тезис о том, что «вехами истории науки оказываются проблемы» [42, с. 156].

В *практической плоскости* проблемы безопасности являются не только общегосударственными, но и общечеловеческими. При этом они имеют особую актуальность и значение для России.

В 2009 г. журнал «Psychologies» опубликовал результаты международного исследования о ценностях населения 25 стран Европы, полученные в ходе Европейского социального исследования, к которому в 2006 г. впервые присоединилась Россия. Так вот, безопасность для россиян, оказывается, намного важнее всех прочих ценностей, мы чувствуем, что нам не хватает защиты; нам больше, чем другим европейцам, свойственна осторожность (или даже страх), мы хотим, чтобы нас защищали. В целом эти выводы совпадают с нашими представлениями о согражданах как о людях в основном «зажатых», тревожных, рассчитывающих на опеку властей, ценящих порядок выше свободы. Не случайно политический лозунг стабильности так популярен в нашем обществе. Эту особенность учитывают, кстати, и создатели рекламы: аргументом в пользу высокого качества продукта в России чаще служит его «традиционность» и «проверенность временем», а на Западе чаще используются идеи новизны и развития [20].

И соответственно, все вызовы нашего времени, которое характеризуется как эпоха перемен, цивилизационного сдвига, масштабных изменений и т. п., преумноженное кризисными явлениями и проблемами посттоталитарного общества, воспринимаются россиянами очень болезненно. Рушатся традиции и привычные системы ценностей, основополагающими становятся такие категории, как *случайность* и *неопределённость*, всё это не может не способствовать ощущению нашей повышенной уязвимости вплоть до зыбкости собственного существования,

В *психологическом плане* проблему необходимости выделения и оформления нового направления психологии мы обсудим в аспекте целесообразности и возможностей разработки заявленной нами психологии безопасности личности в контексте субъектно-бытийного подхода [35, 36, 37].

Анализируя и фиксируя выделение новой субъектной парадигмы в психологии, К. А. Абульханова подчёркивает, что парадигмальность категории субъекта в современной психологии выразилась не только в том, что на её основе оказалось возможным по-новому поставить и даже решить ряд проблем психологической науки, но и в той степени проблемности и перспективности, которую она имплицитно содержит в себе для будущих исследований, для открытия новых направлений развития психологической науки [3, с. 450].

Обоснование постнеклассической парадигмы как общей ситуации в науке предполагает, что любая психологическая школа может стать ведущей для определённой задачи и определённого исследовательского контекста. Это соответствует сетевой модели развития науки [15, с. 244].

Личность как центральная категория и рассмотрение личности как субъекта бытия и события в психологии безопасности имеют для нас принципиальное значение. Предваряя теоретико-методологическое обоснование этого положения, подчеркнём его философский ракурс: выделяя в качестве центральной проблемы современного транзитивного состояния общества ограниченность психологических ресурсов человека: «Кошмар в ином: *психологические ресурсы человека не безграничны*» [9, с. 19], исследователи рассматривают именно развитие личностного начала как противопоставление возможной катастрофе [24, 25].

Если мы заявляем направление «психология безопасности» личности, то, казалось бы, сразу же заведомо сужаем проблему, однако разработка этой темы в контексте субъектно-бытийного подхода позволяет нам избежать изоляционизма личности и её противопоставления социуму, поскольку личность как субъект является главной конституирующей частью человеческого мира. Какую бы мы конкретную проблему психологии безопасности мы и взяли, например, мигрантов, вынужденных переселенцев и т. п., можно выделить, с одной стороны, те ситуации и обстоятельства, в которых человек оказывается *объектом* действий и решений со стороны других людей, социальных общностей и организаций, но при этом он всегда остаётся *субъектом* различных форм активности. С другой стороны, мы обязательно изучаем и фиксируемся на том, как отражает субъект объективные обстоятельства своей жизни (экономической, политической, культурной и пр.) и как в ситуации такой обусловленности субъективными представлениями будет готов действовать в качестве субъекта социально-экономических, политических и других преобразований. Соответственно, неоптимальное функционирование личности в этом качестве в ряде случаев может представлять *угрозу* национальной безопасности.

Целесообразность указанного подхода к проблематике психологии безопасности выявляется и на уровне анализа *причин* и *факторов*, выводящих проблему безопасности в число приоритетных как для общества, так и для психологической науки и практики и вытекающих из них *задач*, требующих своего разрешения.

Прежде всего, это специфика актуального исторического периода, квалифицируемого различными исследователями как эпоха глубоких цивилизационных преобразований, как глобальный системный кризис современного общества, что делает личность в таких условиях особенно незащищённой и уязвимой. Но одновременно мы живём в эпоху стремления к расцвету индивидуальности, поэтому существует потребность в безопасности и защищённости не просто на физическом уровне. Речь идет не только об экономическом выживании и обеспечении сохранения целостности личности, но и о безопасности, определяемой представлениями о поддержании и сохранении если не высокого, то достойного качества жизни. Это тем более выводит проблему психоло-

гии безопасности в предметное поле «личность и её бытие» с необходимостью субъектно-бытийного подхода к её рассмотрению.

Социальный прессинг, которому подвергается человек и который *возрастает* по мере «прогрессивного» развития общества, заставляет человека искать новые пути самозащиты [23, с. 33]. Психология безопасности призвана заниматься выявлением этих способов, их анализом и оценкой, селекцией наиболее продуктивных, а также помощью в их конструировании. Она должна формировать не просто навыки безопасного поведения (как психология безопасности жизнедеятельности), а задавать ориентиры для аутентичного бытия личности в этих условиях, казалось бы, субъективно совершенно не приемлемых для человека, но которые тем не менее нужно, а главное, можно трансформировать в возможности саморазвития.

Более того, возникла очередная бифуркация исторического процесса, когда фундаментальную роль начали играть *случайности*, ведущей становится категория *неопределённости*. Новое направление психологии с позиций субъектно-бытийного подхода должно заниматься изучением рисков и опасностей, исходящих из актуального расклада нашей действительности, выяснением вопроса, к каким именно влияниям в плане утраты безопасности наиболее восприимчивы различные страты населения. В связи с этим необходимым становится формирование личностных образований и субъектных качеств, позволяющих человеку быть устойчивым к негативным, в первую очередь информационно-психологическим воздействиям.

Рассмотрение этой проблемы в контексте субъектно-бытийного подхода дополнительно расширяет основания актуальности и своевременности оформления нового направления — психологии безопасности.

В центре узла взаимосвязанных проблем современности, как указывают представители социогуманитарных наук, оказывается вопрос о личности как историческом субъекте, роль которого резко возрастает в периоды обострения исторической обстановки, в кризисной и предкризисной ситуации.

В качестве актуального основания для разработки психологии безопасности выделяется *противоречие* между повышением роли субъектных характеристик человека при одновременном резком ограничении степени его автономности и неизбежным возрастанием сложности социальной организации жизни [23].

Ещё один момент — это процесс становления субъекта в условиях отчуждения и бессубъектности (формулировка К. А. Абульхановой, которая считает это не эмпирической, а сущностной характеристикой современного российского общества) [2].

Соответственно выделенным позициям становится понятно, что безопасность и самого субъекта, и общества, и государства будет зависеть от того,

какой именно способ экспликации этих противоречий в виде проблем, жизненных задач выберет субъект и к какому *способу их решения* он прибегнет. В связи с этим очень важно выявить *критерии*, когда самостоятельные способы решения этих проблем человеком оказываются не просто вне правового поля, а переходят в категорию *угроз* национальной безопасности.

Таким образом, исходя из положений субъектно-бытийного подхода, безопасность государства и безопасность личности нельзя рассматривать изолированно как явления, отнесённые к епархии и интересам различных дисциплин и ведомств.

Более того, целесообразно рассмотрение государства и общества, а также составляющих его больших социальных групп в качестве субъектов. В этом плане мы опираемся на обоснование А. Л. Журавлёвым возможности исследования больших социальных групп с теоретических позиций субъектного подхода, предложенного Л. С. Рубинштейном. По мнению А. Л. Журавлёва, если признать, что большие социальные группы являются коллективными субъектами, то к ним согласно принципу изоморфизма может быть применена теоретическая схема анализа субъекта [9, 10].

Им же рассмотрена система факторов, обуславливающих изменение в уровне субъектности больших групп, а также закономерности формирования их субъектных качеств. Говоря о решающей роли противоречий и их разрешения в становлении субъекта, А. Л. Журавлёв опирается на мысль К. А. Абульхановой, высказанную в связи с обсуждением процесса становления личности как субъекта. Обсуждая противоречия различного рода, в контексте которых существует личность. К. А. Абульханова отмечает: «Личность становится субъектом, лишь решая эти противоречия, и через найденные ею способы решения достигает большего или меньшего, более временного или постоянного соответствия с действительностью, её условиями и структурами» [1, с. 59]. Уже упоминавшийся принцип изоморфизма позволяет провести аналогию и перенести эту логику рассуждений на развитие группового субъекта. Подобную аналогию А. Л. Журавлёв считает допустимой, поскольку носителями коллективной психологии являются личности, составляющие её, а коллективные психологические феномены — это разделяемые и своего рода типичные для большей части членов группы явления [10].

Таким образом, в контексте психологии безопасности личности возможна интеграция знаний о микро- и макросоциальных явлениях, что соответствует современному пониманию психосоциального подхода, основные положения которого органично включены в содержание субъектно-бытийной методологии.

Динамизм современной жизни, ситуация «цивилизационного сдвига и разлома» порождают новый комплекс противоречивых требований к личности. Проблема самоопределения личности в условиях внешних ограничений касается её отношений с обществом.

Проблемы психологии безопасности в аспекте выявления психологических условий и механизмов равновесности системы «личность — общество — государство» предполагают обращение к личности как субъекту социально-экономических, социо-культурных, политических и других отношений и требуют осмысления системы социальных детерминант с точки зрения их психологической противоречивости. Сущностные противоречия современного общества, а также их российская специфика, трудности самоопределения личности в противоречиях современности как фактор риска экстремизма и терроризма были проанализированы нами в ряде публикаций [35, 36].

В настоящее время в связи со сложными социально-экономическими реалиями и политическими процессами актуальным становится вопрос о модусе бытия личности в экстремальных условиях и личностной ресурсности, обеспечивающей не простое выживание в этих условиях, а полноценное аутентичное бытие. Данное положение созвучно с утверждением В.Е. Лепского, который, обсуждая исходные предпосылки совершенствования системы национальной безопасности России, указывает, что Закон РФ от 5 марта 1992 г. «О безопасности» отражает культуру обеспечения безопасности социальных систем, сложившуюся в нашей стране в середине XX в.: игнорирование проблем идентификации граждан; «окопная логика», фокусировка внимания на состоянии защищённости от угроз, а не на способности адекватно действовать в динамично изменяющихся условиях [17].

В наших исследованиях [30, 31, 34], анализируя качественную специфику субъектов предельного модуса бытия, мы пришли к выводу, что аутентичность бытия жизненно необходима для личности в случае функционирования в условиях «аномальной реальности» (реальности, являющейся таковой по объективным параметрам, но не по субъективному восприятию и интерпретации) как частного случая сложных жизненных обстоятельств. В данном плане прослеживается аналогия с экзистенциальной установкой по отношению к жизни по А. Лэнгле [18].

В контексте субъектно-бытийного подхода, невозможность личности реализовать себя как субъекта, «продлить» себя во внешний мир (таким внешним миром выступает и внутренний мир другого человека, партнера по со-бытию) переживается как отсутствие идентичности, неаутентичность бытия и субъективное неблагополучие, порождая различного рода деструктивные явления.

Полемически заостряя внимание на этом положении, можно сказать, что аутентичное бытие в случае функционирования личности в условиях повседневной «аномальной реальности» — единственно возможный способ избежать деструктивности. Соответственно, при экстремальном модусе бытия (предполагающем пассивность, отчуждённость личности и её поглощённость наличными обстоятельствами) наблюдается дополнительная субъективная драматизация действительности без собственно конструктивной проблематизации.

В этом плане имеется аналогия наших выводов с утверждением В.Е. Лепского, который, выделяя вслед за С.А. Рубинштейном реактивный и рефлексивный способы существования, подчёркивает актуальность для изменяющегося общества именно второго способа существования, объясняя это высокой динамикой процессов самоопределения человека и соорганизации индивидуумов для развития личности, общества и государства. Кроме того, по его мнению, самая важная психологическая проблема в изменяющемся обществе — это проблема стимулирования и поддержки рефлексивного способа существования человека (группы) как субъекта жизни (деятельности), которая должным образом не ставится и не решается в обществе [16].

Исходя из выводов, сделанных по результатам собственных исследований [30, 31, 32], подчеркнём, что предпочтение личностью предельного модуса бытия в экстремальных условиях является только предпосылкой, но не гарантией аутентичности её существования. Нами выявлены проблемы, противоречия и деструкции личности и при данном модусе бытия. Кроме того, требует осмысления и изучения проблема флуктуаций между двумя модусами бытия личности (предельным и экстремальным) применительно к конкретным условиям её функционирования и самоопределения в системе актуальных противоречий.

Таким образом, проблематизация своего существования личностью через выделение и осмысление системы противоречий (в их конкретном преломлении к реальным жизненным условиям), нахождение продуктивных способов их решения способствует самоопределению личности и формированию субъектной позиции в период трансформации общества

На наш взгляд, именно понятие «самоопределение личности» позволяет объединить личный и социальный уровни анализа, поскольку «с помощью самоопределения фактически задаётся *пространство существования (функционирования) субъекта*, но не физическое, а *социально-психологическое пространство* жизненных смыслов и принципов, ценностей и идеалов, норм и правил и т. д.» [10, с. 5].

Кроме того, согласно Хайдеггеру, бытийные возможности человека «появляются всегда только «снаружи» из конкретной исторической ситуации с её возможностями поведения и выбора, с её отношением к встречному. <...> Вместо речи о возможностях как конститутивных моментах вот этого бытия лучше говорить об умении-быть, всегда в смысле умения-быть-в-мире» (цит. по: [15, с. 257]).

Таким образом, целесообразно сконцентрироваться на ценностно-смысловом самоопределении личности в системе разноуровневых противоречий и предпочитаемом в итоге модусе бытия как результирующей этого процесса.

При этом психологическая безопасность личности понимается как возможность сохранить свою целостность и ощущение аутентичного бытия в условиях «аномальной реальности» с помощью конструктивного разрешения системы разноуровневых противоречий, благодаря чему личность обретает возможность противостоять обстоятельствам. При этих условиях личность как субъект бытия и со-бытия оказывается в состоянии организовать внешнее по законам внутреннего, активно выстраивая пространство собственной жизни, а не принимая как данность навязываемое извне. В приложении к проблемам безопасности новое звучание обретает высказывание А. В. Брушлинского: субъект — это человек на высшем уровне активности, проявляющейся в способности противостоять обстоятельствам [6].

Психология безопасности в контексте рассматриваемого теоретико-методологического подхода концентрируется, с одной стороны, на проблемах безопасности личности в различных пространствах её бытия в условиях социально-экономических и политических трансформаций современного общества, с другой стороны, обращается к изучению потенциальных и реальных рисков, обусловленных характером, и содержанием угроз национальной безопасности, исходящих из нарушения направленности и оптимума активности личности как субъекта бытия и со-бытия.

По сути дела, решается основная задача — изучение и осмысление роли человеческого фактора в качестве индивидуального и группового субъектов в обеспечении динамической равновесности и целостности системы «личность — общество — государство», а также безопасности каждого из конституирующих её подсистем.

Библиографический список

1. *Абульханова К.А.* Мировоззренческий смысл и научное значение категории субъекта // *Российский менталитет: вопросы психологической теории и практики*/под ред К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1997.
2. *Абульханова К.А.* Российская проблема свободы, одиночества и смирения // *Психологический журнал*. 1999. Т. 20, №5.
3. *Абульханова К.А.* Состояние современной психологии: субъектная парадигма // *Предмет и метод психологии: антология*. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2005.
4. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетейя, 2001.
5. *Абульханова К.А., Воловикова М.И.* Психосоциальный и субъектный подходы к исследованию личности в условиях социальных изменений // *Психологический журнал*. 2007. Т. 28, №5.

6. *Брушлинский А. В.* Психология субъекта (лекция, прочитанная студентам, аспирантам и преподавателям факультета психологии Тверского государственного университета 19 октября 2001 г.) // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2.
7. *Гарбер И. Е.* Метапсихологический подход к интеграции психологии // Теория и методология психологии: Постнеклассическая перспектива. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007.
8. *Гуревич П. С.* Психология чрезвычайных ситуаций: учеб. пособие для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007.
9. *Журавлёв А. А.* Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта/под ред. А. В. Брушлинского, М. И. Воловиковой. М.: Per Se, 2002.
10. *Журавлёв А. А., Емельянова Т. П.* Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30, № 3.
11. *Зиновьев А. А.* На пути к сверхобществу. М: Астрель, 2008.
12. *Зинченко Ю. П.* Психологический портрет терроризма: истоки терроризма как социальной формы идентичности // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 2007. № 4.
13. *Зинченко Ю. П.* Психология безопасности: междисциплинарный подход (материалы круглого стола) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 2.
14. *Князева Е. Н., Курдюмов С. П.* Синергетика как новое мировоззрение: диалог с И. Пригожиным // Вопросы философии. 1992. № 12.
15. *Корнилова Т. В., Смирнов С. Д.* Методологические основы психологии. СПб.: Питер, 2006.
16. *Лепский В. Е.* Субъектно-ориентированная парадигма СМИ: гармония информационной безопасности и развития России // Информационная и психологическая безопасность в СМИ: в 2 т. Т. 1: Телевизионные и рекламные коммуникации. М.: Аспект Пресс, 2002.
17. *Лепский В. Е.* Исходные предпосылки совершенствования системы национальной безопасности России (субъектно-ориентированный подход) // Рефлексивные процессы и управление. 2007. Т. 7, № 1.
18. *Лэнгле А.* Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2.
19. *Львов Д.* Экономика должна быть нравственной // Литературная газета. 2004. № 52-53.
20. *Магун В., Руднев М.* Похожи ли мы на европейцев? // Psychologies. 2009. № 38.
21. *Мартин Д.* Психологические эксперименты. Секреты механизмов психики. СПб.: Прайм — Еврознак, 2002.
22. *Митькин А. А.* Принцип самоорганизации систем: критический анализ // Психологический журнал. 1998. Т. 19, № 4.
23. *Митькин А. А.* Пути психологического поиска: Претензии и возможности. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
24. *Митькин А. А.* Субъектность человека: грани и границы. Ч. 2 // Психологический журнал. 2008. Т. 29, № 4.
25. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М.: МГВП КОКС, 1995.

26. Проблемы информационно-психологической безопасности/под ред. А. В. Брушлинского, В. Е. Лепского. М.: Институт психологии РАН, 1996.
27. *Степин В. С.* Теоретическое знание: структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
28. *Тоффлер Э.* Шок будущего. М.: АСТ; АСТ Москва; ПРОФИЗДАТ, 2004.
29. Философия и методология науки/под ред. В. И. Купцова. М.: Аспект Пресс, 1996.
30. *Фоменко Г. Ю.* Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
31. *Фоменко Г. Ю.* Личность как субъект бытия в экстремальных условиях: автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Краснодар, 2006.
32. *Фоменко Г. Ю.* Модусы личностной бытийности и особенности организации времени в экстремальных условиях жизнедеятельности // Личность как субъект организации времени своей жизни: сб. науч. ст. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2008.
33. *Фоменко Г. Ю.* Парадоксы личностной организации времени при экстремальном модусе бытия // Личность и бытие: субъектный подход: материалы науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А. В. Брушлинского. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008.
34. *Фоменко Г. Ю.* Парадоксы субъектности при различных модусах бытия личности // Личность и бытие: субъектный подход (к 75-летию А. В. Брушлинского). Под ред. Журавлёва А. Л., Знакова В. В., Сергиенко Е. А., Рябикиной З. И. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.
35. *Фоменко Г. Ю.* Проблема противоречий в современных условиях бытия личности // Психология XXI столетия: Теория. Эксперимент. Социальная практика: материалы Междунар. конгресса/отв. ред., сост. А. Л. Журавлёв, Н. П. Фетискин, Т. И. Миронова. М.; Кострома: КГУ им. Некрасова, 2009. Т. 1.
36. *Фоменко Г. Ю.* Трудности самоопределения личности в противоречиях современности как фактор риска экстремизма и терроризма // Противодействие идеологии экстремизма и терроризма в рамках реализации государственной молодёжной политики: материалы науч.-практ. конф. М.: Кредо, 2009.
37. *Фоменко Г. Ю.* Психология безопасности: междисциплинарный подход (материалы круглого стола) // Человек. Сообщество. Управление. 2009. № 2.
38. *Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000.
39. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
40. *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1998.
41. *Фролова О. С.* Проблема страха в современном обществе // Актуальные проблемы социального функционирования транзитивного общества. Ростов н/Д: Феникс, 2003.
42. *Юревич А. В.* Интерпретативные традиции и параметры развития психологической науки // Прогресс психологии: критерии прогресса/под ред. А. Л. Журавлёва, Т. Д. Марцинковской, А. В. Юревича. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2009.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТНОЙ БЕСПОМОЩНОСТИ В СИТУАЦИИ ОСЛОЖНЁННОЙ БЕРЕМЕННОСТИ

.....

В. В. Шиповская¹

Статья посвящена выявлению психологического содержания феномена личностной беспомощности и его специфики в ситуации осложненной беременности, установлению взаимосвязи показателя беспомощности с личностными свойствами женщин, вынашивающих ребенка. В результате эмпирического исследования делается вывод, что проявления беспомощности в ситуации осложненной беременности деструктивны. Личностная беспомощность в этой сложной жизненной ситуации выражается в низкой активности, робости, недоверии, неприятии других (вплоть до избегания социальных контактов), а также в личностной зависимости от значимых других, инертности в принятии решений, использовании неэффективных копинг-стратегий – отказе от действий по преодолению ситуаций; в высокой тревожности и чрезмерной эмоциональности, приводящей к эскалации беспомощности (вплоть до депрессивности и соматизации проблем).

Ключевые слова: личностная беспомощность, ситуация осложненной беременности, личностные свойства женщин, вынашивающих ребенка.

The article is devoted to detection the psychological content of the phenomenon of personal powerlessness and its specificity in a situation of high-risk pregnancies, to link indicators of helplessness with the personal characteristics of pregnant. As a result of empirical research concludes that the manifestations of disorder in the power situation was complicated pregnancy destructive. Personality helplessness in this life difficult situation is reflected in low activity, shyness, mistrust, and rejection of others (up to avoid social contacts) as well as in personal dependence on significant others, inertia in decision-making, the use of ineffective copy-strategies – denial of Action overcome situations of high anxiety and excessive emotionality, leading to an escalation of helplessness (up to depression and somatization problems).

Key words: personal helplessness, a situation complicated pregnancy, personality pregnant women characteristics.

---

¹ Шиповская Виктория Владимировна — кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры социальной психологии Института экономики и управления в медицине и социальной сфере. Эл. почта: AGuseinov@yandex.ru

Современные социальные условия характеризуются многочисленными кризисными и стрессовыми ситуациями как глобального характера, так и касающимися частной жизни каждого человека. Эти сложные ситуации в сочетании с личностными особенностями могут стимулировать активность или, напротив, вызвать упадок духа, пассивность и беспомощность. В повседневной жизни человек обычно действует в ограниченном круге повторяющихся, т. е. знакомых ситуаций, поэтому он предполагает, что последующая ситуация не будет сильно отличаться от предыдущей, что позволяет ему строить прогнозы, эффективно взаимодействовать с людьми. Это происходит до тех пор, пока человек не столкнется со сложной ситуацией. В этом случае у многих людей не хватает адаптационных ресурсов для того, чтобы справиться с ситуацией, правильно понять ее. В настоящее время любая негативная жизненная ситуация, появившаяся «вне расписания» (смерть любимого человека, потеря работы, развод супругов, безработица, болезнь, осложненная беременность и др.), обладающая повышенной неопределенностью последствий и воспринимаемая человеком как сложная и трудно контролируемая, может считаться ситуационным индикатором риска возникновения беспомощности. Это происходит в силу того, что для сложных жизненных ситуаций нет готовых способов разрешения, и они превышают обычные адаптационные возможности человека.

Существуют разные взгляды на природу ситуации и степень ее влияния на поведение человека. Некоторые исследователи рассматривают сложную жизненную ситуацию в диапазоне средовых факторов, другие смещают фокус внимания на индивидуальные факторы [1, 2, 4, 5, 6, 7, 12]. Несмотря на отсутствие в психологии единства в понимании сущности ситуации, она чаще рассматривается как социально-природная целостность [18, с. 55]. Исследователи оперируют понятиями «ситуация в широком и узком смысле слова», «жизненное положение», «обстановка», «событие» и «совокупность обстоятельств». Ситуация в широком смысле понимается как общая ситуация жизни человека, ситуация в узком смысле связывается с конкретными событиями жизни. Б. Ф. Ломов определяет ситуацию не как отдельное событие, а как систему событий, которая служит причиной определенного поведенческого акта, вследствие которого сама ситуация меняется [11, с. 120]. А. Н. Леонтьев ввел понятие личностного смысла как оценку жизненного значения для субъекта обстоятельств и его действий в них [9]. По мнению А. М. Столяренко, ситуация — это реальная совокупность объективно-субъективных обстоятельств, особенностей бытия конкретного человека (группы, общности), характерных для его жизнедеятельности в какой-то момент или отрезок времени (цит. по: [19, с. 141]. Л. Ф. Бурлачук и Е. Ю. Коржова определяют ситуацию как систему субъективных и объективных элементов, появляющихся в результате активного взаимодействия субъекта и среды. К субъективным элементам авторы относят межличностные отношения, ценности, стереотипы сознания, уточняя, что понятие ситуации не совпадает с понятием среды, которая может быть

внесубъектной, а ситуация всегда включает субъектный аспект [2, 3]. Факт становления ситуации происходит в момент соотнесения данного фрагмента среды с конкретным субъектом посредством придания данному фрагменту значения и смысла.

А. Ф. Бурлачук и Н. Б. Михайлова отмечают, что субъективная картина ситуации и сама ситуация не идентичны, они имеют как точки совпадения, так и существенные различия [3].

Г. Ю. Фоменко, анализируя сложные ситуации, выделяет многоуровневую градацию соотношений: 1) человек — ситуация; 2) личность и среда; 3) личность и бытие [18]. Предложенная автором градация не только открывает перспективы исследований сложной ситуации, но и обосновывает наш подход к проблеме выявления ситуационных и личностных индикаторов беспомощности. В. Н. Мясищев, определяя понятие значимой ситуации, делает акцент на особенной уязвимости личности под влиянием средовых факторов. По его мнению, для того, чтобы понять мотивы поведения личности в ситуации, необходимо выяснить, как сам человек относится к происходящему, поскольку поведение личности в сложной ситуации обнажает его личностную сущность [13, 14].

Зарубежные авторы не менее активно включены в обсуждение данной проблемы. Д. Магнуссон считает поведение функцией непрерывного процесса взаимодействия личности и ситуации. Личностными детерминантами поведения в ситуации являются когнитивные и мотивационные особенности, ситуационными — психологические значения ситуации. С точки зрения ученого ситуация — это совокупность средовых условий или фрагмент среды на определенном этапе жизнедеятельности субъекта. Х. Томэ делает акцент на субъективных факторах и указывает на то, что реальные свойства ситуации находят отражение в индивидуальном мире человека, но особенности их восприятия обусловлены центральными устремлениями личности. Адаптация личности к ситуации включает сбалансированные отношения между когнитивными и мотивационными системами (цит. по: [3, с. 5–17]). Л. Росс и Р. Нисбетт полагают, что часто люди сами выбирают ситуации, в которых оказываются, причем характеристики конкретных людей и ситуаций, с которыми они сталкиваются, обычно смешиваются таким образом, что создается впечатление согласованности поведения. То есть люди сами или с чужой помощью попадают в ситуации, которые вынуждают их видеть, действовать, думать в соответствии с собственными диспозициями [16, с. 59].

Ситуации различаются по степени насыщенности событиями, которые могут быть положительными или негативными. По мнению С. Л. Рубинштейна, событие — это поворотный этап, когда принимаются важные решения на длительный период [17]. Т. Б. Карцева в специфике поворотных жизненных событий центральным считает личностное изменение, трансформацию в ходе это-

го процесса, т. е. переход от Я к его утрате, а затем обретение нового Я [6, с. 88–101]. Л. Монтада сложные жизненные события называет экспериментами жизни [21], а Ф.Е. Василюк — «ситуациями невозможности», т. е. «невозможности жить, реализовывать внутренние необходимости своей жизни» [4, с. 25].

Ещё И.П. Павлов много раз говорил о трудностях жизни, которые вызывают неблагоприятные состояния коры больших полушарий головного мозга. Ему принадлежит следующее признание: «Вообще жизнь — всегда неприятна, сплошная трудность, и эта трудность дает себя знать при уже сбитой нервной системе. Надо считать, что жизнь всегда трудна» [15, с. 213]. И далее: «Трудные жизненные положения вызывают то чрезвычайное возбуждение, то депрессию» [15, с. 555].

Г.Ю. Фоменко, уточняя понятие «жизненная трудность», введенное И.П. Павловым, подразумевает под ним наличие сложной ситуации, предъявляющей личности требования, превышающие обычный адаптационный синдром [18].

Обычно человеку трудно предвидеть, как будет разворачиваться сложная ситуация, и представить свое поведение в ней. На трудности осознания ситуации и приспособления к изменяющимся условиям жизни указывал К.Г. Юнг в статье «Мировоззрение и психологический подход»: «К сожалению, наши представления неизбежно отстают и плетутся за изменением ситуаций. Иначе и не может быть, поскольку, пока нет перемен, наши представления более или менее приспособлены к миру и удовлетворительно функционируют. До поры до времени действительно нет никаких убедительных оснований для их изменения и нового приспособления. Вместе с трансформацией, создающей нестерпимый разрыв между внешней ситуацией и отныне устаревшими формами представления, поднимается принципиальная проблема мировоззрения... вопрос о том, как переориентировать или приспособить те формы представления, которые поддерживают приток инстинктов. Рациональными новообразованиями их не заменить, поскольку в разуме запечатлена куда более внешняя ситуация, нежели биологические предпосылки человека» [20, с. 146–147].

На препятствия в понимании сути сложной ситуации указывали А.Ф. Бурлачук и Н.Б. Михайлова. Авторы утверждают, что многие люди психологически не готовы к столкновению со сложной жизненной ситуацией, их ожидания носят более оптимистичный характер, чем последующее разворачивание событий. В случае неготовности к трудным событиям и нехватки адаптационных ресурсов сложная ситуация погружает человека в состояние стагнации, устойчивой беспомощности, приводит к резкому снижению уровня самооценки. Таким образом, в рамках ситуационного подхода беспомощность рассматривается как регулятор поведения и отношения к собственной способности контролировать сложную жизненную ситуацию. Этот феномен связан

с реакцией отказа от какой-либо деятельности в сложной ситуации, если личность убеждается в бесполезности каких-либо усилий [3].

Н. А. Батурич считает, что на появление беспомощности влияет интенсивность самих травмирующих жизненных событий, которая определяется индивидуальными особенностями личности: чем выше у человека развита потребность в достижении, тем больше вероятность того, что при прочих равных условиях интенсивность события будет больше. Такие личностные характеристики, как эмоциональная стабильность и фрустрационная толерантность, составляющие индивидуальную переносимость неудовлетворённых потребностей, также влияют на степень беспомощности. Чем ниже фрустрационная толерантность (адаптация) и эмоциональная стабильность, тем выше интенсивность события [1]. По мнению В. А. Лабунской, «сложные жизненные события, фрустрирующие потребность в достижении, в подтверждении, противоречия между ожидаемыми отношениями и отношениями других, между поставленной целью и результатом, между возможностями и желаниями актуализируют чувство бессилия, разочарования и безнадежности» [10, с. 133]. А. О. Прохоров полагает, что в сложных ситуациях в результате нарушения симметрии между организмом и средой возникают неравновесные, неустойчивые психические состояния: тревога, бессилие, дистресс, страх, подавленность. Главная функция этих состояний — сформировать нечто новое в структуре личности и тогда новое понимание и смысл могут вернуть субъекта в относительно устойчивое равновесное состояние. Но сложные ситуации, по мнению автора, могут быть и необратимыми, «когда сложная ситуация связана с завершённостью действия и необратимостью событий, таких как развод супругов, несчастный случай» [12, с. 28–29]. По мнению А. Кемпински, в толерантности к сложным ситуациям и беспомощности «большую роль играет врожденная диспозиция, приобретенное в ходе жизни знакомство с необычными ситуациями, повышающее пластичность реакции и способность адаптации, общая эффективность нервной системы...» [7, с. 20]. У лиц с ограниченными изменениями в ЦНС толерантность к сложной ситуации значительно уменьшается, поэтому новая сложная ситуация может вызвать у них катастрофическую реакцию К. Гольдштейна. Это поведение не контролируется волей и сознанием субъекта, в нем остро проявляется затрудненная ориентировка в ситуации, вплоть до растерянности, т. е. оно дезорганизовано и не состоит, по выражению Ф. Е. Василюка, в содержательно-смысловой связи с мотивом ситуации [4].

К сложным, поворотным ситуациям, способным запустить механизмы беспомощности, можно отнести ситуацию беременности. Беременность, особенно первая — это естественная, но очень сложная ситуация в персоногенезе женщины, в ходе которой существенно перестраивается система ценностей женщины и ее отношений с социумом. Эта ситуация (неблагополучное протекание беременности, представляющее угрозу жизни матери и ребенку) сложна

и специфична в силу существенной неопределенности последствий и может обладать даже признаками экстремальности.

Необходимо подчеркнуть, что сегодня беременность все чаще рассматривается женщинами как состояние, представляющее угрозу здоровью, карьере и материальному благополучию. Не следует думать, что эти негативные переживания характерны только для последних десятилетий, в некоторых примитивных племенах муж роженицы ходил вокруг хижины, истязая себя, показывая муки, испытываемые роженицей. Корни травматизма этой ситуации прописаны даже в Библии («В муках будет женщина рожать»). Ритм современной жизни, новые социокультурные условия, при которых женщина рождает одного, максимум двух детей, когда она материально зависима от социума, думает о карьере, — все это влияет на восприятие женщиной беременности. Данный факт она рассматривает либо как обстоятельство, предрасполагающее к высокой ответственности или несущее угрозу здоровью, либо как неадекватно завышенные переживания (эйфорический тип реагирования на беременность). Поэтому многие авторы особо подчеркивают кризисный и травматический характер этого состояния для современной женщины. Выбор для анализа этой ситуации обусловлен ее высокой личностной значимостью, которая обостряет переживание беспомощности. Беспомощность может быть реакцией на беременность и проявляться в высокой тревожности, пессимизме и депрессивно окрашенных переживаниях. На наш взгляд, такая жизненная ситуация раскрывает широкий спектр проявлений личностной беспомощности.

Недостаточно изучены личностные особенности, порождающие беспомощность либо препятствующие ее развитию. Изучение данного феномена в ситуации беременности представляется целесообразным и необходимым, так как устойчивая беспомощность ведет к дезадаптации и нарушению диадического взаимодействия «мать — дитя».

В исследовании феномена беспомощности мы исходим из того, что беспомощность — это не просто негативное выученное состояние, приобретенное человеком в лабораторных экспериментах. Это многокомпонентное личностное свойство, устойчивая тенденция к переоценке расхождения личностных ресурсов и требований сложной ситуации, субъективно оцениваемой как непреодолимая и неподконтрольная, проявления которой могут иметь специфические черты, обусловленные содержанием сложной ситуации. В истинном смысле личностную беспомощность могут не переживать люди, находящиеся в состоянии физической беспомощности (инвалиды, тяжело больные, престарелые люди и т. д.).

Цель проведенного эмпирического исследования заключалась в выявлении психологического содержания феномена личностной беспомощности и специфики его проявлений в ситуации осложненной беременности, а также в установлении взаимосвязи показателя беспомощности с личностными свойствами

женщин, вынашивающих ребенка. Беременность рассматривалась как важное, но связанное с трудностями событие.

Базой осуществления исследовательской работы были муниципальные женские консультации г. Майкопа и г. Краснодара, пренатальные центры г. Краснодара, городской Центр планирования семьи, который размещается на базе женской консультации № 7 роддома № 4 г. Краснодара. Исследование проводилось с 2005 по 2009 г. Изучались две контрастные группы: 60 женщин с неосложненной беременностью и 60 женщин с осложненной беременностью. Это русскоязычные женщины с образованием не ниже среднего в возрасте от 20 до 40 лет.

Был сделан сравнительный анализ этих контрастных выборок по следующим методикам: методике ответственности В. П. Прядеина, опроснику Минимум, методике на выявление тревожности — шкале ситуативной (реактивной) тревожности Ч. Д. Спилбергера (модификация Ю. Л. Ханина), методике на выявление уровня самооценки (по С. А. Будасси), методике многомерного измерения копинга Н. С. Эндлера и Д. А. Паркера, тесту цветового выбора М. Люшера, а также по авторскому опроснику «Беспомощность». Последний разработан на основе анализа литературных источников и включает в себя 60 утверждений, по которым составлен перечень свойств, отражающих наиболее важные характеристики личностной беспомощности.

На этапе апробации опросника были опрошены 272 чел. Полученные данные исследованы методом главных компонент с последующим варимакс-вращением и нормализацией по Кайзеру. Факторный анализ позволил определить шесть основных шкал. Выделены три наиболее значимые шкалы с обоснованными статистически высокими нагрузками, которые отражают многокомпонентную структуру беспомощности, проявляющуюся на поведенческом, когнитивном, аффективном уровнях. Однако содержательный интерес представляют еще три шкалы с приемлемыми нагрузками (весами) — шкала эскапизма, шкала перенапряжения и шкала растерянности.

В структуру поведенческого компонента вошли показатели, описывающие трудности в ориентировке и преодолении сложной ситуации, затруднения в деятельности и общении, а также специфические показатели неприятия других, якобы ответственных за неудачи. Когнитивный компонент образуют утверждения, затрагивающие трудности осмысления, переработки информации, вплоть до неспособности адекватного осознания сути сложной ситуации. Аффективный компонент определяют пункты, соответствующие негативным эмоциям и эмоциональным состояниям — состояниям разочарования, обиды, страха, острого чувства беспомощности. Компонент защитного эмоционального отстранения (эскапизм) включает в себя пункты, касающиеся равнодушия, избегания проблем. Компонент перенапряжения образуют пункты, затрагивающие трудности преодоления стрессов, эмоциональную напряжён-

ность в сфере непосредственного общения. Компонент растерянности включает в себя пункты, определяющие нервозность, соматизацию проблем, «уход в болезнь».

Мы провели исследование внутренней согласованности каждой из шести шкал по α -критерию Кронбаха. Внутренняя согласованность шкалы, отражающей беспомощность на поведенческом уровне, составила $\alpha = 0,833$. Шкала, отражающая когнитивный аспект беспомощности, имеет показатель $\alpha = 0,682$. Шкала, отражающая проявления беспомощности в аффективной сфере, имеет показатель $\alpha = 0,680$. Шкала эскапизма показала невысокий уровень внутренней согласованности $\alpha = 0,341$. По пятой шкале перенапряжения установлен показатель $\alpha = 0,622$. Шестая шкала растерянности имеет невысокий показатель $\alpha = 0,262$, что свидетельствует о специфичности проявлений этого компонента беспомощности.

Исследуя беспомощность в ситуации осложненной беременности, мы получили следующие результаты. По методике С. А. Будасси у женщин с благополучно протекающей беременностью определена высокая адекватная самооценка с умеренной средней степенью разведения реальных и идеальных представлений о себе. У женщин с *осложненной* беременностью выявлены крайне низкие показатели самооценки или крайне завышенные показатели самооценки ($F = 4,585$; $p < 0,036$). То есть ситуация осложненной беременности является внешним условием, затрагивающим характер самооценки, делая ее неадекватной. Проведенный корреляционный анализ (использовался коэффициент корреляции Спирмена) показателей самооценки со шкалами опросника «Беспомощность» (в обеих группах, $n = 120$) указывает на отрицательную связь самооценки с большинством шкал. Выявлена отрицательная связь самооценки с аффективным компонентом беспомощности ($r = -0,263$; $p < 0,01$), т. е. низкой самооценке соответствует более выраженное эмоциональное переживание беспомощности; также обнаружена отрицательная связь самооценки с компонентом перенапряжения, нереализованных притязаний ($r = -0,201$; $p < 0,05$).

Затем с помощью методики В. П. Прядеина были изучены показатели ответственности. В обеих группах конструктивные компоненты ответственности преобладают над деструктивными компонентами. Но у женщин с *осложненной беременностью* значимо ниже показатели динамической эргичности ($t = 2,459$, $p < 0,05$) и регуляторной интернальности ($t = 2,962$, $p < 0,05$).

Корреляционный анализ выявил статистически значимые связи между пятью компонентами беспомощности и пятью компонентами ответственности. Преобладают негативные связи беспомощности с конструктивными показателями ответственности и позитивные связи с деструктивными маркерами ответственности. В частности, беспомощность на поведенческом уровне имеет негативную связь ($p < 0,05$) с динамической эргичностью, предметной результативностью; эмоциональной стеничностью, с регуляторной интерналь-

Таблица 1

Корреляционные связи показателей ответственности с показателями компонентов беспомощности у беременных женщин обеих групп ($n = 120$)

Шкалы ответственности	Шкалы беспомощности					
	Поведенческая беспомощность	Когнитивная беспомощность	Аффективная беспомощность	Эскапизм	Перенапряжение	Растерянность
Динамическая эргичность	- 0,231*	- 0,109	- 0,144	- 0,018	- 0,199*	- 0,098
Социоцентрическая мотивация	0,09	- 0,011	- 0,018	0,062	- 0,043	- 0,029
Когнитивная осмысленность	0,018	0	- 0,011	- 0,087	- 0,01	- 0,091
Предметная результативность	- 0,193*	- 0,059	- 0,051	0,06	0,092	0,032
Стеническая эмоциональность	- 0,306**	- 0,124	0,035	- 0,06	0,095	0,023
Регуляторная интернальность	- 0,136	- 0,048	- 0,103	- 0,019	- 0,118	0,054
Трудности	0,143	0,003	- 0,012	0,076	0,077	0,007
Динамическая аэргичность	0,375**	0,212*	0,212*	0,102	0,148	0,107
Эгоцентрическая мотивация	0,024	0,103	0,209*	- 0,161	0,074	0,068
Когнитивная осведомленность	0,075	0,052	0,016	- 0,077	- 0,059	0,001
Субъектная результативность	- 0,159	0,075	0,145	- 0,001	0,171	0,166
Астеническая эмоциональность	0,304**	0,286**	0,241**	0,117	0,254**	0,134
Регуляторная экстернальность	0,097	0,01	0,106	0,0	- 0,029	- 0,031
Искренность	- 0,118	- 0,151	- 0,284*	- 0,112	- 0,361*	- 0,188*

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$.

ностью, высокозначимую положительную связь ($p < 0,01$) с эмоциональностью астенической и динамической аэргичностью. Шкала беспомощности, отражающая когнитивный компонент беспомощности, имеет положительные корреляции с динамической аэргичностью ($p < 0,05$) и эмоциональностью астенической ($p < 0,01$) (табл. 1).

Таблица 2

Корреляционные связи показателей шкал беспомощности с различными типами стратегий реагирования на стресс у женщин обеих групп ($n = 120$)

Копинг-стратегии	Шкалы беспомощности					
	Поведенческая	Когнитивная	Аффективная	Эскапизм	Перенапряжение	Растерянность
Решение задач	0,0532	- 0,049	- 0,0054	0,078	- 0,071	- 0,018
Эмоции	0,264*	0,274*	0,315*	0,228*	0,244*	0,259*
Избегание	- 0,183*	0,019	0,161	- 0,092	0,161	0,075
Отвлечение	- 0,139	0,106	0,210*	0,003	0,168	0,093
Социальное отвлечение	- 0,063	0,032	0,155	- 0,182*	0,139	0,022

Примечание: * $p < 0,05$

Шкала, отражающая аффективный компонент беспомощности имеет положительные связи с динамической эргичностью ($p < 0,05$), эмоциональной астенией ($p < 0,01$), с эгоцентрической мотивацией ($p < 0,05$). Шкала перенапряжения имеет отрицательную связь с динамической эргичностью ($p < 0,05$) и положительную связь с астенической эмоциональностью. Отрицательные связи шкалы перенапряжения и шкалы растерянности с показателем искренности ($p < 0,05$) свидетельствуют о потере самоуважения, неуверенности, пессимизме, проявляющихся в низкой поведенческой и эмоциональной энергетике, а также в «закрытости» личности, т. е. стремлении скрывать от других свои трудности. В целом характер корреляций свидетельствует о взаимосвязи показателей уклонения от ответственности с повышенной эмоциональностью, тревожностью, нежеланием или неспособностью решать сложные проблемы.

Одним из критериев беспомощности является потеря контроля над ситуацией. Контроль над ситуацией и выбор стратегий решения проблем часто связывают со стратегиями совладания. В табл. 2 четко просматриваются положительные значимые связи всех шкал беспомощности с эмоциональной стратегией преодоления стрессов, т. е. в этот сложный период чрезмерная эмоциональность приводит к эскалации беспомощности.

Чтобы узнать, какие именно особенности эмоционального реагирования и способы контроля над внутренней тревогой могут обуславливать беспомощность, мы исследовали связи шкал беспомощности со шкалами опросника Мини-мульти. В табл. 3 видны положительные связи четырех шкал беспомощности с большинством шкал опросника Мини — мульти, что свидетельствует как об общих особенностях беспомощности, связанных с дезадаптивностью личности, так и о специфике каждой из этих четырёх шкал. Они связаны не только с чрезмерной эмоциональностью и неадекватными интрапсихическими способами снижения тревоги, но и с затруднениями в межличностных

Таблица 3

Корреляционные связи показателей шкал беспомощности со шкалами методики Мини-мульти женщин обеих групп (n = 120).

Шкалы Мини-мульти	Шкалы беспомощности					
	Поведенческая	Когнитивная	Аффективная	Эскапизм	Перенапряжение	Растерянность
L	0,045	0,015	- 0,179	0,048	-0,029	0,0004
F	0,146	0,295*	0,318*	0,118	0,256*	0,143
K	- 0,053	- 0,035	- 0,173	- 0,011	-0,0066	-0,025
Сверхконтроль	0,345*	0,406*	0,216*	0,162	0,270*	0,170
Пессимистичность	0,290*	0,448*	0,159	0,156	0,243*	0,138
Эмоциональная лабильность	0,323*	0,378*	0,196*	0,148	0,137	- 0,073
Импульсивность	0,138	0,381*	0,208*	0,061	0,171	0,126
Ригидность	0,153	0,301*	0,254*	0,046	0,156	0,062
Тревожность	0,261*	0,346*	0,148	0,116	0,215*	0,054
Индивидуалистичность	0,214*	0,328*	0,214*	0,041	0,150	0,004
Оптимистичность	0,025	0,175	0,179*	- 0,013	0,180*	0,030

Примечание: * $p < 0,05$. Первые 3 шкалы — оценочные, измеряющие искренность.

контактах. В частности, установлено, что беспомощность на аффективном уровне имеет значимые связи ($p < 0,05$) со шкалами пассивно-депрессивной направленности личности.

Сопоставление корреляционных связей шкал беспомощности с цветовыми предпочтениями (по М. Люшеру) позволило установить, что со шкалой, отражающей поведенческий компонент беспомощности, негативно коррелирует порядок выбора серого цвета ($r = - 0,251$; $p < 0,05$). Выявленная положительная связь этой шкалы с порядком выбора фиолетового цвета ($r = 0,250$; $p < 0,05$) указывает на сдерживание чувств, щепетильность, обидчивость. Во втором выборе шкала, отражающая когнитивный компонент беспомощности, имеет отрицательные связи с показателем порядка выбора синего цвета ($r = - 0,191$; $p < 0,05$), что указывает на высокую потребность в принятии, стремление к привязанности и защите со стороны других, избегание конфликта, инертность в принятии решений, склонность к рефлексии. Выявлена положительная связь этой шкалы с порядком выбора фиолетового цвета ($r = 0,205$; $p < 0,05$),

указывающая на склонность к ограничению контактов. Шкала, отражающая аффективный компонент беспомощности, имеет отрицательные связи с порядком выбора желтого цвета ($r = -0,239$; $p < 0,05$), который на последних местах ряда предпочтений указывает на ощущение слабости, беспомощности, обиду и утомление. Обнаружена позитивная связь шкалы психического перенапряжения с выбором зеленого цвета ($r = 0,191$; $p < 0,05$), что свидетельствует о фрустрации потребности в социальном самоопределении, ущемленном самолюбии, стыде, нереализованных притязаниях.

В результате исследования мы пришли к выводу, что личностная беспомощность проявляется в шести компонентах: поведенческом, когнитивном, аффективном, компоненте защитного эмоционального отстранения (эскапизм), компоненте перенапряжения и компоненте растерянности. Поведенческий компонент выражается в затрудненной ориентировке в непредсказуемых и изменчивых сложных ситуациях, когнитивный компонент — в неспособности осознать суть сложной ситуации и принимать адекватные решения для разрешения возникшей проблемы, а аффективный компонент — в высокой тревожности (вплоть до растерянности) и пессимизме (вплоть до депрессивных проявлений).

Личностная беспомощность в ситуации осложненной беременности выражается в низкой активности, робости, недоверии, неприятии других (вплоть до избегания социальных контактов), а также в личностной зависимости от значимых других, инертности в принятии решений, использовании неэффективных копинг-стратегий — отказе от действий по преодолению ситуаций, в высокой тревожности и чрезмерной эмоциональности, приводящей к эскалации беспомощности (вплоть до депрессивности и соматизации проблем).

Выявлены внутренние и внешние условия возникновения личностной беспомощности. К первым относятся свойства личности, повышающие чувствительность к сложности и неопределенности жизненных условий: низкая самооценка, высокая тревожность, пассивность, зависимость от других, обида, неудовлетворенность, уклонение от ответственности, собственно беспомощность, выражающаяся в повышенном уровне невротизации личности, пессимизм вплоть до депрессивных проявлений, неконструктивные копинг-стратегии — избегание, отвлечение. Ко вторым — сложные жизненные ситуации, характеризующиеся высоким стрессовым воздействием, травматичные неблагоприятным изменением личностного статуса, а также существенной неопределенностью последствий в сочетании с нехваткой личностных ресурсов и отсутствием опыта.

Исследование, проведенное нами, показывает, что женщина в ситуации осложненной беременности может стать замкнутой, дезадаптивной, подверженной спонтанному ухудшению своего как психологического, так и физического состояния, приобретая особый симптомокомплекс личностной беспомощно-

сти. Поскольку выявлено, что шкала, отражающая аффективные проявления беспомощности, имеет статистически значимые связи со шкалами пассивно-депрессивной направленности личности, полагаем, что женщины, демонстрирующие этот стиль, составляют группу риска и требуют особого к себе отношения и внимания. Вероятно, этот показатель является одним из самых неблагоприятных для самочувствия женщины и может не только обуславливать личностную беспомощность во время беременности, но и нарушать взаимодействие в диаде «мать — дитя». Тревога и страх, которые испытывают беременные, касаются того, что с ними, еще не родившимся ребенком, их близкими непременно что-нибудь случится. Коррекция этого депрессивного фона беременности заключается прежде всего в снижении уровня страха перед неизвестностью. В терапии беспомощности и моделировании не беспомощного, адаптивного поведения для отвлечения от навязчивых мыслей можно использовать способ воображения хорошего исхода беременности. Личностная зрелость и готовность к вынашиванию ребенка также являются важными факторами для профилактики беспомощности в этот сложный период.

Дополнительно отметим, что полученные результаты в целом подтверждают конструктивную валидность опросника «Беспомощность», но такие вспомогательные шкалы, как эскапизм и растерянность, нуждаются в дополнительной проработке, поскольку имеют невысокую внутреннюю согласованность и связаны только со стратегиями совладания.

Библиографический список

1. Батурич Н.А. Психология успеха и неудачи: учеб. пособие. Челябинск: Изд. ЮУрГУ, 1999.
2. Бурлачук А. Ф., Коржова Е. Ю. Психология жизненных ситуаций: учеб. пособие. М.: Российское педагогическое агентство, 1998.
3. Бурлачук А. Ф., Михайлова Н. Б. К психологической теории ситуации // Психологический журнал. 2002. Т. 23. № 1.
4. Василюк Ф. Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во МГУ, 1984.
5. Демин А. Н. Личность в кризисе занятости. Стратегии и механизмы преодоления кризиса. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2004.
6. Карцева Т. Е. Понятие жизненного события в психологии // Психология личности в социалистическом обществе: Личность и ее жизненный путь. М.: Наука, 1990.
7. Кемпински А. Экзистенциальная психотерапия. М.: Совершенство, 1998.
8. Конончук А. Формирование стиля разрешения жизненных трудностей в условиях неправильного воспитания // Психологический журнал. 1985. Т. 6, № 3.
9. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, структура и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 1999.

10. Личность и бытие: Субъектный подход. Личность как субъект бытия: теоретико-методологические основания анализа: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2005.
11. *Ломов Б. Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
12. Методики диагностики и измерения психических состояний личности/авт. и сост. А. О. Прохоров. М.: ПЕРСЭ, 2004.
13. *Мясищев В. Н.* Психология и медицина // Роль психического фактора в происхождении, течении и лечении соматических болезней. М.: Медицина, 1972.
14. *Мясищев В. Н.* Персонология, психология и медицина // Клинико-психологические исследования личности. Л.: Медицина, 1971.
15. *Павлов И. П.* Лекции о работе больших полушарий головного мозга. М.: АПН РСФСР, 1952.
16. *Росс А., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект-Пресс, 1999.
17. *Рубинштейн С. А.* Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
18. *Фоменко Г. Ю.* Личность в экстремальных условиях: Два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
19. *Шиповская В. В.* Беспомощность: теория, эксперименты, практика. Краснодар: ИЭиУ МиСС, 2009.
20. *Юнг К. Г.* Аналитическая психология: прошлое и настоящее/К. Г. Юнг, Э. Сэмюэлс, В. Одайник, Дж. Хаббэк; сост. В. В. Зеленский, А. М. Руткевич. М.: Мартис, 1995.
21. *Montada L.* Entwicklungs psychologie. Ausgabe 4. BLTZ, 1996.

ОТНОШЕНИЕ ЛИЧНОСТИ К ВРЕМЕНИ ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ НЕОПРЕДЕЛЁННОСТИ

.....

И. А. Петрова¹

В статье рассматриваются особенности влияния неопределённой ситуации в организации на отношение личности к времени жизни. Показано, что опыт переживания неопределённости в дальнейшем сказывается на общем отношении к прошлому и прямо не влияет на отношение к настоящему и будущему.

Ключевые слова: неопределённость, ненадёжность работы, отношение к времени жизни.

The article deals with the influence of undefined situation in the organization to the individual lifetime relation. It is shown that the feeling experience of undefined in the future will impact on the general attitude towards the past and does not directly affect on the attitude to the present and future.

Key words: undefined, job insecurity, attitudes toward life time.

Неопределённость рассматривается в психологии как мощный стрессор, оказывающий влияние на личность. Например, общая социальная неопределённость в России повлияла на изменение ценностных иерархий, кризис идентичности, рост разнообразных страхов и тревог, изменение способов регуляции жизненного пути и другие характеристики личности [1, 2, 3 и др.]. Неопределённость на уровне организации также выступает стрессором и источником напряжённости для человека. В зарубежных исследованиях показано, что организационные изменения влияют на мотивацию работников, их физическое и психологическое благополучие, отношение к организации, семейную жизнь [10, 21, 23]. В отечественной психологии предпринимаются попытки изучения организационных изменений, сопутствующих им переживаний и способов совладающего поведения [9, 11, 12, 15]. На уровне индивидуальной профессиональной деятельности неопределённость из-за дефицита

---

¹ Петрова Ирина Анатольевна — менеджер по развитию человеческого потенциала ООО «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия» (Москва). Эл. адрес: soulrina@mail.ru

Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект № 07-06-00249а «Психология ненадежной работы: исследование феномена в российских условиях»).

или избытка информации традиционно рассматривается как один из факторов, способных серьёзно повлиять на процесс деятельности, её продуктивность, психические состояния субъекта труда [4].

В настоящее время складывается мнение, что процессы преодоления неопределённости следует рассматривать не только в негативном, но и в позитивном плане — они необходимы для становления системы личностной регуляции человека [8].

Неопределённость на уровне организации служит источником *ненадёжности работы*. В зарубежных исследованиях данный феномен связывают с чувством беспомощности при поддержании желаемой стабильности своей работы, с несоответствием между уровнем переживания безопасности и уровнем, который люди предпочли бы иметь, с ожиданием изменений параметров занятости в худшую сторону и т. п. [18, 19, 21]. Число исследований, посвящённых ненадёжности работы, значительно выросло за последние годы. Авторы обращают внимание на стрессогенный характер данного явления: человек не знает, что его ждёт: он может остаться в организации, может её покинуть, у него могут измениться условия контракта и т. д. [20]. Иными словами, организационная неопределённость неразрывно связана с отношением личности к времени своей жизни. Если для периода организационных изменений такая связь достаточно очевидна, вытекает из сути феномена ненадёжности работы и подтверждена зарубежными и отечественными исследованиями [7, 15, 19, 21], то для периода после организационных изменений эта связь не изучена.

Предмет исследования — влияние неопределённости в организации на отношение человека к времени жизни. Гипотеза заключается в том, что организационная неопределённость будет влиять на отношение работников к времени жизни и после завершения изменений в организации. Цель статьи — выявить, каким именно образом неопределённость в организации будет воздействовать на отношение человека к времени жизни.

Основанием гипотезы стали исследования зарубежных авторов, изучающих ненадёжность работы и организационные стрессы, работы Ж. Нюттена, К. Муздыбаева и других авторов, рассматривающих различные аспекты отношения личности к времени.

Ж. Нюттен внёс большой вклад в изучение данного вопроса, понимая отношение к времени и как оценку прошлого, настоящего, будущего, и как временную ориентацию, и как временную перспективу. При этом особое внимание он уделял будущей временной перспективе, которая выражается в задачах, намерениях, планах. Ж. Нюттен полагал, что темпоральные особенности перспектив определённым образом связаны не только с содержанием планов, но и с содержанием тех социальных структур (институтов, групп, процессов), к которым эти планы относятся [14]. В литературе выделяют такие качества

временной перспективы, как глубина (продолжительность), оптимистичность, согласованность, реалистичность, дифференцированность и др. [6, 14].

К. Муздыбаевым показано, что распад социальной системы, изменение привычных жизненных обстоятельств серьёзно влияют на переживание человеком времени, особенно это сказывается на временной перспективе и отношении к прошлому, настоящему, будущему, что, в свою очередь, воздействует на мотивацию личности, её активность и способность совладать с жизненными трудностями [13]. В эмпирическом исследовании данного автора выявлено, во-первых, сильное сокращение временной перспективы у большей части респондентов или полная её неопределённость, во-вторых, значительная временная дезориентация людей (преимущественная ориентация на прошлое и неопределённость временной ориентации), в-третьих, восприятие настоящего исключительно в негативном свете. По данным К. Муздыбаева, переживание времени тесно связано с уровнем дохода и успехом в жизни.

Эмпирическое исследование было организовано следующим образом.

Выборку составили сотрудники двух предприятий, которые занимаются производством продуктов питания; одно предприятие располагается в станице Краснодарского края, другое — в Московской области. Оба предприятия находились на момент начала исследования в ситуации перехода к новому собственнику и реорганизации управления. На каждом из них по квотному принципу были опрошены рядовые работники и менеджеры среднего звена, мужчины (48%) и женщины (52%), средний их возраст — 36 лет. Совокупный объём выборки составил 81 чел. ($n = 41$ на предприятии в Краснодарском крае и $n = 40$ на предприятии в Московской области). Исследование было организовано в форме лонгитюда (одни и те же работники опрашивались дважды с интервалом в один год). Использовался ряд методик, измеряющих отношение человека к различным сторонам своей жизни, к самому себе, способы поведения в трудной ситуации и др. Поскольку в данной статье представлена только часть исследования, опишем методики, имеющие непосредственное отношение к проверке заявленной гипотезы.

Рассмотрим методики, используемые при первом опросе.

1. Индекс вероятных изменений на предприятии, включающий 13 показателей, например: перепрофилирование производства, слияние с другой компанией, смена директора, трудности с выплатой зарплаты, сокращение или увольнение части работников, ухудшение режима или физических условий труда и др. Респондентам предлагалось оценить вероятность наступления каждого из событий по пятибалльной шкале, затем эти оценки суммировались. Данная методика позволяет перевести неопределённость в плоскость психологического анализа: чем выше прогнозируемая вероятность изменений, тем выше неопределённость жизненной ситуации работника. Такой подход соответствует устоявшейся традиции в психологическом понимании ненадёжной работы

как переживания, сопутствующего прогнозированию некоторых основополагающих, но независимых от человека событий в его занятости [20].

2. Адаптированный к российским условиям опросник Т. Пробст «Job Security Index and the Job Security Satisfaction Scale» [22]; русскоязычный вариант называется методикой измерения ненадёжности работы (МИНР) и включает Шкалу ненадёжности будущего и Шкалу ненадёжности настоящего [7]. МИНР использовалась для измерения отношения человека к своему настоящему и будущему в организации, которые являются аспектами времени жизни человека.

Показатели индекса вероятных изменений на предприятии, ненадёжности будущего и ненадёжности настоящего рассматривались в качестве *психологических индикаторов организационной неопределённости*. Для того чтобы соотнести их с показателями отношения к времени жизни, через год к названным методикам добавилась еще три методики.

1. Отношение к времени жизни за прошедший год. Использовались 15 шкал, заимствованных из работ К. Муздыбаева [13] и Ж. Ньютена [14]. Респондентам задавался вопрос «Как Вы оцениваете время своей жизни за прошедший год?» В каждой строке нужно было обвести одну из цифр между предлагаемыми вариантами ответов. Цифра «1» означает максимальную степень согласия с левым вариантом, цифра «7» — с правым вариантом. Цифра «4» означает среднее значение между вариантами. Предложенные шкалы позволяют вычислить три индекса: эмоциональное отношение к времени жизни (шкалы «приятное — неприятное», «безопасное — страшное» и т. п.), ценностное отношение к времени жизни (шкалы «насыщенное событиями — бедное событиями», «осмысленное — бессмысленное» и т. п.), личностный контроль времени жизни (шкалы «исполненное надежд — безнадежное», «успешное — неудачное» и др.).

2. Оценка трудности и неопределённости текущей жизненной ситуации. Использовались 4 пункта из одноимённой шкалы Н. Е. Водопьяновой [5]; 2 пункта относились к первичной оценке ситуации, 2 пункта — к вторичной оценке (степень контроля и понимания ситуации). Вычислялся как общий показатель стрессогенности ситуации, так и показатель контролируемости, объединяющий два последних пункта (учитывая особенности подсчёта баллов, он в дальнейшем называется показателем неконтролируемости ситуации).

3. Отношение к будущему в форме глубины временной перспективы. Респондентам задавался вопрос: «Учитывая нынешнюю ситуацию, насколько времени вперёд Вы с уверенностью можете планировать своё будущее?». Использовалась шкала, предложенная К. Муздыбаевым [13].

При анализе собранных данных применялись t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ.

Таблица 1

Прогнозирование работниками событий на предприятиях

Вероятные события	Место в иерархии прогнозируемых изменений
Смена директора предприятия	1
Сокращение или увольнение части работников	2
Изменение условий личных контрактов сотрудников	3
Продажа предприятия новому собственнику	4
Слияние с другой компанией	5
Смена вашего непосредственного руководителя	6
Ухудшение режима или физических условий труда	7
Внедрение новых технологий, которые могут привести к ненужности некоторых видов работ	8
Притеснение отдельных сотрудников со стороны руководства и выживание	9
Притеснение отдельных сотрудников со стороны других коллег и выживание	10
Трудности с выплатой заработной платы	11
Закрытие предприятия	12
Перепрофилирование производства	13

После обработки собранных в первом опросе данных оказалось, что структуры прогнозируемых изменений на предприятиях в Краснодарском крае и Московской области не отличаются друг от друга (использовался коэффициент корреляции Спирмена, вероятность ошибки при сравнении $p = 0,001$), поэтому подвыборки были объединены. В сознании работников ожидаемые изменения персонифицированы, главные же причины возможных изменений (продажа предприятия, слияние с другой компанией) в определённой степени недооцениваются (табл. 1).

При повторном опросе через год, когда ситуация на предприятиях относительно стабилизировалась, было зафиксировано существенное снижение индекса вероятных изменений на предприятии ($p = 0,02$) и показателя ненадёжности будущего (одна из шкал МИНР, $p = 0,04$) (табл. 2). Изменение прогнозов и негативного отношения к своему будущему в организации свидетельствует о том, что работники адекватно оценивали динамику общей ситуации на предприятиях.

Дополнительно были выявлены следующие факты.

Таблица 2

Показатели прогнозирования изменений и ненадёжности работы при первом (высокая организационная неопределённость) и втором опросе (относительная стабилизация ситуации на предприятиях)

Основные исследуемые переменные	Показатели при первом опросе	Показатели при втором опросе (через год)	Уровень значимости различий
Индекс вероятных изменений на предприятии	39,5	35,4	0,02
Ненадёжность будущего	2,03	1,82	0,04
Ненадёжность настоящего	2,02	1,91	0,29

Обнаружено отсутствие статистически значимых корреляционных связей между показателями ненадёжности будущего и настоящего при втором опросе с аналогичными показателями при первом опросе. При этом показатели ненадёжности будущего и настоящего, а также индекс вероятных изменений тесно связаны между собой как при первом, так и при втором опросе.

В совокупности выявленные факты позволяют предположить, что выход из ситуации организационных изменений носит индивидуально вариативный характер. Кроме того, можно провести аналогию между переживанием ненадёжности работы и формированием функциональных комплексов саморегуляции психических состояний. В литературе выделяют комплексы, характерные для часа, дня, недели, полагая, что отношения между ними — это отношения включения [16]. В нашем случае временной интервал действия возможного функционального комплекса выходит далеко за границы недели, соотносится не с повторяющимися повседневными обстоятельствами, а с ненормативной ситуацией жизненного пути. После прохождения такой ситуации соответствующий функциональный комплекс перестаёт существовать и формируется новый функциональный комплекс, адекватный новой, менее напряжённой ситуации. Этим можно объяснить как существенное снижение индекса вероятных изменений на предприятии и показателя ненадёжности будущего, так и отсутствие зависимостей между показателями ненадёжности будущего и настоящего при первом опросе с аналогичными показателями при втором опросе.

В табл. 3 представлены статистически значимые коэффициенты корреляции между показателями прогнозирования изменений и ненадёжности работы при обоих опросах (т.е. психологическими индикаторами организационных изменений) и показателями отношения к времени жизни (к прошедшему году, текущей ситуации, будущему), измеренными при втором опросе.

Ненадёжность будущего при первом опросе оказывает отрицательное влияние на эмоциональное и ценностное отношение к времени жизни за прошед-

Таблица 3

Статистически значимые ($p < 0,05$) коэффициенты корреляции между исследуемыми переменными при первом и втором опросах

Переменные	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1		0,26	0,45	0,33				0,28				
2			0,59				0,33	0,33	0,29			
3												
4					0,64	0,54						
5						0,84						
6												
7								0,63	0,75		0,47	0,45
8									0,83		0,57	0,51
9											0,59	0,57
10											-0,28	-0,3
11												0,93
12												

Примечание: 1 — индекс вероятных изменений на предприятии при первом опросе; 2 — ненадёжность будущего при первом опросе; 3 — ненадёжность настоящего при первом опросе; 4 — индекс вероятных изменений на предприятии при втором опросе; 5 — ненадёжность будущего при втором опросе; 6 — ненадёжность настоящего при втором опросе; 7 — эмоциональное отношение к времени жизни за прошедший год; 8 — ценностное отношение к времени жизни за прошедший год; 9 — личный контроль времени жизни за прошедший год; 10 — глубина временной перспективы при втором опросе; 11 — стрессогенность ситуации при втором опросе; 12 — неконтролируемость ситуации при втором опросе.

ший год и на параметр личного контроля времени жизни за прошедший год (в соответствующих шкалах рост значений соответствует приближению к отрицательному полюсу), измеренные при втором опросе. Выявленный отрицательный эффект можно объяснить так: угрожающая неопределённость, как правило, сопровождается негативными эмоциональными переживаниями, вызывает неприятие и отчуждение, воспринимается как источник возможных неудач. По-видимому, эти состояния обладают инерцией и повторяемостью, фиксируются в памяти. Получается, что ненадёжность личного будущего в конкретной организации в последующем трансформируется в отношении к времени жизни в целом за прошедший год. То есть имеет место переход от частного негативного отношения к будущему, к общему негативному отношению к прошлому, что обеспечивает непрерывность (пусть и негативно окрашенную) психологического времени. Данный механизм похож на один из принципов характерообразования: генерализация, обобщение психического состояния в структуре характера личности [17].

Индекс вероятных изменений, измеренный при первом опросе, оказывает отрицательное влияние на ценностный аспект отношения к времени жизни, измеренный при втором опросе. Здесь, с нашей точки зрения, применима та же интерпретация, что и в случае с ненадёжностью будущего.

Отношение к времени жизни за прошедший год тесно связано с оценкой текущей жизненной ситуации как стрессогенной и неконтролируемой. Получается, что организационные изменения, произошедшие год назад, оказывают отложенное, но опосредованное влияние на переживание настоящего.

Обращает на себя внимание отсутствие некоторых ожидаемых в соответствии с гипотезой корреляционных зависимостей.

Во-первых, речь идёт о том, что переживание ненадёжности настоящего при первом опросе (т.е. один из индикаторов организационной неопределённости) никак не влияет на отношение к времени жизни при втором опросе. Вероятно, это связано с разными регуляторными функциями ненадёжности настоящего и будущего. Косвенно в пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что при втором опросе показатель ненадёжности настоящего не изменился по сравнению с первым опросом, а показатель ненадёжности будущего существенно понизился, соответствуя тем самым произошедшей на предприятии относительной стабилизации.

Во-вторых, не выявлены значимые корреляционные связи глубины временной перспективы ни с прогнозированием изменений на предприятиях, ни с переживанием ненадёжности будущего и настоящего, измеренными как при первом, так и при втором опросе, ни с отношением к времени жизни за прошедший год. По-видимому, глубина временной перспективы (глубина планирования) как форма отношения к будущему выпадает из процессов переживания организационных изменений, психологически будущее не связано с прошлым. Похожие результаты, но при интерпретации общей социальной неопределённости, были получены К. Муздыбаевым [13]. При этом глубина планирования тесно и отрицательно связана с уровнем стрессогенности и неконтролируемости текущей жизненной ситуации при втором опросе, т.е. с отношением к настоящему. Всё это напоминает разрыв времён в сознании.

В целом результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Организационная неопределённость влияет на отношение работников к времени жизни даже после завершения изменений в организации. Но при этом она прямо воздействует только на общую оценку прошлого; на оценку текущей ситуации (т.е. настоящего), измеренную через год, организационная неопределённость воздействует косвенно, а на глубину будущего не воздействует. Возможно, в этом проявляется разный статус психологического прошлого, настоящего и будущего при адаптации человека к изменениям: ведущую роль в адаптации играет отношение к прошлому, которое связывает между собой то, что произошло, и то, что сейчас имеет место.

Среди изученных психологических индикаторов организационной неопределённости наибольшим весом, если брать количество корреляционных зависимостей, обладает переживание ненадёжности будущего при первом опросе. Вероятно, это переживание в дальнейших исследованиях может рассматриваться как важная прогностическая переменная при изучении отложенных эффектов организационных изменений.

Проведённое исследование свидетельствует о том, что ненадёжная работа, с одной стороны, является преходящей жизненной ситуацией, с другой стороны, имеет отложенные психологические эффекты, которые можно квалифицировать как ухудшающие психологическое благополучие личности, оставляющие в её памяти неприятные следы и через них влияющие на оценку трудности текущей жизненной ситуации. Важными являются вопросы о том, какова длительность сохранения этих следов, как они в дальнейшем обобщаются и перерабатываются человеком в его жизненном опыте, становясь частью жизненного пути.

Библиографический список

1. *Абульханова К. А.* Личность как субъект жизненного пути // *Время как фактор изменений личности.* Минск: ЕГУ, 2003.
2. *Алавидзе Т. Л., Антонюк Е. В., Гозман Л. Я.* Социальные изменения: восприятие и переживание // *Социальная психология в современном мире: учеб. пособие для вузов/под ред. Г. М. Андреевой, А. И. Донцова.* М.: Аспект Пресс, 2002.
3. *Андреева Г. М.* Психология социального познания: учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000.
4. *Бодров В. А.* Информационный стресс. М.: ПЕР СЭ, 2000.
5. *Водопьянова Н. Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009.
6. *Головаха Е. И., Кроник А. А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.
7. *Дёмин А. Н.* Психологическое измерение ненадёжности работы // *Человек. Сообщество. Управление.* 2008. № 1.
8. *Корнилова Т. В., Новотоцкая-Власова Е. В.* Соотношение уровней нравственного самосознания, эмоционального интеллекта и принятия неопределённости // *Вопросы психологии.* 2009. № 6.
9. *Кузнецова А. С.* Асоциальные копинг-стратегии как проявления неадаптивной саморегуляции состояния в процессе организационных инноваций // *Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: материалы II Междунар. науч.-практ. конф.* Кисловодск; Ставрополь; М.: Издательство СевКавГТУ, 2009. Ч. 2.
10. *Купер К. Л., Дэйв Ф. Д., О'Драйсколл М. П.* Организационный стресс. Теории, исследования и практическое применение. Харьков: Гуманитарный центр, 2007.
11. *Леонова А. Б., Мотовилина И. А.* Профессиональный стресс в процессе организационных изменений // *Психологический журнал.* 2006. Т. 27, № 2.

12. *Мотовилина И.А.* Совладающее поведение профессионалов с различными инновационными установками в ситуации организационных нововведений // Личностный ресурс субъекта труда в изменяющейся России: материалы II Междунар. науч.-практ. конф. Кисловодск; Ставрополь; М.: Издательство СевКавГТУ, 2009. Ч. 2.
13. *Муздыбаев К.* Переживание времени в период кризисов // Психологический журнал. 2000. Т. 21, № 4.
14. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004.
15. *Петрова И.А., Дёмин А.Н.* Влияние организационных изменений на психологическое благополучие и совладающее поведение личности // Вестник Адыгейского государственного университета. 2009. Вып. 2 (44).
16. *Прохоров А.О., Кулыгина И.В.* Повседневный копинг: операциональные средства и комплексы саморегуляции психических состояний субъекта // Психология совладающего поведения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007.
17. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 2.
18. *Ashford S., Lee C., Bobko P.* Content, causes, and consequences of job insecurity: A theory-based measure and substantive test // Academy of Management Journal. 1989. Vol. 32.
19. *Greenhalgh L., Rosenblatt Z.* Job Insecurity: towards conceptual clarity // Academy of Management Review. 1984. Vol. 9.
20. *Jacobson D.* Toward a theoretical distinction between the stress components of the job insecurity and job loss experiences // Research in the Sociology of Organizations. 1991. Vol. 9.
21. Job insecurity: Coping with jobs at risk/J. Hartley, D. Jacobson, B. Klandermans, T. van Vuuren (Eds.). London: Sage, 1991.
22. *Probst T.M.* Development and validation of the Job Security Index and the Job Security Satisfaction scale: A classical test theory and IRT approach // Journal of Occupational & Organizational psychology. 2003. Vol. 76, № 4.
23. *Sverke M., Hellgren J., Näswall K.* No security: A meta-analysis and review of job insecurity and its consequences // Journal of Occupational Health Psychology. 2002. Vol. 7.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Журнал публикует работы в области политологии и политического управления, государственного и муниципального управления, местного хозяйства, менеджмента и управленческого консультирования, социологии управления, общей психологии и психологии личности, социальной и экономической психологии, психологии развития, психологии труда, педагогики и др. областях.

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением («прищепкой») по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе(-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется *Библиографический список*, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем – на иностранных.

Внутритекстовая ссылка обозначается квадратными скобками. Она должна содержать номер источника и страница (или страницы), на которую(-ые) делается ссылка. Пример ссылки: [3, с. 67] означает, что цитируется страница 67 источника под номером 3 *Библиографического списка*.

Резюме. Рукопись должна включать резюме статьи объемом не более 800 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования).

Плата за публикацию с авторов журнала, в т.ч. с аспирантов, не взимается.

Редакция журнала располагается по адресу: Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов..

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ

В течение 5 дней после отсылки статьи автор получает уведомление о получении и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Аспиранты, представляющие свои статьи в журнал, должны также переслать в редакцию внешнюю рецензию с заверенной в установленном порядке подписью рецензента. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы.

В течение последующих 30 рабочих дней автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати.

Образец оформления рецензии:

Рецензия

на рукопись статьи

Иванова Ивана Ивановича, к. пол. н., доц. кафедры политологии НГУ

Текст рецензии, в которой в свободной форме излагается мнение рецензента относительно: 1) научной проблемы, решаемой автором, и ее новизны; 2) актуальности проблемы; 3) теоретической и практической значимости статьи; 4) соответствия или несоответствия положений и выводов автора современным научным концепциям, существующим в данной области исследования; 5) личного вклада автора статьи в решение рассматриваемой проблемы; 6) оценки статьи с точки зрения языка, логики и стиля изложения материала, обоснованности и достоверности выводов и заключений.

Рецензентом дается заключение о целесообразности публикации конкретного материала.

Рецензент

ФИО, научное звание, должность

« ____ » _____ 20 ____ г.

_____ подпись, заверенная печатью